

Анна Михалевская

Марина Коханова

Дмитрий Кузин

Тайники души

14+

Главный редактор

Белка Елена

Литературные редакторы

кот ворчун

Михалевская Анна

Дизайн-верстка

Ула Сенкович

Обложка

Художник Ульяна Колесова

Контент-менеджер

Михалевский Георгий, Пышкин Евгений

Художники

Белка Елена

Колесова Ульяна

Коваленко Валерий

Кузин Дмитрий

Лев Елена

Лякичева Ксения

Пролесковская Валентина

Струбченко Ирина

Argentum Agata

SEN

Редактура

Холодная Наталья

Михалевская Анна

Зауэр Ирина

Корреспонденты

Меллори Елена

Михалевская Анна

Ула Сенкович

Фото Ула Сенкович

Слово редактора

Дорогие друзья!

Говорят, чужая душа – потемки. А своя собственная? Можем ли мы похвастаться тем, что досконально знаем ее? Или тем, что хотя бы стремимся познать? Вряд ли. Гораздо проще прикрываться стандартной личиной нормального среднеспособного человека, отсекая неудобное, необычное, не такое как у всех, вместе с этим теряя свою уникальность, самобытность. Самого себя.

В этом номере писатели, поэты, художники предлагают совершить путешествие в самое опасное место, какое только существует на свете – к тайникам своей души. Да, да – именно опасное... Тайники на то и тайники, чтобы их охраняли все самые злостные страхи. Но где-то в тумане дорог обязательно найдется спасительный мост – между человеком и его душой. Давайте будем искать его вместе! Приятного прочтения.

© 2018 Writercenter.ru.

Все авторские права защищены законом. «Мастерская писателей» является товарным знаком, принадлежащим его создателю.

Все работы, использованные в журнале, любезно предоставлены авторами и защищены авторскими правами.

Редакция журнала

126

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Фантастика

- 30 Эл Лекс. (Не) быть зверем
- 36 Фёдоров Андрей. Прошу никого не винить
- 50 Богданов Борис. Точечные воздействия

Фэнтези

- 58 Крыжановский Михаил. Внутреннее море
- 66 Быковский Станислав. Ступающий

Мистика

- 84 Саломея. Плацебо
- 90 Михалевский Георгий. Хан и Тенгри
- 106 Махавкин Анатолий. Карта-призрак
- 112 Кутман Евгения. О ноябре, вечности и дурных привычках
- 118 Валеев Иван. ...И его мотоцикл
- 126 Бунингит. Японский акцент
- 134 SEN. Сломанный фенакистископ

Реализм

- 146 Желток Янина. Бродский на диване
- 150 Евлампия. Холодная весна
- 156 Германюк Ирина. Как найти небо

Сюрреализм. Постмодернизм

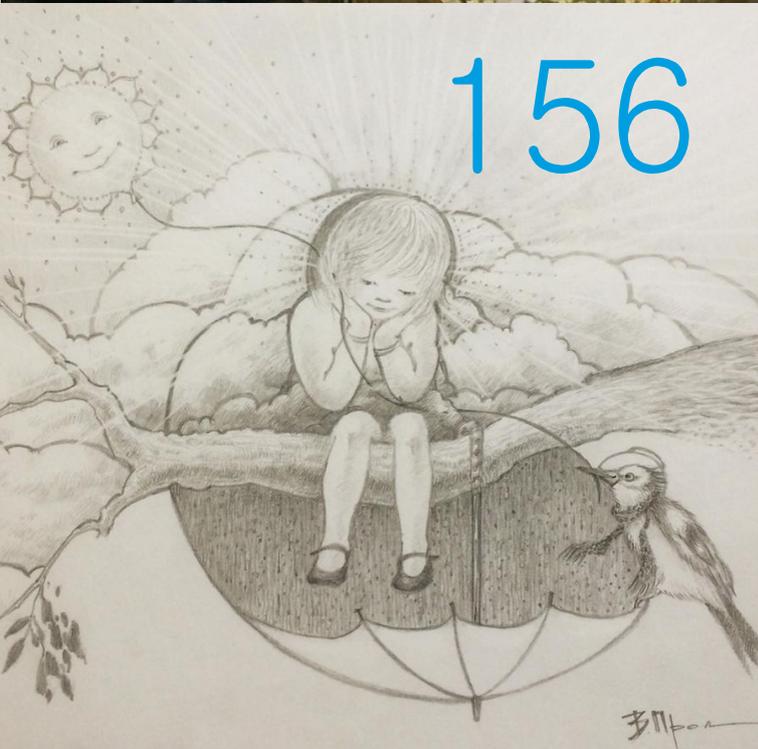
- 160 Кроатоан. На краю ночи
- 170 Исаченко Виталий. Из жизни пистолета
- 174 Дёмин Михаил. На краю
- 182 Аргентум Агата. Авитаминоз души

Сказка

- 184 Карапац Александр. Тайна бабы Яги

50

156

Поэзия

- 26 Argentum Agata
27 Армант, Илинар
- 29 Криштул Илья
- 57 Паллантовна Ника
Карапац Александр
- 81 Криштул Илья
- 83 Карапац Александр
- 142 Зауэр Ирина
- 144 Германюк Ирина
- 169 Белка Елена
- 191 Пак Анастасия

ИМХО

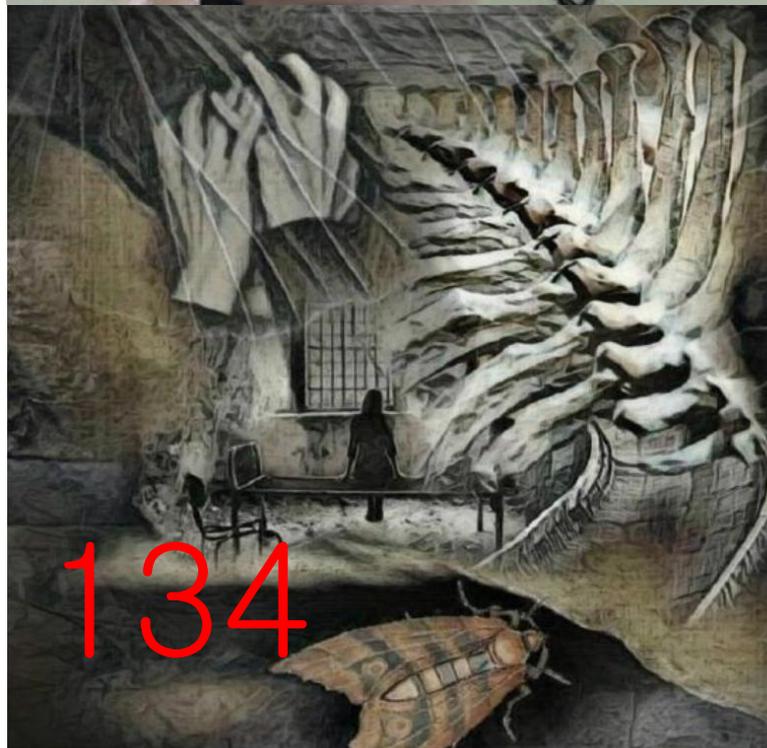
- 7 Михалевская Анна. АВТОР И ГЕРОЙ. Круг перевоплощений

Представляем

- 10 Ула Сенкович. Интервью с Анной Михалевской
16 Ула Сенкович. Интервью с Мариной Кохановой
20 Ула Сенкович. Интервью с Дмитрием Кузиным

На десерт

- 193 Меллори Елена. Тайники души

ИМХО

Художник Колесова Ульяна

АВТОР И ГЕРОЙ

Круг перевоплощений

Ты — автор. Ты придумал историю и выпустил ее в мир. Твои персонажи кочуют по читательским умам, как цыгане по вокзалам. Возможно, прямо сейчас какой-то подросток, закрывшись в комнате от родителей, жадно глотает те строчки, что ты написал. Или твой бывший учитель литературы скептически отмечает в рассказе очередное неточное слово и мысленно ставит четыре... с минусом. Или пожилая женщина, уже было решив бросить чтение, вдруг узнает в герое некоторые черты характера своего сына и продолжает читать. Ты — автор. Ты — мастер перевоплощений! Но каков твой выбор из бесконечной череды масок? И есть ли он, этот выбор?

И вот здесь мы подходим к важному вопросу. Может ли писатель в своих произведениях выйти за рамки собственной личности, характера, накопленного опыта и пережитых эмоций? И если не может, то почему? А если может, то в какую сторону он предпочитает «выходить»? Очевидно, что если бы писатели ограничивались сугубо личной жизнью, все бы строчили мемуары и никогда бы не получил развития жанр фантастики. И мы бы не узнали, куда может завести Фродо кольцо Всевластия, чем заканчиваются попытки «высокоразвитых» землян облагодетельствовать другие планеты или к чему может привести стремление умных потомков "чуть-чуть подправить" «глупое» прошлое, и каков итог ста лет одиночества. Но даже помещенные в

сказочные, космические или сюрреалистические декорации, персонажи все равно оказываются втянутыми в узнаваемые противоборства: дружбы и предательства, любви и ненависти, открытости и замкнутости, войны и мира, личного и общественного. И если писатель может создать соответствующий антураж, хорошо проштудировав первоисточники, то показать острый конфликт, вдохнуть в героев «жизнь» можно только «по образу и подобию». И это закономерно. Чтобы передать картинку, обстановку места действия, достаточно ее увидеть, пусть даже прочитав описание или воссоздав его в уме. Но чтобы передать эмоции, на которых и строится восприятие конфликта читателем, ее надо прожить, прочувствовать. Недаром писатель-философ Герман Гессе в романе «Нарцисс и Гольдмунд» вкладывает такие слова в уста героя, беспутного бродяги и талантливого скульптора:

«Тогда я кинулся в другую сторону жизни, в чувственность, и женщины помогали мне находить в ней наслаждение, они так покорны и падки на ласку. Однако я вовсе не хочу отзываться о них презрительно, как и о чувственных наслаждениях, они часто доставляли мне счастье. Но мне выпало и другое счастье — узнать, что чувственное поддается одухотворению. Из этого возникает искусство.»

Выходит, эмоции писателя и любого творческого человека не только «оживляют» текст, но и вообще являются мощной движущей

ИМХО

силой для творчества. Однако творчество не всегда перерастает в искусство. Нам всем знакомы подростковые стихи про любовь, написанные на резких эмоциональных подъемах или спадах, но это не делает их шедеврами.

Что же в алхимической печи страстей мешает переплавить эмоции в произведения искусства? Опустим те случаи, когда нет таланта к писательству. Предположим, он есть. Предположим даже, что автор, не боясь испортить дурными советами свою врожденную гениальность, прочел пару-тройку книг по литературоведению и знает, как строить сюжет и создавать персонажей. Но это еще не все! Важен, к примеру, опыт. Опять-таки, эмоциональный опыт переживания тех или иных жизненных ситуаций — когда перегорело, перекипело, сделаны выводы и закрыта страница. Тогда эмоция получается зрелой и есть что сказать читателю. Иначе читатель получает бурлящий коктейль и остается в расстроенных чувствах и с разбитым горшком, куда его и посадил автор своей недопрожитой эмоцией. Например, закупоренные в детстве страхи выливаются в натуралистичные описания и смакование деталей болезней, убийств, извращенного секса и вообще любых отклонений от того, что считается нормой. Это, кстати, защитная реакция психики: она пытается подготовить человека к тем опасностям, которых он ожидает от мира. Готовит, конечно, не очень эффективно, но как может — в игровом пространстве, которое отвел для нее не отдающий отчета в своих страхах писатель; а за ним в это игровое пространство попадает и читатель.

Поэтому так важна писательская честность. В первую очередь — по отношению к себе. К этому абзацу пора признать: какие бы вселенские конфликты писатели ни затрагивали, пишут они про себя, даже если кажется, что речь идет о родственниках, соседях, бывшем любовнике или президенте. Так уж устроено человеческое сознание: испокон веков одни люди сочиняли истории, другие слушали, но обе стороны видели в роли главных героев себя.

Такое отождествление имеет свои плюсы и минусы. Да, писатель может острее передать и ситуацию, и характер — ведь он пережил это сам! Но одновременно, проводя полную аналогию между собой и персонажем, писатели передают ему представление о себе и о своей жизни, которое, во-первых, не всегда бывает

Художник Ульяна Колесова

достоверным (людям свойственны иллюзии!), а во-вторых, затрагивает какие-то пласты из реальной жизни, которые для данного персонажа не важны, но писатели считают их забавными и лепят на всякий случай, вдруг пригодится.

Чтобы понять наиболее распространенные сбои в таком отождествлении, обратимся к психологии. Это хорошо иллюстрирует эпизод из фильма Вуди Аллена «Полночь в Париже». Писатель попадает в прошлое, и по стечению обстоятельств его рукопись оказывается в руках Хемингуэя. Мастер хвалит роман, но предлагает кое-какие изменения в сюжете: он не верит, что главный герой не видит, как у его невесты развивается роман прямо у него на глазах. Писатель ошарашен, он бормочет под нос: «Это отрицание» и, взяв под мышку рукопись, уходит не прощаясь. Вот такие «отрицания» белыми пятнами ложатся на сюжет романа, когда читатель говорит: «Не верю!», а автор не замечает сбоя в логике развития событий — просто потому, что в собственной жизни он не хочет сталкиваться с

какими-то болезненными ситуациями и объясняет их себе абсурдными доводами или вовсе не видит.

Из этой же серии — разногласия в поведении персонажа и его трактовке автором, а также неоправданная любовь автора к своим героям. Типичный популярный сценарий, демонстрирующий подобный сбой: ничего не представляющая собой девушка вдруг становится желанной для всех мужчин города/королевства/планеты. Это и известный фильм «Красотка», и нашумевшие «Пятьдесят оттенков серого», и бесчисленные фэнтези-романы о попаданцах. С одной стороны, это можно трактовать как мечту, но когда мечта сама плывет в руки зазнавшемуся лентяю или лентяйке, в этом есть что-то несправедливое, не находите? Как бы ни превозносил автор нелицеприятные поступки персонажа или его бездействие (ассоциируя персонажа с собой и таким образом оправдывая себя), толковый читатель эту фальшь заметит и книгу отложит. К сожалению, при высоком художественном исполнении подобные книги могут и привлечь читателей — тех, кто захочет так же оправдать себя. Но это скорее удобный массовый побег от реальности, чем доказательство высокого уровня произведения. Такому социуму пора задуматься о терапии...

Все эти размышления приводят к выводу: книга — это способ автора поговорить с миром, и автор ничего больше не может предложить миру, кроме самого себя, выставляя на публику все, что он, возможно, хотел от других неосознанно скрыть. Или приукрасить. Или объяснить по-другому. Или вовсе вычеркнуть из жизни. И снова возвращаемся к честности. Хороший автор — это честный автор. И раз уж писателям суждено в своих произведениях открываться, то лучше это делать до конца.

И тут психология снова возвращается к приемам литературы. В своей книге «Как написать гениальный роман» Джеймс Фрэй советовал при работе над персонажами задавать им вопросы и

прислушиваться к ответам. Тогда главные герои становятся писательской совестью. И Фрэй был прав: если их внимательно слушать, можно узнать много интересного. Они начинают выбирать свой собственный путь — в обход авторского эгоистичного произвола. «Метания души» вычеркиваются и заменяются настоящими поступками, а отстраненные философствования о смысле жизни превращаются в откровенную беседу с читателем. Я верю, что персонажи, если дать им слово, могут сделать автора лучше. И творение, обретя собственную жизнь, в конце концов чему-то да научит творцов.

© Михалевская Анна

Михалевская Анна

<https://writercenter.ru/profile/Bibigul/whois/>

Художник Ульяна Колесова

www.shannonassociates.com/artist/julianakolesova

Анна Михалевская

Анна Михалевская — молодой талантливый автор из Одессы. Рассказы писательницы публиковались в таких журналах как «Знание-сила», «Новый свет», «Машины и механизмы», антологии «Настоящая фантастика» и в электронных изданиях: «Мир фантастики», «Палисадник», «Гостиная», «Порт-Фолио» и др. Авторский сборник рассказов «Междверье», издательство «Друкарский двор Олега Фёдорова» вышел в 2017 году. Анна Михалевская является также одним из редакторов литературного журнала «WriterCenter.ru».

Анна, расскажи, что было первым из написанного тобой, с чего началось творческое путешествие по «неизведанным мирам»?

Начиналось все с эмоционально-философских зарисовок. Хотя нет, началось все немного раньше — с моих друзей. Они все были насквозь творческими личностями, все к чему-то стремились, чего-то хотели, в такой компании и кенгуру начала бы сочинять стихи. И в какой-то момент я поняла, что могу выразить эмоции в словах. Так и написала свою первую миниатюру «Пустота». О неизведанных мирах я тогда еще не думала — к ним я дошла попозже, после знакомства со сказкотерапией. Тогда у эмоций и абстрактных мыслей появился сюжет.

Нужно ли писателю учиться литературному творчеству? Расскажи о своем пути.

Мое мнение — нужно. Литературное произведение — это очень логичный конструкт. Есть определенные правила и приёмы, и чем раньше эти правила узнаешь, тем четче сможешь донести мысль до читателя. А вот когда уже теория освоена, тогда писатель может себе позволить эксперименты. Это подобно тому, как выход на новый уровень отменяет правила предыдущего уровня. Но чтобы подняться на новый уровень, надо пройти все предыдущие. Возможно, рождаются гении, которые сразу пишут шедевры, но я таких пока не встречала.

Мой путь был очень витиеватым, хотя, может, самым прямым из всех возможных. Я не собиралась становиться писателем, мне интересно было понять, как устроен этот мир. Эта тяга привела меня к психологии. Психология к сказкотерапии, а сказкотерапия — к писательству. Долгое время я писала в стол — просто потому, что нрави-

лось писать. Потом решила выложить что-то в ЖЖ. Прошла пару сетевых конкурсов, прошла литсеминары в Партените у Олди и Андрея Валентинова. После семинаров переписала почти все рассказы и выкинула восемьдесят готовых к тому времени страниц романа. Считаю, это было лучшей школой из всех возможных. Я благодарна мастерам и коллегам-писателям за знания, поддержку и за необычайно прекрасную атмосферу общения. Те, кто был там, меня поймут!

Как приходят идеи твоих историй? Что помогает творчеству и что ты находишь сложным?

Как точно приходят и откуда — не знаю... Я либо вижу картинку, которая меня волнует и мне хочется ее «перерисовать» словами из своего воображения. Либо меня тревожит какая-то нравственная, психологическая, философская дилемма — и тогда под нее создаются герои, обстановка, сюжет. А иногда образ рождается во сне. Так вырос мой второй роман «В коконе» — я увидела во сне небольших кукол, которые были неотлично похожи на живых людей. И тогда же, во сне, я поняла, что эти куклы — кто-то из моей семьи. Все это чудесным образом вплелось в канву романа.

Творчеству помогает ясность ума и души, а также новые впечатления, интересные люди, общение. Очень мешают творчеству беспокойство и неуверенность. К сожалению, не всегда удается их перебороть. Когда вытягиваешь из небытия героев, не знаешь, понравятся они или нет, сможешь в этот раз создать что-то стоящее, или это будет блеклая тень уже созданного, или самоповтор, или глупость несусветная и т.д. Через эти мысли надо просто переступить и гнуть свою линию. Текст всегда можно сделать лучше. Но чтобы что-то сделать лучше, надо это что-то иметь.

Что проще писать, большое произведение или рассказ?

Каждая форма подразумевает свою сложность. Слишком короткий рассказ должен быть отточен до блеска — ни слова лишнего. И тут трудно выбрать, о чем же главном я хочу сейчас сказать.

В романе можно затронуть много тем, сюда влезут и приключения, и философия, и лю-

бовь, и легенды, и символизм. Но пока идет работа, роман поглощает все мое внимание. Это психологически непросто. Герои становятся членами семьи. Сидишь за столом, завтракаешь, а они — рядом. Ковыряются вилкой в зубах и говорят: «Автор, я в этом зазеркалье долго не протяну! Придумай хоть что-нибудь». И плетутся потом за мной до остановки, и в обеденный перерыв наведываются, и перед сном. Очень настырные. Наверное, самая идеальная форма для меня — это длинный рассказ. Есть где разгуляться мысли, и пишется сравнительно быстро.

В чем преимущества и недостатки критики?

Мудрая критика может здорово повысить уровень автора, а глупая — вообще отбить желание писать.

Тут, как мне кажется, важно абстрагироваться от мысли, что вот сейчас кто-то топчется своими грязными ногами по моему "великому"

Художник Дарья Левчук

тексту, а здраво решить, насколько важно для рассказа то, что говорит критик. И если где-то в глубине души есть ощущение, что да, именно в том месте не дотянула, могла бы лучше, то прислушаться стоит. А если критик в своем отзыве в основном говорит о себе, а не о рассказе, то пусть говорит. А мне в другую сторону.

И еще одно наблюдение. Когда уровень автора повышается и он перестает делать элементарные ошибки, то обращаться за критикой нужно уже не ко всем, а к тем, чей уровень заведомо выше.

Расскажи о проекте «Театр Ушей». Каково это, быть чтецом? И о своих впечатлениях как слушательницы?

«Театр Ушей» — проект молодой писательницы Ирины Фингеровой. Это литературный театр, где всем зрителям завязывают глаза еще до того, как они попадают в зал, и за руку отводят на место. Ира хотела создать некую зону непредвзятости: с завязанными глазами не видно, красив ли автор, хорошо ли

одет, стар или молод; непонятно даже, известный он или не очень. Все решает текст автора и его голос. Более того, когда нет картинки происходящего, включается воображение и каждый зритель смотрит «свое кино». Это очень интересно: текст один, но у каждого рождаются свои личные ассоциации, которые в таком формате становятся более яркими и выпуклыми.

Когда Ира меня пригласила почитать что-то в ее театре, я с радостью согласилась. Во-первых, необычный формат. Во-вторых, Ира собрала прекрасную команду — профессиональную, легкую и веселую. На подготовках к выступлениям театра я вспомнила забытую школьную истину: самое прекрасное в спектаклях — это репетиции!

Быть чтецом в таком театре просто здорово. Очень интересно наблюдать за лицами людей, за их эмоциями. Именно на этих выступлениях я поняла, что писать рассказ и читать — «две большие разницы». И второму надо тоже учиться. Причем чтение вслух помогает сделать текст лучше — оно просто убирает все лишнее. На неудачных местах начинаешь непроизвольно запинаться.

Почему ты пишешь именно в жанре фэнтези? Хотела бы попробовать что-то совершенно другое, если да, то что именно?

Не только. Пишу я и научную фантастику, и мистику. И даже иногда реализм! Люблю работать на стыке жанров. Не люблю жестких рамок и жестких привязок к темам, сериям. Буду ли пробовать что-то новое? В общем-то, я всю жизнь этим и занимаюсь.

Твои любимые писатели и произведения?

На протяжении жизни они менялись. Вернее, я открывала для себя что-то новое, и список фаворитов обновлялся. Это Кортасар, Маркес, Булгаков, Ильф и Петров, Уайльд, Марк Твен, Федор Сологуб, Стругацкие, Роберт Шекли, Евгений Шварц, Стивен Кинг, Джон Фаулз, Кристофер Прист, Евгений Замятин, Александр Грин, Стефан Цвейг, Генрих Сенкевич, Марина и Сергей Дяченко, Олди, Валентинов, Дэн Симмонс. И многие другие...

Но были еще и знаковые именно произведения, которые перевернули мое восприятие реальности. Среди них такие: недописанная повесть Марка Твена "№44, Таинственный незнакомец", цикл Кинга «Темная башня», рассказ Кортасара «Аксолотль», Брэдбери «Марсианские хроники», Дэн Симмонс «Гиперион», Дяченко «Ритуал», Булгаков «Мастер и Маргарита».

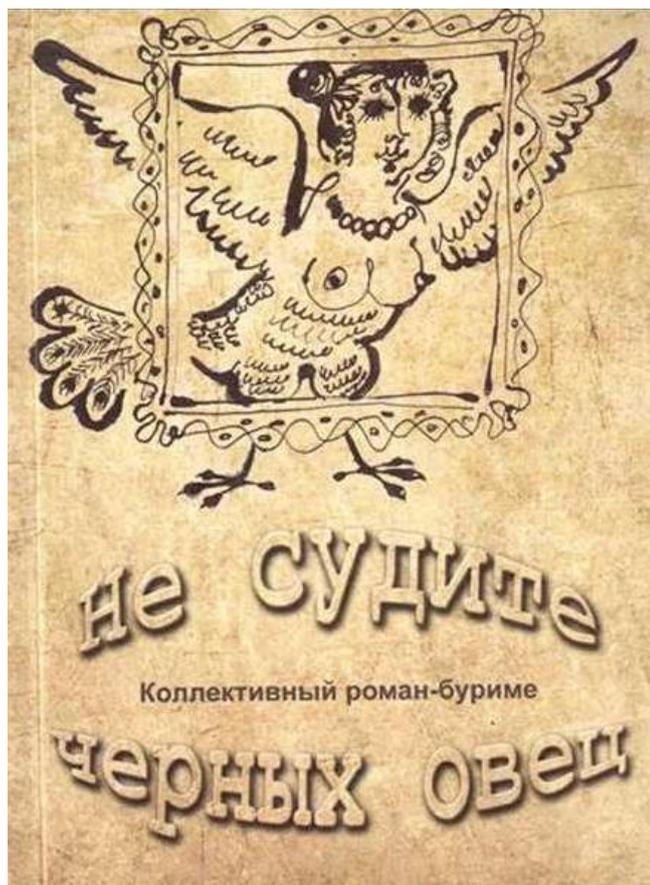
Что вдохновляет тебя не творчество? Бывают творческие заторы, когда не пишется, и все тут? Как с этим борешься?

На творчество вдохновляют, как я уже говорила, новые впечатления, общение, ощущение, что это все кому-то нужно.

Заторы бывают, но я не забрасываю писательство, все равно — хоть по абзацу в день, но пишу. Как борюсь? Пытаюсь понять, почему затор. Чаще всего это означает, что я хочу повернуть текст не в ту сторону, пытаюсь заставить героев делать то, что они не должны делать. Тогда приходится искать новые вари-

Художник Агата Егошина. Сборник рассказов "Междверье"

анты развития событий, и затор постепенно испаряется.

Как по-твоему, писатель пишет для себя или для других? Автор несет ответственность за своих героев? Или бумага все стерпит, и творчество всего лишь фантазии, а они не должны иметь границ?

Писатель пишет про себя. Хотя герои могут быть совершенно непохожими на него, но эмоции и мысли он-то вкладывает в них свои! Но как только его слово слышит еще кто-то, он несет за это ответственность. Конечно, есть психически неуравновешенные люди, которых и невинная сказка может вдохновить на убийство, мы не говорим об этих случаях. Но в большинстве своем читатель улавливает именно тот смысл, который осознанно или неосознанно был заложен автором. В каком-то смысле писатели формируют общественное мнение, задают моду на отношения, задают ценности. А потом все эти слепки чьих-то фантазий становятся эталоном. Поэтому я всегда призываю авторов

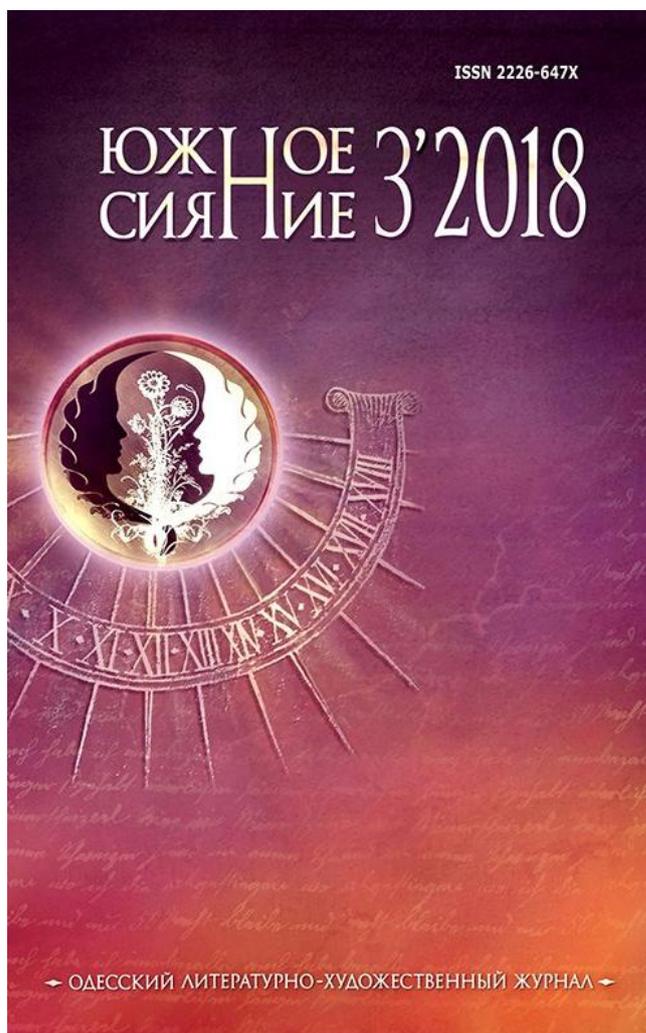
думать о том, как их творчество повлияет на людей. Что мы сейчас поседем в головах у читателей, такие идеи и прорастут лет через десять в обществе.

Так что писать для себя можно, многие так и поступают. Но это несколько эгоистично. Получается, писатель сливает нечто, что ему тяжело нести, в головы читателей. А потом последствия в виде множющихся депрессий и неустроенных жизней расхлебывают все. Но, может, так людям нравится?

Если бы ты не стала писательницей, то какое творчество ты бы выбрала?

Стала бы астрономом, считала бы звезды и называла бы их именами любимых героев... На самом деле я планировала получать третье — астрономическое образование, но что-то меня отвлекло. Возможно, понимание, что хватит учиться, пора заняться чем-то полезным.

А вообще, конечно, хотелось бы рисовать, танцевать и играть на гитаре. Всем этим я по-

немногу занималась на разных этапах жизни, но не хватило сил и терпения вывести эти занятия на серьезный уровень.

Ты все время где-то задействован — то один конкурс, то другой, даже не уследишь. В каком последнем проекте ты участвовала? Поделись впечатлениями.

Последнее время я задействована в литературных проектах от «Всемирного клуба одесситов». Пожалуй, самый интересный из недавних — это роман-буриме «Не судите черных овец». Идею предложил руководитель литературной студии клуба Евгений Михайлович Голубовский. До этого нечто подобное уже делали литераторы в начале 20 века. Тогда двадцать шесть разных авторов (включая Грина, Бабеля, Катаева) писали по главе, и в конце концов написали роман «Большие пожары». Нас было всего тринадцать, мы тоже писали по главе, каждая глава раз в неделю выходила в газете «Вечерняя Одесса». То есть возможности переписать или подкорректировать не было! Последующий автор получал предыдущие главы, неделю думал, присылал главу, и она сразу печаталась в газете. Мы не обговаривали заранее сюжет, и это напоминало американские горки! Но, тем не менее, сюжет романа получился связным. Да, главы написаны в разной стилистике, это и понятно. Но тем интереснее читать! По окончании нашего эксперимента роман вышел отдельной книгой.

Над чем сейчас работаешь? Что немислимое начала уже осуществлять?

Пишу роман о горах. Там будет затронута тема альпинизма и не только. Хочу расшифровать для себя природу камня, понять, почему людей так тянет к горам, в чем их сила. Сейчас я на том этапе, когда герои не просто культур-

но сидят за столом, а недвусмысленно угрожают и требуют продолжения банкета. Так что придется сделать осень временем уединения, пока эти бандиты не снесли мне голову.

Немыслимое... Наверное, я не могла представить, что буду читать со сцены свои рассказы. Причем свои самые первые, которые не понимали ни в одном сетевом конкурсе. И что их будут, затаив дыхание, слушать. И именно в Одессе — где я так долго не могла найти единомышленников. Так что чудеса случаются!

Беседовала Ула Сенкович

Анна Михалевская

<https://writercenter.ru/profile/Bibigul/whois/>

Ула Сенкович

<https://writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/>

Марина Коханова

В 2015 году Марина Коханова дебютировала в непривычном для себя жанре, написав роман-антиутопию "Scammers like you or... / или Любовь - обманная страна".

— **Марина, расскажи, с чего все началось, как возникла идея написать книгу?**

— Идея написать именно эту книгу возникла совершенно случайно.

Столкнувшись с проблемой одиночества, я поняла, как эта проблема актуальна для женщин после сорока пяти лет, особенно для тех, кто живет в странах постсоветского периода. Довольно часто в этом возрасте женщина уже одинока — либо муж инвалид, либо на кладбище, либо спился, либо ушел к другой. Ведь в этих странах женщин по статистике в пять раз больше, чем мужчин. Интернет открыл для них возможность общения и новых знакомств. Желая устроить свою жизнь, они стремятся встретить надежного человека для жизни и готовы для мужчин на многое (это наш такой менталитет). Но, увы, на сайтах знакомств (бесплатных), где в основном и происходят знакомства в сети, много и так называемых брачных аферистов, на удочку которых и попадают женщины, желающие убежать от одиночества, стать желанными, защищенными... и в душе мечтающие о "принце на белом коне". Кстати, такого принца на этих сайтах они и получают. Всё у мошенников отработано до мелочей, как говорится, под любой заказ сделаем любого принца.

Вот эта проблема и побудила меня написать такую книгу с целью вооружить женщин — да и мужчин тоже — ценной информацией о возможных манипуляциях мнимых поклонников по ту сторону экрана монитора.

— **Как давно ты начала писать? Каким был твой первый литературный опыт?**

— Начать писать роман — это желание у меня было ещё со студенческой скамьи. Но, увы, бралась — и только пару страниц... больше никак не получалось. Я и забросила это свое желание. А вот на данный момент моя мечта реализовалась. Писала книгу интуитивно, ну, может быть, вскользь читала попадающие на глаза заметки о технике написания книг.

Как давно я начала писать? На этот вопрос сложно однозначно ответить. Такого жанра произведение я написала впервые. В основном я по роду своей деятельности писала учебные пособия, методические рекомендации по различным учебным дисциплинам. Думаю, и в этой книге я далеко не ушла от этого литературного жанра. Эта книга-роман и есть методические рекомендации.

Она может вполне использоваться и как руководство для начинающих интернет-мошенников; и в виде руководства для пикаперов (какие слова говорить женщинам, чтобы они быстро пошли на сближение); и как богатейший материал для психологов, изучающих проблему одиночества (в нем женщины придумывают себе героя, наделяют их какими-то качествами, влюбляются... и готовы на многое, чтобы продолжать жить в своем заблуждении). В этой книге каждый может найти что-то свое.

Вот такой отзыв мне дал один из моих читателей. В чём-то я с ним согласна.

— Как ты писала книгу? Что было самым сложным? Сколько времени потребовалось, чтобы ее написать?

На это мне потребовалось совсем немного времени — всего лишь полгода. Издавалась книга дольше — в течение одного года; и если считать в общей сложности, то где-то мне понадобилось полтора года, чтобы книга увидела свет.

Как я писала книгу? Да все очень просто... Я использовала готовый диалог — мой и скамеров,

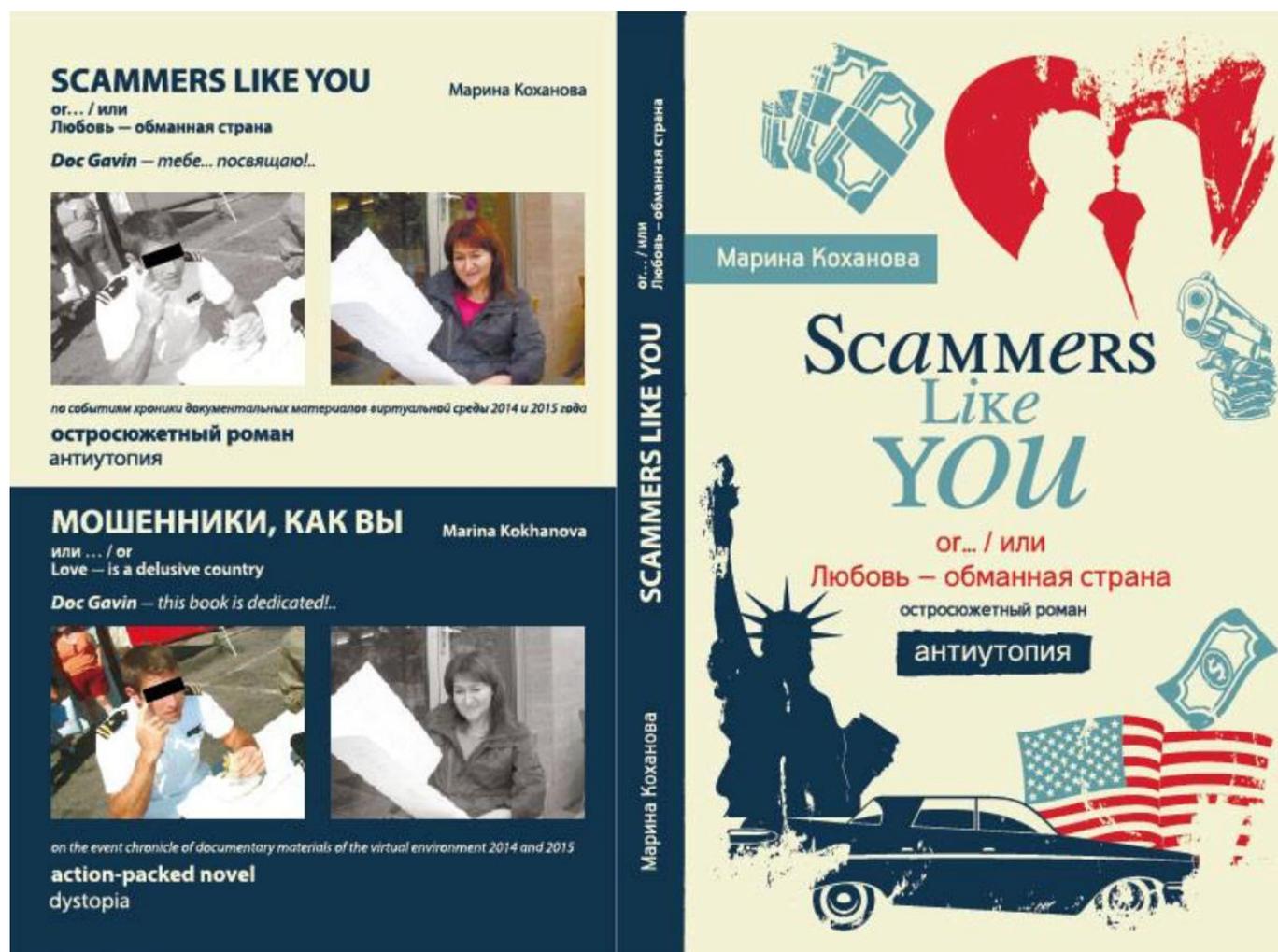
Художник обложки Вера Лобко

но вначале я не знала, что они таковыми являются. Я думала, что общаюсь с такими же пользователями, участниками сайтов знакомств, как и я.

Когда я пообщалась с несколькими из них из "разных уголков мира", то поняла, с чем имею дело, и у меня зародилась идея поиграть с ними в их же игру и отразить это в книге, для того чтобы другие женщины смогли понять смысл такой переписки и были осторожны в выборе своих половинок.

Этот роман написан по подлинным материалам виртуальной переписки. Я надеюсь, мне удалось достоверно осветить чувства и эмоции обитателей виртуальной реальности. Книга состоит из трех частей. В первой ее части я нафантазировала сюжет с целью получения острых ощущений, так как главный герой этой части был уж очень рискованный парень; впрочем, не только он, но и еще несколько его "друзей" по оружию.

С первой главы, название которой "Бегущий по лезвию", начинается изложение истории афер, которые процветают на сайтах знакомств. Глава написана, как остросюжетное действо, в котором три товарища раскрывают нигерийскую аферу в

Представляем

виртуальной реальности. Начинается эта глава именно вымышленной ситуацией, в которую включаются главные действующие лица.

В этой главе показана доверчивость и долготерпение женщины, а также трагизм ее состояния и чувств.

Вторая глава — "Бегущая по волнам" — представляет собой действительно оригинальную переписку двух людей в виртуальной среде. В ней содержится ряд намёков на виртуальную интригу, но она более реальна, чем предыдущая глава. Это видно из диалогов двух героев — мужчины и женщины, когда разыгрываются истинные чувства и эмоции, укрепляющие веру женщины в реальность происходящего.

И третья глава — "Вести ниоткуда" — своего рода описание алгоритма действий скамеров. Кратко изложенные сведения в письмах к женщине, представленные в этой главе, могут быть развернуты потом в целые сцены для одного актера (женщины-жертвы) в рамках хорошо спланированной аферы.

Диалоги со стороны мужчин-скамеров и тексты писем — подлинны, с минимальной их корректировкой для удобства чтения и восприятия. Самым сложным для меня в написании данной книги было вжиться в образ героини романа — женщины-жертвы (а образ ее — это собирательный образ многих женщин, где-то даже автобиографичный, но не полностью).

Мне приходилось эмоционально переживать все действия и события, которые обрушились в виртуальной, да и в реальной, среде на эту женщину, а иначе я не смогла бы правдиво описать ее чувства и действия. И сегодня, по прошествии некоторого периода, я благодарна случаю, который позволил мне пережить такой всплеск эмоций и выброс адренолина, да и многое другое.

— Как возникла идея издать книгу? Ты сразу отправила рукопись в издательство? Пришлось вносить правки в текст?

— Издать книгу идея возникла уже в ходе ее написания. Где-то после окончания первой части книги. Я хотела, чтобы как можно большее количество женщин узнало о таких аферах, поэтому медлить было нельзя. С издателем я познакомилась лично и работала с ним в течение года над рукописью и над дизайном обложки, над редактированием текста и его корректурой. Работать было очень интересно, потому что вся команда была заинтересована и воодушевлена идеей книги, так как сюжет для них был нов и интересен.

— Как к твоему творчеству относятся близкие, друзья?

— Близкие и друзья являются участниками моего творчества. Ведь когда я писала, меня одолевало множество сомнений, а также бурных эмоций, переживаний и догадок. Поиск информации, исследование, психологическая трактовка множества сообщений героев романа и, соответственно, их действий — весь этот объём работы я не осилила бы одна. И мои близкие, и друзья, и коллеги по работе, и случайные знакомые, которые затем стали моими приятелями, — абсолютно все они были вовлечены в моё творчество. И это было великолепно! Мне очень нравилось. Да я думаю, и всем остальным, так как они с заинтересованностью относились к развитию событий. А события развивались уж очень бурно, как виртуально, так и реально, а затем выстраивались в текст романа.

Как автор я выражаю благодарность за понимание, поддержку и помощь в издании этого романа истинным друзьям и партнерам.

— Твои любимые авторы и произведения?

— Ответить на этот вопрос затруднительно, но всегда для меня приятно перечитывать и находить для себя новое у таких авторов, как Жорж Санд, Эрнест Хемингуэй, Эрих Мария Ремарк, Проспер Мериме, Артур Хейли, Александр Грин, Иван Ефремов, Иван Шамякин, Владимир Короткевич.

— Книга опубликована под псевдонимом. Почему именно такой — Марина Коханова?

— Все очень просто. Я родилась в деревне Красное Кореличского района Гродненской области, и там прошли мои детские годы. Именно из своей родной спадчины*(наследие* бел.) я и унаследовала этот псевдоним. У всех были свои уличные имена "мянушки"*(прозвище* бел.). Мы носили имя Кохановы, меня все там знали не по ФИО, а по этому псевдониму; и даже позже, когда я приезжала в свою деревню, все говорили: "Вот приехала из Минска Марина Коханова". Вот я и взяла этот псевдоним.

Но я думаю, что к этому роману он тоже хорошо подходит, потому что на белорусском языке "каханне" — это любовь к женщине.

— Писатель может изменить мир своими произведениями? Или литература должна быть только развлекательной?

— Я считаю, что литература не может быть только развлекательной. Литература дает пищу для раздумий, размышлений, одним словом для рефлексии. А какого уровня будет рефлексия — это зависит от профессионализма и мастерства автора. В эпилоге к первой части романа я написала: "У меня нет и тени художественного таланта. Но это нормально. Не осуждай меня, читатель. Твоя простодушная наивность принудила меня взяться за неблагодарное ремесло бумагомарания. Но ты уже попался в мои руки, и я могу продолжить свой роман далее, прочтешь его не без пользы для себя. Истина — хорошая вещь! Она вознаграждает недостатки писателя, который служит ей."

— Что для тебя значит «быть счастливой»?

— Для меня быть счастливой — это быть в гармонии с собой, в комфортной среде, а это значит, чтобы мир моих близких был спокоен, и мир был в мире... Как то так.

— Несколько слов о себе.

— О себе... не люблю говорить... Что можно сказать? Архитектор по образованию, педагог — по призванию. Вот, пожалуй, и все.

— Над каким проектом работаешь сейчас?

— Я хочу написать автобиографическую повесть для моих детей. Ее рабочее название: "Я и моя фамилия". Это будет произведение не для широкого круга читателей. А толчком к этой идее послужили следующие мысли: «Не забывайте рода своего, прошлого своего, изучайте своих дедов и прадедов, работайте над закреплением памяти о них. Старайтесь записывать всё, что можете, о прошлом рода, семьи, дома. Старайтесь собирать портреты, автографы, письма, сочинения печатные и рукописные всех тех, кто имел отношение к семье, к роду. Пусть вся история рода будет закреплена в вашем доме и пусть всё около вас будет напитано воспоминаниями. Не ищите власти, богатства, влияния. Нам не свойственно всё это; в малой же доле оно само придёт — в мере нужной. А иначе станет вам скучно и тягостно жить...»

Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем.

Завещание. (1917-1919 гг.)

Беседовала Ула Сенкович

Марина Коханова

<https://www.facebook.com/marinoken60/>

<https://www.facebook.com/profile.php?id=100010479915587&lst=100010479915587%3A100010479915587%3A1538460006>

Ула Сенкович

<https://writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/>

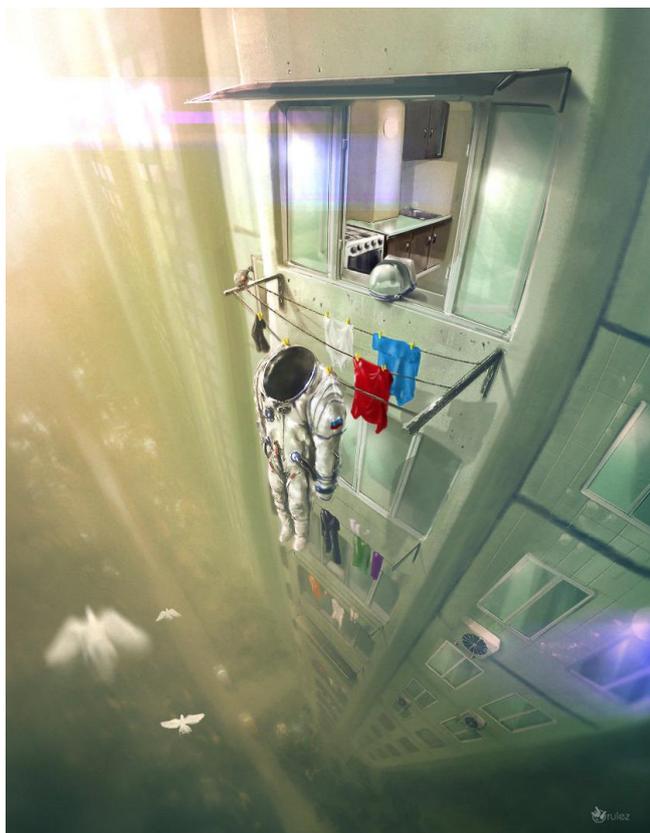

Дмитрий Кузин

Дмитрий Кузин — молодой талантливый художник из Узбекистана. Известен своими необыкновенно реалистическими картинами космоса и фантастических миров. Публикуется в сети под логином Rulez.

Holiday

— **Дмитрий, расскажите о себе. С чего началось ваше увлечение искусством?**

— Рисую, сколько себя помню, с самых ранних лет, как только научился держать в руках карандаш. Как и откуда появился интерес, не помню, но факт в том, что он не пропал и я рисую до сих пор.

Художественного образования у меня нет, я все постепенно узнавал сам на практике — рисовал то, что нравится, а главное, для души! Меня никто не заставлял, не требовал, я просто любил это дело и брался за него с большим удовольствием. И мне кажется, то что меня не отправили в художественную школу — это один из плюсов (есть в этом, конечно, и минусы, они обязательны, но не о них же говорим...

Уже позже, в старших классах, я начал жалеть, что не учился рисованию, так как на тот момент у меня появился большой интерес к окружающей обстановке, пейзажам и так далее, а рисовал я только простым карандашом, без красок. И на слуху была некая программа,

photoshop называлась. Мне до нее как до неба дотянуться было в то время, но я запомнил название. А после, обзаведясь компьютером, ознакомившись с программой, я начал заполнять монохромные пробелы в моих рисунках, начал рисовать в цвете; не сразу, конечно, но получилось.

— В какой технике вы работаете? Как создаются ваши работы? В чем ищете вдохновение?

— Я даже не знаю, как назвать технику, в которой рисую. Вот есть программа, есть планшет, а стилистика, знания и все остальное — как-то

The Crew ver.1.2.

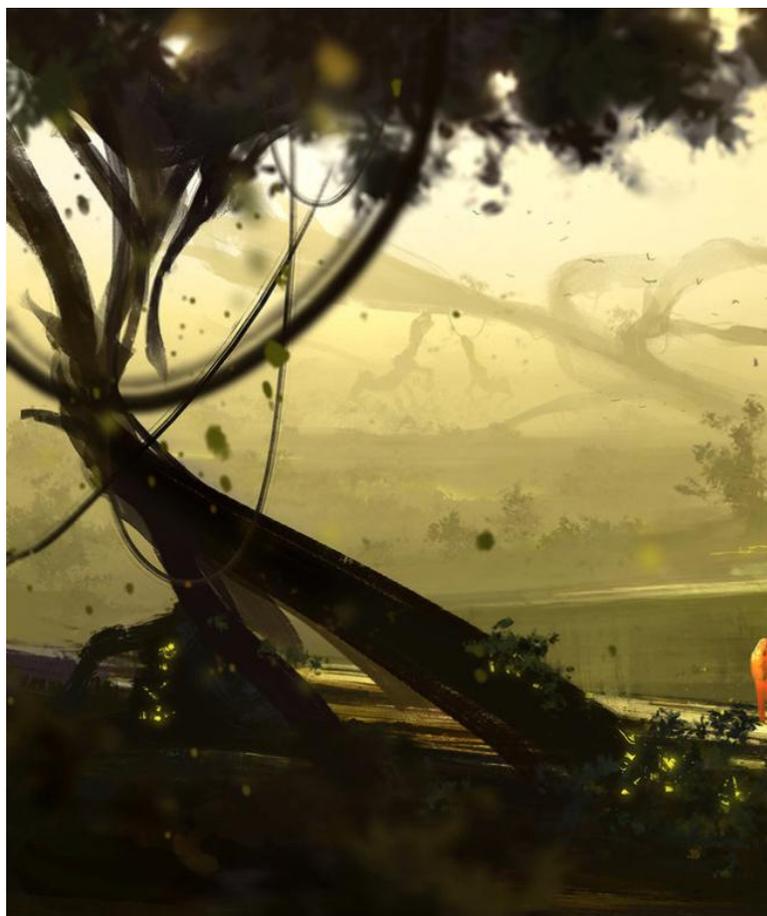

landskape

само по себе приходит. Благо на тот момент уже был интернет, были ресурсы, на которых можно было увидеть нереально крутые работы! Я тогда еще думал: как так? Как они рисуют так мышкой? На тот момент я рисовал в Photoshop именно ею, и не знал, что есть планшеты.

Вдохновение иногда приходит само, иногда через кино, игры — по-разному. Все зависит от конкретной работы. И ее начало также зависит от многих факторов. Бывает, что картинку, общий посыл, цвет, атмосферу вижу сразу, бывает, только фрагмент, и тогда делаю наброски или дорабатываю по ходу работы над изображением. Тут, наверное, более уместен вопрос к конкретной картинке.

— На сайте render.ru вы подробно описываете все этапы работы над иллюстрацией. Очень интересный опыт. Насколько конечный результат соответствует тому, что вы видите в вашем воображении? Вы довольны обычно тем, что получается, или остается некоторая внутренняя дисгармония с тем, что видят глаза, и тем, что видит ваше внутреннее зрение?

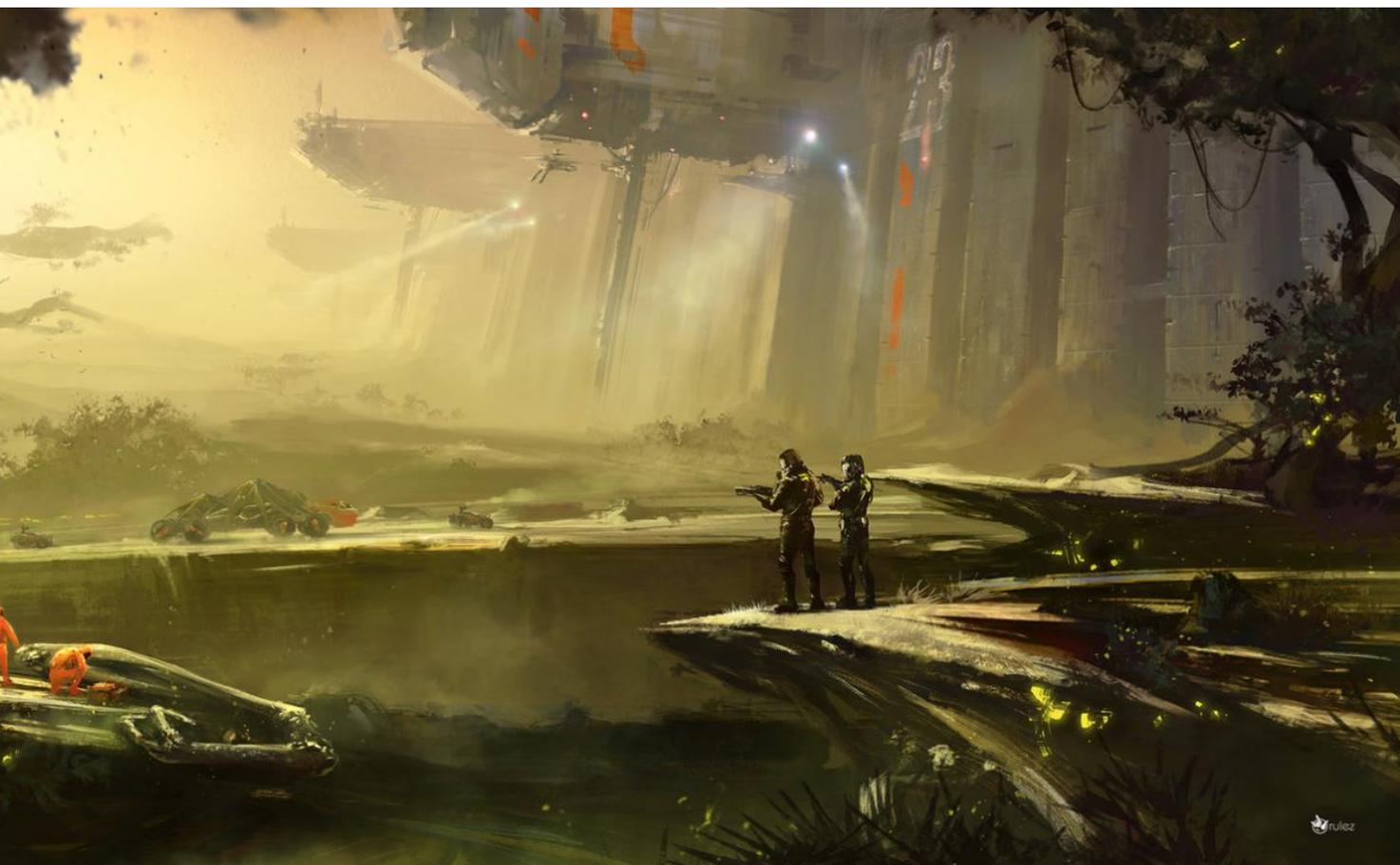
— Бывает, что образ сразу появляется в голове, и остается только перевести его на экран (не без сложностей, конечно). Порой результат перекрывает образ в голове. Я к тому, что по мере прорисовки начинаешь отталкиваться от уже нарисованного, если, конечно, оно устраивает и соответствует изначальной задумке, и реальная картинка ярче, чем первые представления о ней. Но бывает, что по мере прорисовки, детализации, немного отклоняюсь от курса намеренно, чтобы сделать лучше — как говорится, хорошая мысль приходит позже...

Но и без дисгармонии никак. Главное, сильно потом не уйти в самокопание.

— Делаете эскизы на бумаге, используете традиционную технику?

— Для меня традиционная техника — это карандаш и бумага. Не скажу, что часто ее использую, но бывает. Такие вещи забывать нельзя. Потому по мере возможности стараюсь делать наброски на бумаге. Например, когда рядом нет компьютера или глаза уже просят пощады...

the wall

Представляем

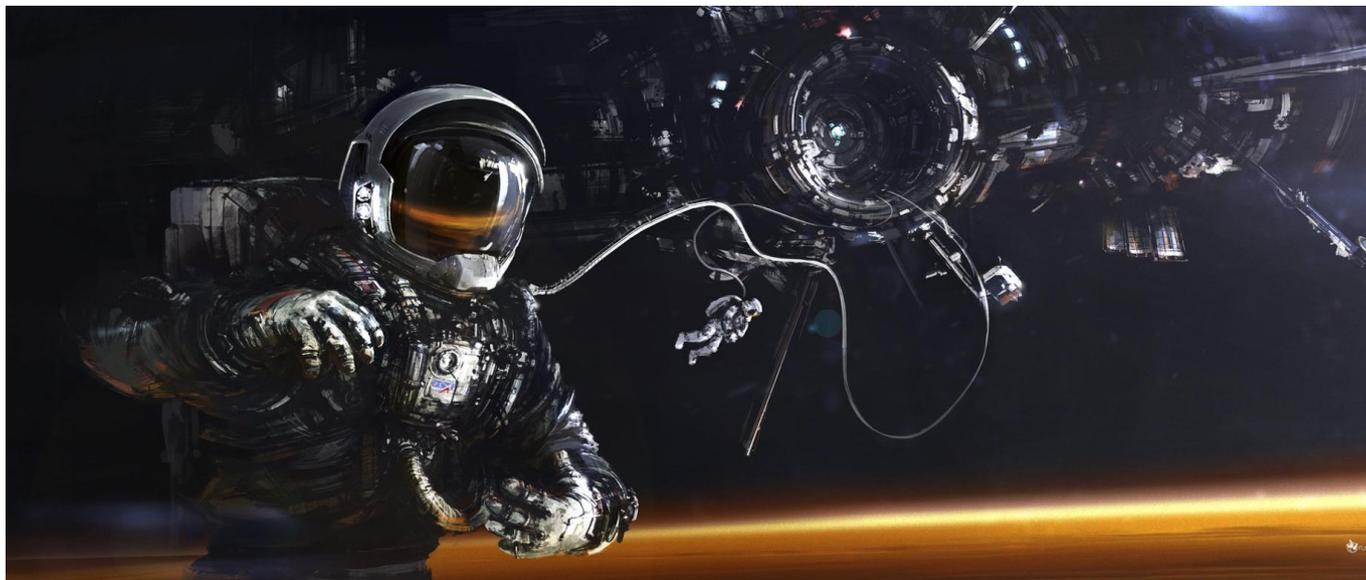
Anomaly

Landing 3

Mars

Дмитрий Кузин (Rulez)

<https://www.artstation.com/rulez/>

<https://render.ru/ru/articles/post/10795>

Ула Сенкович

<https://writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/>

— **Как пришли к тому, чтобы рисовать космические сюжеты?**

— Фантастику всегда любил! Эти корабли, роботы, что-то непонятное, неземное — как к этому можно не прийти в плане творчества? Но тут ничего супер-индивидуального нет. Все мы в детстве смотрели про полеты на марс, звездные войны и прочее, и, думаю, всех это впечатлило. Просто не все ушли в рисование.

— **Ваши любимые писатели? Ваш любимый жанр литературы?**

— Научная фантастика в большей мере, ну и сопутствующие жанры. Они занимают первое место, а все остальные по мере убывания.

Я не особо активный читатель, к сожалению, но с уверенностью могу выделить для себя Дмитрия Глуховского и его книги по вселенной "Метро" и "Будущее" — я под огромным впечатлением нахожусь, и сколько разных картинок в голове возникало во время чтения! Вот бы взяться за них как-нибудь!

— **Над каким проектом работаете теперь?**

— На данный момент свободного времени, к сожалению, нет для моего увлечения. Но появляются некие образы в голове, я их пока соби-

раю, аккуратно складываю и, когда придет время, некоторые из них увидят свет. Там пока не точное направление, все смешалось, но космос там тоже есть...

Беседовала Ула Сенкович

Argentum Agata

А хочешь...

А хочешь, я сумею не дышать?
Писать стихи без запаха и вкуса —
Чтоб не горчило, боль прикрыв искусно;
И буду тлеть — всё проще, чем пылать.

Сумею. Затаив проклятья крик,
Я отраженью улыбнусь пустому,
И осознаю, что теперь — не дома,
Что всё — подделка, впереди — тупик.

И так, на взлёте, мой рассвет поник.
На полку — крылья. Не до вдохновенья
В том мире, где спасает лишь мгновенье,
Где вечна боль, а на любовь — лимит.

Армант, Илинар

Хранитель разбитых сердец

Я надеждам — начало, и им же — конец,
Я - хранитель кусочков разбитых сердец.
Не жесток я и часто пытаюсь их сшить,
Но для швов у меня лишь суровая нить.
Не из шёлка — он мягок и полон надежд.
Будет шрам воспалён постоянно и свеж
При попытке кусочки сложить в пару фраз:
«Всё вернётся... всё будет, как прежде...». Не раз
Сам пытался сложить эти фразы я, но...
Без кусочка любви их сложить не дано.
Потому и беру я суровую нить,
Собираю слова «постарайся забыть...»,
Пришиваю кусочки друг к другу крестом,
Ставя крест на надежде, ушедшем, пустом...
«Всё пройдёт...», - я-то знаю. Всё ведомо мне.
Всё прошло...
Только шрамы болят по весне...

Армант, Илинар

<https://writercenter.ru/profile/Armant/whois/>

Argentum Agata

<https://writercenter.ru/profile/argentum/whois/>

Художник RHADS

Криштул Илья

В то лето я тебя не знал

В то лето я тебя не знал
И ты меня ещё не знала,
И тихо музыка играла,
И был пустынным светлый зал.

В то лето я тебя не знал,
А ты на небо не глядела,
Когда с него звезда летела...
Но ангел что-то загадал.

В то лето я тебя не знал...
Ты позже стала берегиней —
Уже на окнах белый иней
Как соль морская выступал.

В то лето я тебя не знал...
Мы на Илью варили брагу,
И осень фыркала в оврагах,
И старый пруд наш зацветал.

В то лето я тебя не знал,
Но ты была со мною рядом
И проводила поезд взглядом...
Но я на поезд опоздал.

В то лето я тебя не знал...
Ты сигаретой затянулась
И, уходя, не оглянулась...
В то лето я тебя не знал..

Криштул Илья

<https://writercenter.ru/profile/3674721/whois/>

Художник RHADS

<https://www.deviantart.com/rhads/>

(Же) быть зверем

Эл Лекс

Самолет летит довольно низко — тысячи три, не больше, но для меня сегодня это очень высоко. Инстинкты бунтуют против такого, в горле ком, дрожат руки и двоится в глазах. Но это временно, о подобных эффектах предупреждали. Да и поздно уже жаловаться — десантирование на носу. Парашют на спине, очки на голове, детектор на руке.

— Ну что, смертники, все готовы? — инструктор стоит между рядами, держась за поручни. — Через полчаса в живых из вас останется один — или никого. Я не буду желать вам удачи: всем сразу она не понадобится. Я желаю удачи тому, кто выживет и выиграет этот батлграунд. А сейчас готовьтесь или молитесь, или что вы там делаете; через пять минут мы будем над островом, выберите сами, когда прыгать и куда лететь. Через десять минут остров останется позади, и лучше бы вам не находиться в самолете к этому моменту. Все оставшиеся автоматически становятся проигравшими. Во всех смыслах.

Не будет таких, друг. Все слишком хотят выиграть: на кону слишком больше деньги. Это в первых батлграундах, возможно, были трусы, что передумали в последний момент. Сейчас-то все в курсе, что, стоит аппарели закрыться, и она уже не откроется, пока салон не прокачают ядовитым газом. Так что все предпочтут прыгнуть и попытаться удачу.

Ну а если и найдутся такие идиоты, то я явно не из их числа. Не сегодня. Я слишком долго готовился к этому, слишком много поставил на карту.

Сегодня приз станет моим.

И я прыгаю первым.

Змеей протискиваюсь в щель едва начавшей открываться аппарели, секунду падаю бесконтрольно, но тут же раскрываюсь и ловлю потоки воздуха. Сегодня тело все делает само, не нужно ему мешать.

Я уже вижу, куда хочу приземлиться — небольшое, на десяток домов, полузатоленное поселение. Почти самый восток острова. Не помню, как зовется. Карту помню, а название — нет. Да и бес с ним, с названием, главное, что я первый, а значит, есть все шансы хорошенько собраться, прежде чем начнется зона.

Хлоп! — за спиной раскрываются огромные крылья парашюта. Бах! — бьет по ногам бетон крыши. Ш-ш-ш, — шуршат по плечам сбрасываемые лямки.

Все очень громко. Даже собственное сердцебиение.

Приседаю за бортиком крыши, втягиваю воздух, закрываю глаза. Анализирую.

Масло. Свежее оружейное масло — оружие, внизу. Пластик приклада — автомат, скорее всего. Едкая химия — лекарства, и еще металл, кислый —

Художник Лев Елена

Проза. Фантастика

броня. Бензином не пахнет, значит, машины поблизости нет. Ну и ладно, она мне все равно не нужна — сегодня удобнее пешком. Так и обонять проще, и слушать, и чувствовать босыми стопами землю.

Прислушиваюсь: никого. Спускаюсь по шаткой лестнице, аккуратно выглядываю за угол.

Чудно: никого. Только на полу свеженькая блестящая AR-15, несколько магазинов к ней и рюкзак. Беру все, иду в соседнюю комнату на запах химии. Так и есть: болеутоляющее и бронжилет. Чудно. Если продолжит так везти, я...

Тихо!

Вот опять...

За дверью кто-то есть. Теперь и запах появился: кожа, немного металла. Оружейной смазкой и порохом не пахнет — пока еще безоружен. Скрип и шорох. Дверь открывает осторожно и аккуратно — боится.

Даже стрелять не нужно, еще рано себя обнаруживать. Едва дверь отходит от косяка, я хватаю и втаскиваю противника внутрь. Он вскрикивает, но тут же затыкается: тоже понимает, что кто бы ни победил сейчас, ему не поздоровится, когда на крики сбегутся другие охотники. Борется отчаянно, но куда ему со мной тягаться. Не сегодня.

Удар, удар, и он оседает на пол в удушающем захвате. Пытается освободиться, царапает мою руку, но четыре секунды — и засыпает. Еще три, и детектор на руке дважды коротко вибрирует. На экране появляется число все еще живых.

Девяноста семь.

Черт, кто-то открыл счет раньше меня.

Но не это плохо, а то, что я это проворонил. Надо собраться, а не то я рискую... Да всем рискую.

Взять у парня нечего, он даже оружие не раздобыл, даже рюкзака нет. Нет смысла тратить и секунды на обыск.

Детектор снова вибрирует, но на этот раз по другой причине: зона начинает сходить. И я вне.

«До уменьшения зоны пять минут»

Надо двигаться, иначе поджарюсь.

Дверь все еще приоткрыта; выглядываю, приноживаюсь, прислушиваюсь. Где-то далеко жужжит двигатель — кто-то уже багги отхватил. С другой стороны трескотня перестрелки, но это еще дальше. Бояться нечего. Детектор вибрирует еще трижды. Дважды — уменьшая показания счетчика, и раз — сообщая о начале схождения.

Двигаюсь по лесу нагнувшись. Босые ноги аккуратно ступают по грунту, ни одна ветка не вы-

даст моего присутствия. Зато я-то все отлично слышу. Учитывая то, что с заброшенного острова удалили всех зверей и птиц, когда отводили под батлграунд, звуков немного. И мне это на руку, в отличие от других охотников.

Детектор жужжит еще восемь раз. Совсем не удивительно — основные минусы как раз и происходят во время сужения зоны, когда игроки начинают активно двигаться. Ходят слухи: в первых батлграундах схождения не было, и они длились по несколько суток. Кому это нужно?

Слева!

Перетекаю в положение лежа, готовлю оружие. Жаль нет глушителя, но, может, стрелять и не придется. Не хотелось бы. В идеале — таиться до последнего, благо, способности позволяют. Да и патроны бы поберечь до последнего момента. Когда диаметр зоны станет равен пяти-десяти метрам.

Да, слева кто-то есть, метрах в двухстах. Кусты шевелятся — он тоже меня ищет, взглядом. Заметить-заметил, но не знает, куда точно стрелять. Можно прочесать заросли огнем, но лучше бросить взгляд на детектор. Да, так и есть: из-за неравномерного сужения зоны, я дальше от границы, чем он. У него от силы сорок секунд, прежде чем зона поджарит зад. У меня — на пятнадцать секунд больше.

Десять, двадцать, тридцать...

Не могло же мне показаться. Не могло, я знаю, что он там. Как раз и ветер сменился и доносит запахи, которыми кусты не должны пахнуть. Масло, сталь, медь. Пот. Страх. Неуверенность.

Есть!

Не выдержал, рванул, когда до границы осталось метра четыре. Побежал, мелькая белой футболкой и громко хрустя ветками.

Зря ты такую яркую одежду надел.

Три выстрела, детектор вибрирует — еще один готов. Можно и обернуться.

Граница зоны уже близко, можно дотянуться стволом. Уходящая вверх голубая полупрозрачная стена, по которой бегают электрические разряды. Коснешься границы — будет больно, все нейроны, что окажутся по ту сторону, передадут в мозг сигнал дикой боли. Окажешься за границей весь — сойдешь с ума за восемь секунд, еще через пять наступит смерть от шока.

Бр-р-р, какая мерзкая перспектива... И стена мерзкая. По телевизору выглядела красиво, в реальности же... Ох, какая же мерзость; пора валить. Даже жертву не буду обыскивать, только срываю с пояса нож вместе с ножнами.

Хороший нож, себе оставлю.

Бегу, слушаю, приноживаюсь. Детектор показывает уже сорок семь выживших. И при этом я никого из них не чую, замечательно. Чем дальше я никого не встречу, тем меньше врагов останется на последнем этапе.

Пропускаю машину мимо. Можно обстрелять, но нет смысла. Машина большая и громкая, его примут рано или поздно.

Черт, она еще и воздух испортила. Мерзкие пары бензина, забившие нос. Ничего не чувствую.

Проклятье! Теперь минут десять не продышусь. В идеале никуда пока не двигаться, но граница уже...

Черт!

Едва успеваю обернуться на хруст и вскинуть винтовку. Ствол уводит в сторону, удар ногой в грудь, перекатываюсь назад. Блестит нож, удар, удар, укол, порез, удар сверху, шарахаюсь назад, отхожу, нет времени даже схватить винтовку.

Ошибка! Враг цепляется за корень и теряет равновесие, кидаюсь вперед и впечатываю колено в пах. Секунда паузы — выдергиваю нож и пробиваю шею врага.

Ф-фух...

Маскхалат, несколько слоев ткани на ногах, фигурный приклад тяжелой АWM за плечом — парень явно экипировался для позиционной скрытной войны, вот я его и не увидел и не услышал. Мог бы учуять, но эта проклятая машина...

Опять граница! Колышется, будто мерзкая медуза, и жалит, жалит любого, кто посмеет коснуться. Ну уж нет, зона, не возьмешь! На вот, подавись снайпером, а я пошел!

Двадцать четыре выживших. Зона в два километра диаметром. Следующий шаг — станет полтора километра. Выживших будет около пятнадцати. Зона сходится на холм, становится все меньше, запирая выживших в клетку, двигая стены, давя, наступая, лишая свободы маневра, воздуха, свободы...

Стоп-стоп, что за черт...

Ладно, с этим потом. Осталось всего ничего, а с проблемами будем разбираться позже. Когда все враги будут мертвы, а на счету образуется вкусная сумма.

Выстрелы становятся чаще и ближе. Народ сходит с ума от близости смерти и победы одновременно, чешет огнем любой подозрительный куст, любую будку.

Ага, вот и первый. Аккуратно, но быстро ползет, ежеминутно оглядываясь на зону, разве что не кусающую за пятки. Уже поднимаюсь на коле-

но, уже вскидываю винтовку, но не стреляю: чуть в стороне шорох. Прямо с другой стороны камня, за которым я сижу. Шорох и клацание затвора, очень тихое и смазанное — стрелок скрывается, даже затвор не отпустил на возврат, а придержал. Вряд ли срисовал меня, просто боится. Зона уже недалеко, ему нужно пристрелить ползущего, не подпустить к себе никого и одновременно — не попасть в зону. Всего и сразу не сделать, и этим можно воспользоваться. Оставляю в покое винтовку и аккуратно скольжу вдоль камня.

Бах, бах, бах!..

Три выстрела подряд. Первый — я бросаюсь вперед, отбросив скрытность, второй — вижу врага, опускающего АКМ, третий — кладу руку ему на шею.

Под пальцами бьется сонная артерия, кровь бежит по сосудам. Сзади потрескивает зона, но кровь — громче. Она задорно вырывается из вскрытой артерии, бьет фонтаном, покидая тело...

Она одуряюще пахнет...

Черт!

Какая боль!..

Отбрасываю еще живого врага, прыгаю вперед, отбирая у зоны затылок.

Иди к дьяволу, зона! Не сейчас, потом разберемся! А пока что мне нужно устранить еще восьмерых!

Вперед!

Шорох слева, очередь, левая рука... Черт! Попал!..

Прыгаю вперед, перекатываюсь, прочесываю огнем позицию врага.

Вскрик! Попал! Спустя секунду вибрация детектора — минус. Осталось четверо.

Зона уже тридцать метров, остановится на пяти. Я уже представляю, где она остановится. Скорее туда!

Выстрелы слева, вибрация — трое!

Листва перед носом взрывается, падаю на спину, вскидываю винтовку, выпускаю весь магазин.

Нога!..

Попал, гад!..

Новый магазин...

Черт, зона!..

Роняю магазин, бегу прочь...

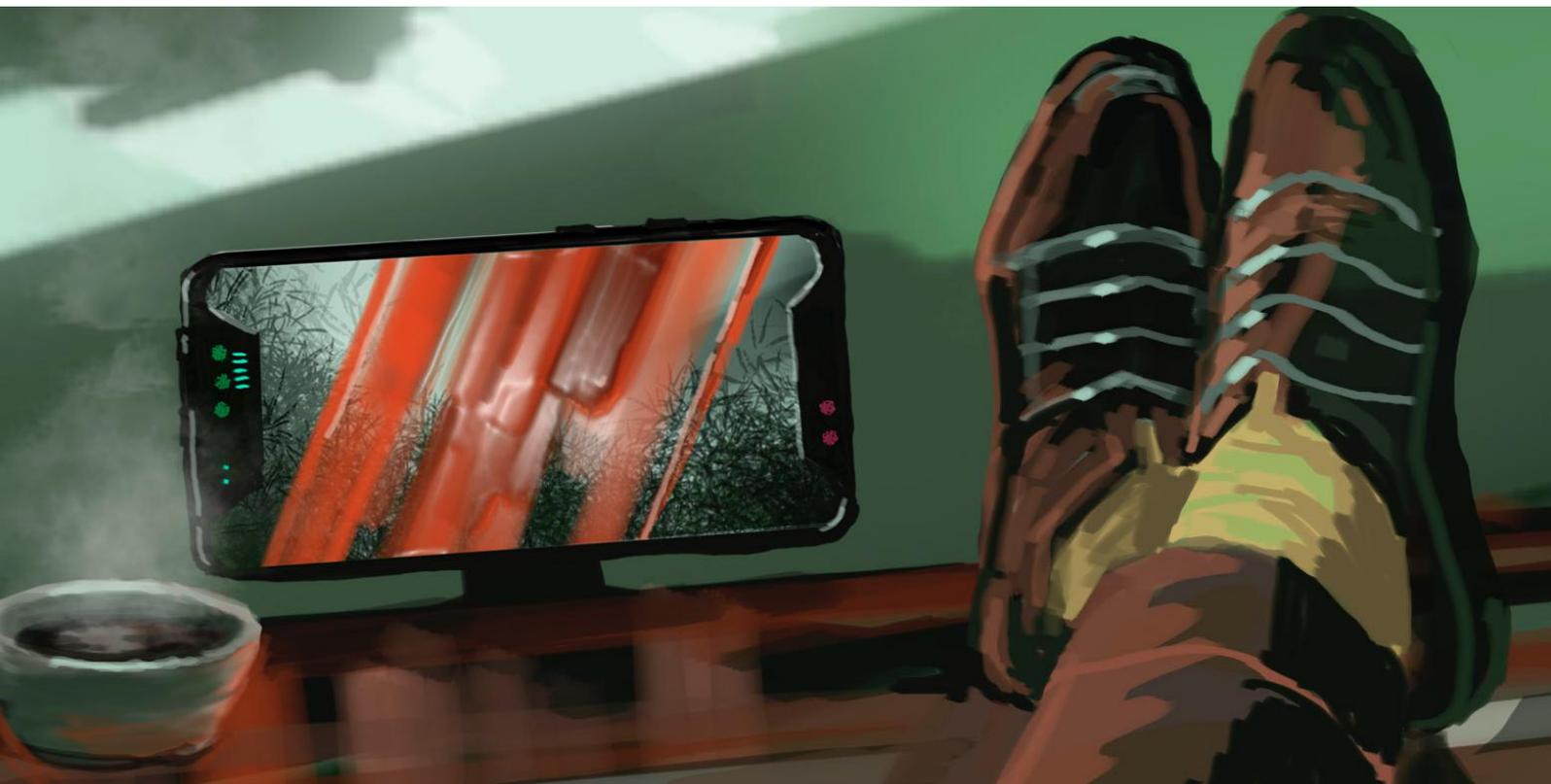
Один!

Последний!

Где ты, скотина, выходи! Вылезай и я тебя убью! Задуш! Загрызу! Давай же, зона уже меньше десяти метров, где же ты спрятался? Вот он я, выходи, хватит прятаться!

Закончим это сейчас!

Художник Лев Елена

— Давай, двое осталось. Пишешь? Топ три скончался от множественных огнестрельных ранений. Входных отверстий больше двух десятков, будто в него целую обойму выпустили.

— Целую и выпустили, посмотришь потом запись. Мне вот видно, как другой охотник упал на спину и вылупил весь магазин.

— Покажи-ка.

— Потом. Давай дальше.

— Топ два. Три огнестрельных ранения, смертельное последнее — точно в голову. Странно он как-то лежит, смотри, вокруг никаких укрытий, он будто так и стоял посреди пустого места, словно специально напрашиваясь на пулю. Как-то странно; может, стоит его вскрыть?

— Незачем. Я и так знаю, что с ним.

— Ну и?

— Да он на геномодах.

— Ты серьезно?!

— Абсолютно. Наколол себе диких спиралек и решил, что приобретенные качества и рефлексy животных помогут ему победить.

— Ну он же топ два, так что, возможно, не так уж он и неправ. А откуда ты знаешь о геномодах?

— Ты думаешь, он первый такой на батлграунде? Да раз в три игры появляется умник, решивший, что дикие геномоды сделают его победителем.

— Именно дикие?

— Конечно. Если колоть селекциаты, получишь психологический блок на причинение боли человеку. А дикие спиралки еще и ярости подольют. Вот только это тупиковый путь, и каждый новый умник это подтверждает.

— И почему так происходит? Он ведь так хорошо начал.

— Они всегда начинают хорошо. Геномоды работают на них, по крайней мере, первые двадцать минут. Гепарды, орлы, собаки — чьих только спиралек они себе не накалывают. Я однажды даже видел умника на геномоде броненосца, представляешь? Он нашел пулемет и пошел напролом. После вскрытия в нем обнаружили почти полторы сотни пуль — такой твердой стала его кожа.

— И он выиграл?

— Ты вообще слушаешь? Я же сказал «после вскрытия». Нет, такие умники никогда не побеждают, это даже в теории невозможно.

— Так и почему же?

— Да потому что! Вместе со способностями диких зверей, геномоды приносят и их недостатки. Когда зона сжимается до размеров большой клетки, у любого дикого зверя включается паника, режим берсерка. Гормоны застилают разум, зверь мечется по территории в поисках выхода, не забо-

тась о своей безопасности. Клетка давит и сжимается, зверь игнорирует голос разума и даже инстинкты самосохранения. Поэтому такие умники всегда входят в топ, но никогда не побеждают.

— Так может, запретить геномоды? На уровне правил?

— Зачем? Так ведь намного интереснее. Всегда интереснее, когда тот, за кем ты наблюдаешь, лишь снаружи человек, а внутри — зверь. Зверь, который легко проходит до конца, но становится жертвой собственной природы. Зверь, побежденный хладнокровным расчетом и терпением. И да, зверь, которому так и не суждено понять: чтобы победить человека в человеческой игре, нельзя быть зверем.

Эл Лекс

<https://writercenter.ru/profile/Mantiss/whois/>

Художник Лев Елена

<https://writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/>

Прошу никого не винить

Фёдоров Андрей

По радио передавали гимн, и Мелков поспешил выйти из машины. Ему понадобится трезвая голова, не одурманенная психо-воздействием, пусть и повышающим производительность труда аж на целых двадцать три процента. Гладкая матовая полусфера тотчас нависла над следователем, заполнила собой все небо. Эта громада внушала спокойствие, наверняка обманчивое. Вообще, строить нечто подобное Мелков считал пустой тратой сил и ресурсов. В память о войне? Да вы шутите. Вряд ли кто-то забудет эту войну. Пройдет три-четыре поколения, прежде чем следы ее окончательно исчезнут. Вот тогда и строили бы чертов мемориал.

Проект "Пепел войны" появился сразу после победы, а может быть, даже и раньше. Решили построить нечто масштабное, способное пережить все человечество, обессмертить победу над некрофашизмом. Это была личная инициатива Великого вождя, и даже руку с факелом, Мелков слышал, хотели сделать без указательного пальца — как у инициатора. Но когда комплекс достроили, вождь уже умер, место у руля занял другой, и у того с пальцами было все в порядке. Хоть с пальцами.

У входа на территорию стоял КПП. Потом его, наверное, переоборудуют в билетную кассу или магазин по продаже открыток. И все будут удивляться, почему у магазина стены с полметра. А пока — два хмурых солдата с автоматами, шлагбаум, способный выдержать таран грузовиком, «ежи», «гвоздики» и прочая прелесть. Солдаты

долго рассматривали его удостоверение, потом связались с кем-то и уже тогда пропустили. "Бардак, — подумал Мелков, — охране ничего не сообщают. Уж о его приезде могли бы и сказать".

— Вы знаете, куда идти?

Мелков покачал головой.

— Проводи к Пете, — велел один охранник второму.

«Петя»? То ли поведут к какому-то заму, то ли директора на объекте не особо уважают. Как выяснилось, все же второе. Директором оказался полноватый скользкий тип. Он жестом отпустил охранника, изучил документы Мелкова, а потом резко поднялся из-за стола, изобразив на лице радость. И сразу стало ясно, почему охрана не знала о приезде следователя. Потому что директор тоже не знал.

— Андрей Михалыч, а мы вас ждали! Чаю хотите? — И, не дожидаясь ответа, заревел: — Танечка, чаю!

Он перегнулся через стол, протянул следователю руку, которую тот пожал с легкой брезгливостью.

— Вас уже устроили? Если что, у нас тут замечательное общежитие, отлично в столовой кормят, в комплексе есть буфет...

Эдак дело еще и до застолья дойдет, подумал Мелков.

— Извините, Петр?..

— Иванович!

— Петр Иванович, давайте к делу.

Художник Лев Елена

Проза. Фантастика

Тот сразу поник.

— Что ж, — сказал он с горечью, — можно и к делу.

— Мне нужно провести здесь день-два, не больше, — сказал Мелков. — Пообщаться кое с кем. Посмотреть, где все произошло. Устроите?

— Устрою, — пообещал директор. — Только ведь, вы знаете, эту роту злополучную отсюда убрали. Сейчас у нас новая рота караульчиков. Они уже приступили к тренировкам, сегодня первая смена караула...

Новая смена, значит? Да матери погибших мальчишек, наверное, еще тела сыновей не получили, а сюда уже новую роту пригнали.

— Не боитесь? — спросил Мелков.

— Боюсь, — сознался директор. — Но еще больше боюсь, что, когда приедут высокие гости, наши караульчики начнут спотыкаться или вовсе заблудятся. Тогда с меня голову по пояс снимут. И так уже на волоске повисла.

Вот-вот. На волоске. Оттого и не знал о приезде следователя. Не сказали. Откровенность директора изрядно позабавила Мелкова. Может, если надавить, еще в чем признается?

В дверь с шумом вошла стройная шатенка с подносом. Ни собранные в пучок на затылке волосы, ни очки не были способны скрыть очевидный факт: директор имел хороший вкус на секретарш. Красивая девка, ничего не скажешь. Она оставила кружки на столе и удалилась. Во взгляде, брошенном на следователя, любопытство мешалось с легким страхом. Мелков хмыкнул, а директор будто только этого и ждал. Повеселел, подмигнул.

— Да, — сказал он. — Танечка у нас боевая. Хотите познако...

Мелков резко встал, шкребанув ножками стула по полу. Директор вздрогнул, поперхнулся словами, закашлялся. Конечно, Мелков понимал, что директор не так уж и виновен, но старая мудрость гласила: если ты главный, то виноват во всем. Но очень уж хотелось взять этого слизняка и встряхнуть, чтобы зубы клацнули. Мол, веди себя по-мужски, а не сватай первому попавшемуся свою секретаршу!

— Нужен человек, который покажет мне комплекс, — сказал Мелков. — С которым я смогу решать вопросы быстро, без волокиты.

— Понимаю, — судорожно кивнул директор. — Понимаю. Танечка! Расскажи, пожалуйста, товарищу следователю, как найти Валлиса!

Дрогнул голос директора аккуратно на фами-

лии. Значит, не любит его. Значит, есть шанс на нормального человека наткнуться. Мелков кивнул директору и пошел за консультацией к Тане. Та не обманула ожиданий. Она вела настолько интенсивный огонь глазами на поражение, что следователь даже немного оттаял. Ничего, пообещал он себе, вот закончу дело, и... и как всегда обещание осталось висеть в пустоте. Чего себе такого пожелать, Мелков не знал уже довольно давно. Он взглянул на себя со стороны, гадая, есть ли за танечкиными купюрами хоть какая-то искренность? Ну, мужик не молодой на вид. Статный, плечистый. Правда, чемодан с документами в руках больше подошел бы туристу, чем сотруднику ГБ. Но разве бывают у туристов так неровно поседевшие волосы, военная выправка и колючий взгляд? Хотя уже скорее усталый, чем колючий.

— Вы меня слушаете, Андрей Михайлович?

— Очень даже, Татьяна, — ответил он. — Мы говорили о Валлисе. Где мне его отыскать?

Майор Валлис обнаружился в столовой у окна. Человек как человек: роста среднего, нервные глаза, слегка обвислые щеки и редящая русая шевелюра.

— Не занят? — Если начальник охраны действительно такой молодец, как о нем говорили, сразу поймет, кто к нему подошел. Валлис окинул его взглядом:

— ГБ?

Мелков кивнул, хмыкнув про себя. Не соврала Танечка: начальник охраны молодец.

— Фронтоник?

— Двадцать шестая, — коротко ответил Мелков, и взгляд Валлиса мгновенно потеплел.

— Слышал про ваших. Я из пятнадцатой.

Мелков о пятнадцатой не слышал, поэтому просто кивнул и уселся напротив Валлиса.

— Вы поесте или поговорить? — спросил тот.

— Поесте, — признался следователь. — И поговорить.

— Тогда советую рагу. Суп с клецками не берите, пересолен.

Вняв совету, Мелков получил действительно неплохой обед. Валлис закончил есть раньше, некоторое время просто смотрел на следователя таким профессиональным взглядом средней пристальности.

— Я человек простой, — сказал он немного походя. — Спрошу сразу. Собираетесь глубоко копать или вас для очистки совести прислали?

Ах, вот оно что, простой человек, значит! Фронтовик. Неожиданно Мелков разозлился.

— Могу копать, — сказал он, — могу не копать. Зависит от грунта и погоды.

— На вопрос не ответили, — заметил Валлис.

— Так вы его и не задали, — сказал Мелков. — А сходу принялись подозревать в профанации расследования.

Валлис рассмеялся.

— Это ты правильно, — сказал он, — ударом на удар. Так и надо.

Валлис мгновенно перешел на «ты», так что и Мелков жеманничать не стал.

— Поговорим нормально? — спросил он.

— Поговорим, — посерьезнел Валлис. — Спрашивай.

— Вот тут все и случилось.

Главный зал комплекса был похож на широкий колодец, по стене которого вилась винтовая лестница. В самом центре возвышалась огромная рука, держащая факел с вечным огнем. По черным стенам струились, сбегая вниз, как ручейки крови, написанные красным фамилии павших бойцов. Конечно, не всех. Полные списки погибших — государственная тайна, и это правильно, но и так выглядело... достаточно печально. И еще шум где-то на границе слуха. Гул, тихие выстрелы, визг снарядов, рычание машин. Какофония звуков войны сменилась тихим пением. Колыбельная? Будто бы похоже. Затем слова вовсе пропали, осталась лишь печальная мелодия на фоне новых взрывов, стрельбы и криков. Следователь много чего повидал на фронте и на службе в ГБ, но и его сердце пропустило удар-другой, сжалось тревожно, защемило. Вот гады, на самое больное давят! Был бы попроще — разревелся бы точно. За всю жизнь следователь слышал много психо-маршей, перед каждой атакой им крутили что-то воодушевляющее, да взять тот же гимн, но все они работали грубо. Услышал набор звуков — и вперед: работать, сражаться. А здесь... такое ощущение, что невидимая ласковая рука дергает те струны души, о которых ты забыл или даже не знал. Валлис, стоящий рядом, заметил состояние Мелкова, улыбнулся едва заметно. А и у самого глаза на мокром месте.

— Цепляет, да? — сказал Валлис. — Меня тоже зацепила в первый раз. На каждом этаже — своя часть мелодии. Но когда идешь по лестнице, не замечаешь, как эти части друг с другом стыкуются. Мастерски сделано...

— Угу, — кивнул Мелков. — Ты мне лучше расскажи про самоубийства.

Валлис пожал плечами.

— Первый прыгнул из-за девки — это твои коллеги выяснили. Следом за ним — еще двое, одновременно. И с ними уже ничего не понятно.

Непонятно — еще мягко сказано. Два караульщика одновременно бросают винтовки, перешагивают через перила и прыгают вниз. Друзьями большими с тем, первым, они не были. Призывали их из разных республик. Никаких связей.

— Это я и в рапортах прочел, — сказал Мелков. — Ты сам что думаешь?

Валлис покосился на следователя:

— Так ведь и что я думаю, ты в рапортах можешь прочесть... Если вкратце — не знаю. Странные смерти накануне международной встречи, на которой должны подписать мирные соглашения? Попахивает провокацией.

— Или диверсией, — сказал Мелков и задрал голову, прикидывая высоту руки с факелом. По всему выходило, что никак не меньше десяти — пятнадцати метров. Высоко падать, ох высоко.

Валлис напрягся:

— В мой огород камень? У меня охрана на объекте железная, никто чужой не пройдет.

— Значит, свои? — уточнил Мелков и посмотрел начальнику охраны в глаза. Тот взгляда не отвел:

— Ваши уже тут всех проверили, — сказал Валлис. — Думаешь, пропустили, не доглядели?

Мелков открыл рот, но вдруг раздался резкий звонок. Плавно открылись двери, и оттуда вышли двое караульных.

Валлис взглянул на часы:

— Первая смена караула для новой роты, — сказал он. — Пробная. Давай глянем, раз такое дело.

Уходит от темы? Или действительно думает, что обсуждать тут нечего?

— Давай, — согласился Мелков, досадуя. Не вовремя появились мальчишки, ох не вовремя.

Юноши вышагивали по залу к лестнице, затем по ней вверх. На плече у каждого винтовка — в идеальном, само собой, состоянии. На лице — суровость и собранность. Медленно вышагивая, чеканя шаг, поднимая ногу невообразимо высоко, мальчишки маршировали, взбираясь по лестнице без ступенек. Синхронно двигались руки, глаза птичьим внимательным взглядом пронзали что-то невидимое впереди.

— Это еще не полная смена, — сказал Валлис. — Последний этаж пока доделывают, там трубы

Проза. Фантастика

прорвало, сменяться будут на пролет раньше. Но и так... красиво.

Красиво? Вот уж нет. Все эти смены караулов на торжественных мероприятиях казались следователю лишней тратой человеко-часов. А сам торжественный марш — уродливым. Ни один человек в здравом уме не будет так ходить. Это неудобно и неумно. И ничуть не красиво. Красота в понятии Мелкова была чем-то близким к "удобности". Чем проще и эффективнее — тем красивее. Наверное, отсюда и вечные проблемы с женщинами. А может, виновато во всем время. Сначала кризис, потом война — одна, вторая, снова кризис... Теперь жизнь наладилась вроде, но что это за жизнь! Не жизнь, а бег — от расследования к расследованию. Нет времени подумать, остановиться...

И вдруг один из марширующих останавливается. Ритм мгновенно ломается, когда мальчишка с винтовкой в руке бросает эту самую винтовку и делает шаг к перилам. Его напарник удивленно, а затем и с ужасом отшатывается, когда он перемахивает через перила. Без всякой возможности что-то сделать, Мелков следит взглядом за приближающейся фигурой. И только когда тело с чавканьем касается пола, он не выдерживает, моргает.

— Врача! — раздался дикий крик, и всеобщее оцепенение спало.

Оставшийся в живых мальчишка сползал по стене, тщетно пытаясь встать на ноги. Невесть откуда взявшиеся люди засуетились, подбежали к трупу, из которого уже успела натечь приличная лужа. На мгновение рука с факелом показалась Мелкову отрубленной конечностью, из которой все еще сочилась кровь. Перед глазами следователя стояло лицо мальчишки за секунду до. Ужас. Без гнева, без отчаяния. Лишь ужас и осознание смерти.

Еще только собираясь ехать в «Пепел», Мелков дотошно перебрал все бумажки — каждый отчет, каждый протокол и характеристику. И сильнее всего врезался в память клочок с предсмертной запиской — из-за ее нелепости. Ладно бы какой поэт-диссидент решил попрощаться с миром, оставил такую записку, а то ведь нет, молодой парнишка, восемнадцать лет, вся жизнь впереди. Конечно, в армии и не такое случается — тяготы, лишения, но все равно... Если дедовщина замучила — так бы и написал, мол, сержант такой-то не дает житья. А здесь вишь ты «в моей смерти прошу никого не винить». При том из всех погибших здесь записку оставил только один. Вот и сейчас Мелков судорожно обыскивал вещи мертвого курсанта и ника-

кой записки там не находил. Да не то что записки, вообще ничего подозрительного не находил. Такое ощущение, что парень просто решил прыгнуть. Как до этого прыгнул сначала один, затем еще двое — дуэтом. И в голове следователя эхом звучал вопрос: почему же теперь не случилось дуэта?

Комплекс гудел, как улей, все сновали туда-сюда с безумными лицами. А Мелков про себя подумал, что к четвертой смерти могли бы уже и привыкнуть. И тут же устыдился циничной мысли. Валлиса он снова отыскал в его кабинете — Танечка подсказала. Тот сидел с лицом блее снега и что-то яростно писал. В момент, когда Мелков вошел, Валлис резко поднял голову:

— Я же проси... а, это ты. Чего нужно? Я занят.

— Нужно поговорить с выжившим.

— С каким? — нахмурился Валлис. — А, со вторым. Зачем он тебе?

— Допросить.

— Допросить?! — вскипел Валлис. — Как преступника, что ли? Ты в своем уме? У парня шок...

— Я не совета прошу, — сказал Мелков. — Мне нужно поговорить с парнем. А что шок — к лучшему. Меньше будет задумываться, больше расскажет.

Валлис сгорбился над столом.

— Хорошо, — буркнул он. — Пацан в лазарете. Извини, провожать не буду, дел по горло.

Мальчишка был в кабинете психиатра — светлом просторном помещении. Окно приоткрыто, ветер то и дело трепал белые занавески.

— Вы что-то хотели? — спросила у Мелкова врач, тот молча показал удостоверение и кивнул на мальчишку. Глаза у врача стали большими, но вставить грудь на защиту пациента она явно не собиралась, чего следователь в тайне опасался. Не хватало еще ругаться с медработниками. Одно-го взгляда хватило, чтобы она выскользнула за дверь, оставив его наедине с юношей. Тот затравлено глядел на следователя, следил за каждым его движением. Зрачок сужен, глаза оттого яркие, ненормально яркие.

— Здравствуй, — сказал Мелков, и мальчишка вздрогнул.

— Здравсте.

— Тебя как зовут?

Мальчишка сморщил лоб, будто силясь вспомнить.

— П... Паша? — Интонация скорее вопросительная.

— Ну что ж, Паш, — сказал Мелков, — я следователь из Москвы. Нам с тобой нужно поговорить. Знаешь о чем?

— О Ренате, — сказал мальчишка, и в голос его вкралась хрипотца. Сам как-то враз осунулся, побледнел. Да уж, увидеть смерть товарища, да еще такую... странную — это травмирует. Ничего, оклемается еще. Должен. Обязан.

— Почему Ренат так поступил?

— Не знаю, — мотнул головой Павел.

Сам того не осознавая, он принялся качаться на стуле. Взад-вперед.

— Подумай.

— Я не знаю! — повысил голос мальчишка. — Я думаю об этом! Все время! Но не знаю!

— О чем вы разговаривали в последнее время? — спросил Мелков. — Может, он грустил? Был недоволен, что вас сюда перевели?

Павел задумался, перестал качаться.

— Ренату не нравилось, что вас сюда перевели? — медленно и терпеливо повторил Мелков.

— Нет, он, наоборот, рад был. Говорил, как разрешат семье писать, — наконец ответил он, — вся деревня будет завидовать...

— Когда он тебе такое говорил?

— Да вот, когда мы ку... — споткнулся Павел.

— Когда вы что? — подхватил Мелков. — Договаривай.

Павел тяжело вздохнул и сознался:

— Когда курили.

Мелков почувствовал разочарование. Он думал, что наткнулся на что-то важное, а здесь всего лишь курение в рядах личного состава.

— Понимаете, нам не разрешают, — объяснил Павел. — Вот мы и выходим на лестницу... там сквозняк хороший, запах быстро выдувает. Вы никому не расскажете?

— На какую лестницу? — нахмурился Мелков.

— На эту. С именами.

Следователь задумался. Что там Валлис говорил про последний этаж? Ремонтируют там что-то? Оно, конечно, мелочь, и к делу не относится, но...

— Скажи точнее, где именно?

— Рядом с лифтом, — ответил Павел. — Там дверь есть. Она обычно заперта, но у нас есть ключ. Нам старшина дал, только просил, чтобы мы никому... Сказал, курить можно там, лишь бы не видел никто. Там еще ремонт идет. Рабочие и сами курят, и нас угостить могут...

В этот момент ветер распахнул окно и рама с шумом ударила по откосу. Звякнуло стекло. Мальчишка вздрогнул, обернулся, и Мелков снова насторожился. Окно было слева от мальчишки. Так почему же он обернулся направо? Следователь внимательно посмотрел на парня. Еще одна ме-

лочь, и снова не относится к делу, но... третья мелочь подряд? Таких совпадений не бывает.

— Скажи, Павел, у тебя со здоровьем все хорошо?

— Все в порядке.

— Да? А со слухом?

— Все хорошо! — быстро ответил Павел.

— У тебя все хорошо со слухом? — голос Мелкова затвердел, хоть стекло режь.

Павел застыл, глаза забежали.

— Я тебя на медкомиссию отправлю, — пообещал Мелков. — На хорошую. Там любую мелочь отыщут. Но тогда уже, не обессудь, правда всплывет, выпрут из армии.

Дожили. Уже детям угрожать приходится. Хотя, какой же это ребенок? Уже восемнадцать есть. На фронте вон, бывало, и помладше воевали... Павел сдался.

— Одно ухо у меня тугое, — сказал он тихо. — Отчим как-то раз приложил, с тех пор и...

Мелков кивнул.

— Левое, да?

Павел промолчал.

— А как комиссию обманул?

— Знакомые... — прошептал Павел и так пригрюнился, что Мелкову стало его немного жаль.

— Ладно, боец — сказал он, вставая. — Никому я ничего не скажу. Но и ты об этом разговоре помалкивай, понял?

Лифт до последнего этажа был ужасно грязен. На полу пятна краски и мусор, стены поцарапаны. Рабочие не слишком старались блюсти чистоту. И, едва ступив на этаж, Мелков понял почему. Тут царил просто кромешный мрак. Трубы прорвало как-то особенно неудачно, штукатурка на стенах и потолке потемнела и местами даже обвалилась, обнажив голый бетон. И это только коридор. С некоторой опаской Мелков вышел на полутемную лестницу. Здесь последствия трубо-катастрофы ощущались поменьше. Труб и куч штукатурки не было, хотя мерцающие панели с именами погибших кое-где пришлось снять, и теперь из стен торчали разноцветными волосами закладки тонких кабелей. Этот кусок лестницы полностью изолировали. Выход на гостевой этаж перекрыт, как и проход в низ. Кури — не хочу. Мелков постоял немного, пытаясь сообразить, есть ли вообще смысл в том, что он поднялся сюда. Ничего особенного или необычного. В углу тихо жужжал заляпанный краской радиоприемник, видать, забытый или специально оставленный кем-то из рабочих. Правильно, кому

Проза. Фантастика

он такой неказистый нужен? Мелков сжалился, подошел ближе и отключил бедолагу.

А потом в полной тишине услышал эту проклятую мелодию.

Догадка мелькнула стрелой и крепко засела в мозгу раньше, чем Мелков успел защититься здравым смыслом. Предположим, эта мелодия, как психо-марш, воздействует на человека, заставляет убить себя. Да, настолько прямых воздействий не бывает, но предположим. Почему мальчики покончили с собой? Потому что услышали мелодию полностью. Как ее услышит и делегация, что будет подыматься по лестнице. Кто еще слышал мелодию вот так? Рабочие? Нет, они катались на лифте, он весь загажен. Мелков сосредоточился. Один мальчишка вышел покурить, послушал эту часть мелодии, прошелся по лестнице и умер. Затем двое — по тому же принципу. И следом — еще один, хотя по всем правилам должна была снова быть пара. Почему один? Может, потому, что у Павлика проблемы с бинауральным слухом? Если в проклятой мелодии что-то есть, он просто мог этого не расслышать или расслышать неправильно. Вот и остался жив. Мелков поспешил обратно к лифту.

Аудиозапись он получил относительно быстро. В архиве пылился весь проект на комплекс целиком, в том числе и раздел по аудио-оформлению. Запись хранилась и проходила по всем документам под меткой «Метель». Почему «Метель» непонятно, но Мелков уже оставил попытки разобраться в номенклатурной логике. Архивист долго ковырялся в оглавлении, потом ходил взад-вперед между штабелями, и минут сорок спустя предоставил Мелкову гмд-шку с записью. А вот с автором «метели» возникла неувязка. В проекте композитор не был указан, и в соответствующей графе никто не расписывался. Тогда Мелков попробовал поискать через всесоюзный реестр аудиозаписей, но там «Метели» не нашлось вообще, чего, само собой, быть не могло. Архивист развел руками, не в силах помочь, и Мелков не стал тратить время. Через пять минут он уже стоял у кабинета директора комплекса. Танечка была по-прежнему хороша.

— Андрей Иванович! — обрадовалась она, и Мелкову даже показалось, что радость искренняя. — Вы к Пет...ру Ивановичу?

— Нет, Таня, я к вам, — сказал Мелков. — Нужна ваша помощь.

— Да? — опешила девушка, но тут же взяла

себя в руки. — Конечно! Что угодно!

— Вот это, — показал Мелков гибкий диск, — нужно сейчас же отправить в лабораторию. Я напишу адрес и сопроводительную. И вызовите, пожалуйста, машину.

— Уезжаете? — вздохнула Танечка, принимая посылку.

— Я ненадолго, — улыбнулся Мелков. — В столу по делам.

Танечка расцвела и убежала исполнять. Сам же Мелков, как и говорил, отправился в Москву.

Графа «разработал» в проекте пустовала, в пояснительной вместо композитора расписался ГИП, но за раздел отвечал Московский институт аудиовизуальных искусств. В том самом месте, где писались почти все психо-марши, которые Мелков слушал на войне и потом во время операций. Сначала в отдел кадров, оттуда на нужную кафедру, и только там его направили в тот самый корпус на конкретный этаж, к конкретному человеку. Тому самому, чья фамилия стояла в графе «ГИП». Доктор Скубилин К.Т. Мелков постучал, не дожидаясь ответа, зашел. И тут же столкнулся чуть ли не нос к носу с худощавым высоким человеком. Редкие волосы зачесаны, как у Маркса, лицо землистого цвета скрывается за большущими очками. Для аж целого доктора это был на редкость небольшой кабинет.

— Чем могу помочь? — оправившись от неожиданности, спросил Скубилин. Даже не спросил, а потребовал. Он был на своей территории, и стены ему, надо думать, помогали.

— Я к вам по поводу «Метели», — сказал Мелков и небрежно показал удостоверение. — Мелодии для «Пепла войны».

Скубилин побледнел и одновременно вспотел. Рука его потянулась к галстуку, слегка ослабила его.

— «Метель», — сказал он. — Я помню, да. А что конкретно вас интересует?

— Конкретно меня интересует человек, эту «метель» разработавший.

Скубилин изобразил задумчивость.

— Не помню фамилий, столько лет прошло... Сейчас подниму архив, гляну и вернусь. Вы подождете?

Мелков кивнул, и доктор вышел. Следователь подождал, пока он скроется из виду, затем весьма скорым шагом вышел из здания и пошел в обход. Типовые строения, типовые проекты. Пожбезопасность не дремлет, поэтому должен быть второй выход с этажа. Мелков встал около него и замер, как на охоте. Дверь со скрипом открылась, и в переулке показался давешний бледно-потный доктор.

— Набегались? — спросил Мелков.
— Как вы?.. — шархнулся от него доктор.
— Как и вы, — перебил Мелков. — Ну, убежали бы вы от меня. А вас бы во всеозюный розыск дали. Долго бы вы бегали потом?

— Я не...

— Не собирались бежать?

Скубилин икнул. Потом рухнул на колени и зарыдал.

— Не губите! Богом молю, не губите, у меня семья...

Мелков с размаха дал доктору подзатыльник. Тот упал на землю, уперся в асфальт руками, будто принял упор лежа.

— Вставай, — хмуро велел Мелков. — Рано убиваться начал. Поговорим, а там видно будет.

Скубилин встал, держась рукой за стену. Из двери вышел мужик с сигаретой во рту, уставился на странную парочку и предпочел зайти обратно.

— Ну, — начал Мелков, — откуда взялась запись?

Доктор сжался, переживая, видно, внутреннюю борьбу. Отряхнул пиджак, хотя тот и не нуждался в отряхивании. Затем поднял взгляд: на лице его была видна отчаянная решимость.

— Я вам все расскажу, только... пообещайте, что моя семья останется в стороне.

— Рассказывай, — велел Мелков. — Почему в проекте нет фамилии?

Скубилин еще мгновение колебался, а затем ответил обреченно:

— Потому что ее автор — Сергей Пономарев.

Мелков опешил.

— Тот самый? — хрипло спросил он.

Скубилин кивнул. Видя, какое впечатление на следователя произвела фамилия автора, он снова занервничал. И было от чего. Сергей Пономарев — гений, живой классик, великолепный композитор и любимец вождя — прославился не только своим талантом. Он стал чуть ли не самым известным человеком, сбежавшим из Союза. Скандал был жуткий, Пономарева заочно арестовали, всю его родню обвинили в недоносительстве, а все, что он создал, приказали срочно забыть. Это объясняло, почему Скубилин так трясся. Воткнуть произведение предателя Родины в Мемориал — может и на расстрел потянуть.

— Пономарев, значит, — придя в себя, сказал Мелков.

— Да.

— Подробнее.

— Мы дружили с ним с детства. И когда меня приписали к «Пеплу» я попросил его помочь. Он

написал «Метель». И через неделю... сбежал. Меня потом еще неделю таскали на допросы, все его записи изъяли.

— Все, кроме этой, — уточнил Мелков.

Скубилин кивнул.

— И никто ничего не заподозрил?

— Он написал ее перед самым... побегом. Никто не знал, что он ее сделал. Кроме меня. И теперь вас.

— И зачем было пихать ее в проект? Вы же знали, чем это грозит.

— Затем, что эта запись — шедевр, — твердо сказал доктор. — Лучшее, что написал Пономарев в своей жизни, понимаете? Я, когда услышал ее впервые, расплакался. Я сам не воевал, но... какие чувства, как подобрано! Это не наука. И не искусство. Что-то большее. Настоящее колдовство. Трудно владеть таким богатством в одиночку, понимаете? Вот и... — Скубилин замолк. Все было ясно и так.

— Как вы все провернули? — спросил Мелков.

— Позвонил в союз композиторов, попросил выделить мне кадры для сочинения патриотической мелодии. Они прислали — вроде талантливый мальчик, но куда ж ему до Сереги. В общем, я ему коробку с записями военными отдал, а сам незаметно туда часть Сережкиной работы положил.

В горле его запершило.

— В общем, этот паренек послушал кусок записи, так аж запрыгал. Кто, говорит, это написал? Ну я ему, мол, старая запись, никто и не помнит уже, случайно завалилась, выкинь ее. Куда там! Вцепился — только с мясом отдирать. Я, говорит, из этого такое сделаю! Тогда я в архив и остальные кусочки закинул. Паренек усидчивый: все кусочки выловил, все сложил в правильном порядке. А потом сказал, мол, я бы сам так не смог, не буду в проекте расписываться...

— Фамилию его мне найдите, — сказал следователь.

— Да, да, конечно, — засуетился Скубилин. — Я ее помню, Кочергин. Вадик... Что теперь со мной будет? — спросил он вдруг и заглянул Мелкову в глаза.

— Пока ничего, — ответил тот задумчиво. — Работайте, живите. Но больше не бегайте, ясно?

Прямо с проходной института Мелков позвонил в союз композиторов, представился, попросил к телефону сотрудника ГБ при институте, таких в народе называли смежниками. Назвал свой номер, изложил просьбу. Через двадцать минут тот перезвонил. История Скубилина подтвердилась: над

Проза. Фантастика

«метелью» действительно работал Кочергин В.Г., 35 до в.н.к. (до возможного наступления коммунизма, то бишь), но допросить его возможным не представляется. Год назад он скончался от сердечного приступа прямо на рабочем месте, никакого криминала. Последняя ниточка, что у него осталась — композитор Пономарев, сбежавший за границу. А о тех, кто бежал, лучше всех знали его бывшие коллеги. Настало время повидать старых друзей.

Мелков помнил адрес, поэтому приехал сразу туда, не стал звонить и предупреждать. А то вдруг тот откажет! На стук в дверь открыла жена — блондинка с испуганными глазами. Мелкова она сразу узнала, и глаза стали еще более испуганными.

— Привет, Ира, — поздоровался Мелков.

Та не ответила, просто шмыгнула прочь. Через мгновение показался хозяин. Раздобрел за прошедшие годы Петр, раздобрел. Видать, в начальники пробился, больше по заграницам не ездит, мразь всякую не выслеживает.

— Привет, Андрей, — заулыбался Петр. — Какими судьбами?

Мелков объяснил, и Петр сразу улыбаться перестал.

— Пономарев? — переспросил Петр и тяжело вздохнул.

— Так и знал, — сказал он. — Просто так ведь не заходишь, а? Просто в гости.

— Поможешь? — упрямо спросил Мелков. — У меня дело-то серьезное...

— Андрей, ты же знаешь протокол. Сделай официальный запрос, у твоего командира допуск есть. Мы рассмотрим...

— Петь, ну что ты мне протокол суешь? — с досадой сказал Мелков. — Вы этот запрос месяца три рассматривать будете. Всю работу собьете, будто не одно дело делаем! Я ж не в суд документы собираю, мне знать нужно, куда копать.

— Ладно, ладно, не кипятись. Помочь я все равно не могу. Так что зря приехал.

Петр странно сверкнул глазами, и Мелков все понял. Дружба дружбой, а служба службой. Не хотел Петр рисковать: гарантий, что тебя не слушает родное ведомство, никаких.

— Ир? Завари-ка чайку, — попросил Петр, — мы во дворе покурим.

Ответа не последовало, да и не требовалось. Выйдя за порог, Петр мигом изменился. Вся душевность слетела с него, как сухая листва с дерева.

— Значит, так, — сказал он. — Композитор твой мертв.

— Даже так? — Мелков даже и не пытался скрыть удивление. — Уверен?

— Моя команда его и ликвидировала.

— Странностей никаких не было?

Петр странно глянул на следователя. Вынул сигарету, закурил.

— Странностей, говоришь, — протянул он. — Понимаешь, Андрюха, тут все дело одна большая странность.

— Детали? — попросил Мелков.

— Детали тебе... Ладно, слушай. И не говори, что я тебе не помог. Дело с этим Пономаревым темное. Жил он здесь в Союзе, никого не трогал, радовал своими песенками Вождя. А потом — оп — и пропал, как в воду канул. Проходит два дня поисков, а он — оп — появляется в Германии. Как сбежал — черт его знает. Наши до сих пор не поймут, как так получилось. Ох и шуму тогда поднялось. Еще бы — любимый композитор вождя сбежал за границу. Приказ был дан однозначный: ликвидация...

— Так это когда было? Он же лет пять уже как сбежал.

— А помер недавно. В этом самое странное и есть. Наши его несколько лет искали — все безуспешно. Он вроде и на виду — концерты, ужины, вечера — по всей Европе, даже в Штатах бывал. Но и нет его будто бы. Собственности никакой, друзей толком нет, связей тоже.

— А потом, — затаившись сигаретой, продолжил Петр, — вдруг отыскали его. И не где-нибудь, а в Париже. Как из-под земли выскочил. Собственный дом, счет в банке — все как у людей.

— И вы его?..

— Да, накрыли. Такие приказы срока давности не имеют, сам же знаешь.

Мелков молча кивнул.

— Ну и все. Доложились, все честь по чести. Я повышение получил... Да ладно, не морщись, я тебе и рассказал только потому, что ты не чужой. Может, вернешься?

Мелков мог бы сказать старому другу, что лучше выстрелит себе в висок, чем беглецам в спину. Что это давно не дает спокойно спать. Что война кончилась, и заградотрядам, в том числе и межконтинентальным, тоже стоит кончиться. Мог бы. Но просто попрощался и ушел.

По дороге Мелков еще раз прокрутил в голове всю беседу. Композитор исчез, бродил по всей Европе, как призрак, обрел плоть во Франции, где и встретил смерть. Что-то тут есть странное. Знаменитые люди так не бегут.

Если ты не связан со спецслужбами, делай как все: выбивай себе поездку в зарубежье, а уже там ложись на порог посольства и кричи, что требуешь политического убежища. И резонанс хороший, и Советам напоследок в рожу плюнуть. А здесь... Исчез — появился. Значит, целая операция по извлечению проводилась. Как резидента какого-нибудь особо ценного. Вот только, что ценного может быть в композиторе, пусть и талантливом? Только возможность через него дотянуться до стратегически важного объекта.

Значит, не только Скубилин знал об участии Пономарева в проекте. Соврал? Мелков позвонил в милицию, попросил содействия и уже через полчаса был в Институте. Само собой, Скубилина там не оказалось. Как не оказалось его и дома. До конца дня Мелков с товарищами перевернут не только дом и гараж, принадлежавшие доктору, но и дачу с сараем. И, конечно, ничего не найдут. Видать, пути отхода были продуманы заранее и реализованы с поразительной быстротой и точностью. Теперь оставалось только искать.

Настроение было ни к черту. А когда Мелков вернулся в «Пепел», оно стало еще хуже. Позволили из лаборатории. Никакого воздействия в «Метели» нет. Ни прямого, ни инверсивного, ни мягкого, ни жесткого. Никакого. Обычная красивая мелодия.

— Проверьте еще раз! — рявкнул Мелков и с большим трудом положил трубку телефона на рычаг. А ведь так хотелось грохнуть ей по столу. Не может быть такого!

— Андрей Иванович! — раздался веселый голос, и следователь обернулся.

Мимо с внушительной стопкой папок шла Танечка.

— Давайте помогу, — вызвался Мелков, забрал у нее папки и крякнул слегка от натуги.

— Ничего себе вы таскаете, — сказал он. — Куда это?

— Такая наша доля, — с притворной грустью вздохнула Таня. — Это в канцелярию.

— Далеко? — судорожно вспоминая географию комплекса, спросил Мелков.

— Бойтесь, что не донесете? — лукаво улыбнулась Таня.

— Да, — честно признался Мелков.

Танечка прыснула:

— Ничего, думаю, справитесь. Пойдем.

И они пошли. Канцелярия и правда оказа-

лась, недалеко. Но по пути Мелкову на глаза попала лестница. В этот момент ему пришла в голову идея. Мерзкая, непорядочная, но отогнать ее он не смог. Нужно было устроить финальную проверку. Лаборатория тоже могла ошибиться.

— Фух, донесли, — сказала Таня и хлопнула ладонью по столу. — Кладите сюда.

Мелков так и сделал, стараясь не выдать своего облегчения. Одно дело вслух жаловаться на тяжесть, другое вздыхать, как старый дед, перед красивой барышней.

— Спасибо за помощь, Андрей Михайлович, — сказала Таня. — Если что потребуется, обращайтесь.

— Вообще-то, — сказал Мелков, — я уже.

— Что уже? — удивилась Таня.

— Обращаюсь, — хмыкнул Мелков. — Нужна ваша помощь. Хотя дело опасное.

— Я готова, — отозвалась Таня, и следователь против воли улыбнулся.

— Задача такая, — сказал он. — Заглянуть кое-куда, а потом подняться по лестнице.

— Звучит не очень опасно.

— Но может таким быть, — серьезно сказал Мелков.

— С вами мне не страшно, — заявила Таня.

Еще в лифте Мелков, не таясь, плотно залепил одно ухо ватой, прихваченной из аптечки.

— А мне это не нужно? — спросила Таня.

Мелков покачал головой и вдруг в порыве откровенности сказал:

— Мне кажется, мальчишки услышали что-то. Поэтому, взойдя на лестницу, покончили с собой.

Таня нахмурилась.

— Теперь понимаю, — сказала она через некоторое время. — А ничего, что я не мальчишка?

— Это не ваша вина, — попробовал отшутиться Мелков и поймал себя на мысли, что, пока она молчала, он непроизвольно задержал дыхание. Наверное, боялся, что она откажется?

— Я как Одиссей! — сказала Таня. — А вы как мой матрос. Слышали о таком?

Мелков кисло-ва-то улыбнулся в ответ. Вроде и правильно все делает: если он захочет вниз прыгнуть, женщина его не удержит, а вот он ее — очень даже. Но все равно как-то не получалось чувствовать себя не таким мерзавцем.

На верхнем этаже они пробыли минут десять, наверное, столько и нужно мальчишке, чтобы выкурить сигарету. Затем спустились и принялись подниматься снова — теперь уже по лестнице.

Проза. Фантастика

— Маршировать не нужно? — спросила Танечка и сама смутилась. — Извините, это плохая шутка. Если честно, — сообщила она шепотом, подвинувшись к Мелкову, — я немного боюсь.

— Не бойтесь, — шепнул он в ответ. — Я вас спасу.

Таня серьезно кивнула и, будто невзначай, подхватила Мелкова под локоть. Тот сопротивляться не стал. Полотно лестницы медленно разворачивалось перед ними, Вечный огонь полыхал где-то вверху, но свет от огня перебивался искусственным освещением, отчего и тени казались искусственными. Под аккомпанемент «метели» они дошли до предпоследнего пролета. Мелков почувствовал, как пальцы Тани на его руке слегка напряглись.

— Здесь? — спросила она, следовательно кивнул.

Таня закрыла глаза и немного постояла.

— Ну что? — спросил Мелков. — Не хотите покончить с собой?

Он нервничал, потому не сразу заметил, насколько этот вопрос нелеп. Таня открыла один глаз и лукаво посмотрела на Мелкова.

— Я что-то чувствую, — сказала она. — Хочу кое-что сделать.

— Да?! — вскинулся Мелков. — Что?

— Вот это, — сказала Таня, встала на носочки и поцеловала его.

От неожиданности Мелков обнял ее за талию, и они застыли.

— Ну что? — сказала Таня, отстраняясь. — Не хотите покончить с собой?

Один — один, товарищ следователь. Мелков улыбнулся.

— Нет, — сказал он. — Ни за что. А вы?

— Вот и я нет, — сказала она.

Мелков убрал руку и неловко отступил. Он чувствовал себя не в своей тарелке. Танечка, видно, поняла это, отодвинулась.

— Ну что? Пойдем?

Мелков кивнул. До самого низа они не сказали друг другу ни слова. А про вату в ухе Мелков вспомнил только часа через два. Как-то не до нее было.

Самое главное — грамотно преподнести результаты работы начальству. По молодости Мелков думал, что главное — это твои действия. Но со временем понял: если ты не объяснишь, почему то, что ты сделал — хорошо, то никто из начальства и не догадается. Значит, докладывать нужно обстоятельно и подробно.

— ...были проведены дополнительные проверки

персонала комплекса, ни у кого порочащих и подозрительный связей не выявлено. Меры по розыску подозреваемого в совершении диверсии доктора Скубулина К.Т. пока результатов не дали. В записи «метель» следы психо-воздействия не обнаружены, но... — Мелков запнулся. — Я по-прежнему считаю, что ее лучше изъять. Поднимутся по лестнице в тишине, не убудет.

Шеф выслушал, покивал:

— Молодец, Андрей, хорошо поработал. После Встречи предоставишь полный отчет, а сейчас отдыхай.

Вообще-то, получить такое напутствие от шефа — редкость поистине легендарная. Упускать шанс было нельзя, но отдохнуть не получалось. В душной столице сидеть не хотелось, ехать куда-то в деревню — тем более. Из головы никак не шел тот поцелуй. Вконец измаявшись, следователь просто позвонил и пригласил ее на свидание. Она согласилась и даже позвала на митинг, посвященный встрече — им, как сотрудникам комплекса, выдали приглашения. Посмотреть на Вождя, на партийную верхушку. Мелков долго думал: то ли военную форму с наградами надеть, то ли обычный пиджак и брюки. В итоге остановился на пиджаке. Стар он слишком, чтобы регалиями трясти. Или слишком молод — тут уж как поглядеть. Но оружие захватил. На всякий. Поехал на электричке, на вокзале встретились с Таней, а оттуда уже и до комплекса рукой подать.

А вокруг был самый настоящий людской водоворот. Толпы людей шли по дорожкам, постепенно стягиваясь к «Пеплу», куда еще никого не пускали — ждали высоких гостей. Невидимый духовой оркестр наяривал что-то веселое. От журналистов было буквально не протолкнуться, как союзовских, так и зарубежных. Мелков слышал обрывки фраз на английском, французском и даже польском. Наконец на центральную трибуну поднялся Вождь. Слово еще такое глупое, подумал Мелков. Будто в индейцев играем. «Пепел» ведь и правда напоминал вигвам.

— Война, — прохрипел он, глядя в бумажку. — Мы никогда не хотели войны, не хотели, чтобы она оказалась у нас на пороге.

Понятно, подумал Мелков, все как положено. Он оглянулся на Танечку, но та внимательно, даже восторженно слушала Вождя, слегка улыбаясь. Поймав взгляд следователя, она улыбнулась уже ему и аккуратно взяла его под локоть. Мелков замер, будто боясь спугнуть ее.

— Мы все надеемся на мир, — продолжал мучиться на трибуне Вождь, — и надеемся, что нам не придется убивать друг друга.

Хриплый голос разнесся над трибунами и затих. Не все сообразили, что речь закончена, поэтому заплодировали не сразу. После Вождя к трибуне вышел министр иностранных дел и высказался будто бы по той же бумажке.

— Мы не хотим воевать с бывшими союзниками. Никто в здравом уме не поднимет оружие на вчерашнего друга и не убьет его.

Снова аплодисменты. После этого вся делегация покинула трибуны и в сопровождении армии репортеров по красной дорожке двинулась к комплексу, который и поглотил их. Сразу стало не так шумно.

— Ну что? Куда пойдём? — спросила Танечка. — Может, мороженого поедим?

Мелков кивнул, но сам думал о другом. Почему-то его не оставляло чувство, что все идет не так, как надо. Внимание его привлекли плакаты, реюющие над остатками толпы. «Не сражаться друг с другом!». Почему-то держали плакат криво, отчего «не» съехало вниз, превращая призыв к миру во что-то кровожадное. Вождь надеялся, что нам не придется убивать друг друга, так? И МИД — на то же самое? На глаза попался оркестр, собирающий инструменты, и все встало на свои места.

Мальчишки послушали мелодию полностью, так? Но этого было мало. Нужно что-то еще. Что-то очень простое и надежное. Мелков припомнил бормочущий приемник на закрытом этаже. Что такого могут играть и на радио, и на международной встрече?

Рывком он повернулся к Тане:

— Мне нужно наверх, — сказал он.

— Куда на...

— В зал заседаний. Где будут подписывать договоры.

— Зачем? — Простое удивление на лице Тани сменилось тревогой.

— Члены делегации поубивают друг друга, — ответил Мелков. — Это диверсия.

Несколько секунд Таня колебалась. Руки ее сжимали сумочку, затем она резко кивнула.

И они побежали. Громада комплекса надвинулась на них, а затем поглотила. Мелков испытал что-то близкое к счастью от того, что рядом Таня. Она превосходно ориентировалась в «Пепле», сам бы он тут просто потерялся. Коридоры и бесчисленные повороты. Двери, затем лифт, снова коридор и еще один лифт. Тот самый, в котором Мелков уже катался после допроса мальчишки.

— Ты скажешь мне, что происходит? — спросила Таня на удивление спокойным голосом.

— Это все гимн, — сказал Мелков. — Мало послушать «метель» полностью. Нужен еще и гимн. Мальчишки его слышали — по радио, когда курили. И члены делегации услышат, перед подписанием. А потом сделают то, на что их настроили. Мальчишки умерли, потому что думали о том, что их товарищ покончил с собой. Прикидывали: смогли бы они вот так? Это занимало их мысли. А о чем думают члены делегации? О чем им говорили перед тем, как пропустить через «метель»? «Убивать друг друга». И они убьют.

Тут лифт рывком остановился, створки его открылись, и Мелков с Танечкой снова оказались на последнем этаже. Пустой коридор, дверь справа ведет на лестницу. И в этот момент Мелков услышал, как заиграл гимн Союза. Мелькнул коридор, лестница с ее чертовой «Метелью». Огромная толпа на входе в зал. Мелков протолкался через прессу и, наконец, вывалился в зал заседаний и сунул охраннику свое удостоверение. Зал напоминал какой-то амфитеатр. Где-то там внизу столы для делегатов и членов Партии. Вон сидит Вождь, вон — МИД. Рядом с ними представители Альянса. Ничего необычного. На какое-то мгновение Мелков засомневался в себе. Засомневался, но побежал прямо в центр этого амфитеатра.

Его заметили, кинулись наперерез, значит, добежать до вождя он не успеет. Мелков выхватил пистолет. Выстрел прогремел в зале, и на мгновение время остановилось. Люди в мундирах и дорогих костюмах замерли. Охрана схватилась за оружие и сгрудилась вокруг секретарей. Без малого сотня людей сейчас смотрела на Мелкова. Тревожная тишина сменилась все нарастающим гулом. Никто не понимал, что происходит. Нужно было срочно что-то сделать, иначе процесс уже не остановить. Как сбить проклятую программу? Очень просто. Дать ей сработать.

Мелков глубоко вздохнул, а потом рывком на весь зал:

— Огонь! Огонь по мне!

И первым выстрелил в полу своего пиджака.

Сначала ничего не происходило, затем ближайший к нему караульный поднял свою винтовку и выстрелил почти в упор. Руку обожгло диким огнем, Мелкова швырнуло на спину, и тотчас зал будто взорвался. Каждый, у кого было оружие, принялся палить по Мелкову. Рядом взвизгнул мрамор, и следователя обдало пылью. На грудь навалилась ужасная тяжесть, не дающая продох-

Проза. Фантастика

нуть, и Мелков отчетливо понял, что умирает. Последним, что он видел, был седой французский генерал, упрямо щелкающий барабаном револьвера, в котором давно закончились патроны.

Щелк! Щелк! Щелк!

Щелк!

Очнулся Мелков в больнице. К носу подходили трубочки, все руки в датчиках. На стойке гудел аппарат для поддержания жизни. Значит, на грани был. Был и чуть не сплыл. Мелков пошевелился, пытаясь понять, насколько сильно его потрепало. Мышцы ныли черт его пойми от чего, особенно на правой руке. Мелков скосил глаза и вместо правой руки увидел только забинтованный обрубок. Где-то внутри душа екнула, затрепыхалась в тисках самообладания. Спокойно! Рука — не самая большая цена. Сейчас протезы хорошие делают. Не то что до войны. Но все равно было тяжело. Мелков полежал, собираясь с силами, приподнял голову.

— Все-таки выкарабкался, — прозвучал ворчливый голос.

Мелков кое-как приподнял голову и увидел уже два силуэта. Один из них сфокусировался в Валлиса.

— Чего молчишь? — спросил тот. — Выкарабкался или нет?

Мелков кивнул.

— Хорошо, — одобрил начальник безопасности. — Чуть не помер. Твое счастье, что члены делегации стреляют из рук вон. Чай не боевые генералы собрались.

— Что. Со. Встречей? — Язык неповоротливым слизняком ворочался во рту, вместо нормальных слов выходило что-то совсем непонятное. Но Валлис понял.

— Не состоялась, — сказал он. — По техническим причинам. Все, что случилось, уже скрыли и засекретили, все документы и свидетельства изъяты. Никто не понимает, как так вышло, что генеральный секретарь ООН чуть не убил следователя по особо важным из своего наградного оружия. И поскольку ничего этого не было, встречу перенесли на следующий день. Все документы подписаны, с Альянсом у нас мир.

Лицо Валлиса было каменным, не выражало абсолютно ничего. Не так должен себя вести человек, который радуется заключенному миру. Мелков всматривался в майора довольно долго, прежде чем спросил:

— Почему. Ты. Здесь?

Валлис горько усмехнулся и сказал:

— Я теперь ВРИО. Командую комплексом. Временно. А ты — у меня на балансе. — Но тут же серьезнел и добавил: — Если выздоровеешь, у целой кучи людей будет к тебе куча вопросов. Мои ребята тебя охраняют, чтобы ты никуда не делся.

Значит, я был прав, подумал Мелков. Сняли директора, сразу же сняли.

— Я. Не. Убегу, — прошептал Мелков.

— А кто говорит про побег? — прищурился Валлис.

Мелков нахмурился, и глаза почему-то тут же заслезились. Захотелось смахнуть слезы рукой. Конечно же, правой.

— Не понимаешь? — хмыкнул Валлис. — Хочешь, объясню?

Мелков кивнул.

— Лады. Об этом никто не знает, по крайней мере, никто не говорит вслух, но, чтоб ты знал, на этой встрече чуть было не состоялось покушение на вождя. Ты каким-то образом его предотвратил. Все подозревают руку запада, но без тебя никто ничего доказать не может. Ты сейчас очень важная птица, и, знаешь, коварный запад может пойти на что угодно, чтобы ликвидировать такого свидетеля.

Поначалу Мелков подумал, что Валлис опять шутит — глупо и странно. Но тот, похоже, говорил совершенно серьезно. И это не укладывалось в голове. Как и кое-что другое.

— Нет, — сказал он. — Речь вождя. Министра. Не запад. Свои.

— Какая речь, ты о чем? — спросил Валлис.

Мелков вздохнул и попытался еще раз.

— Делегацию. Настроивали. На убийство. Речью. Которую. Читал вождь. Читал МИД. Убивать друг друга. Плакаты. Это не запад. Это свои.

Речь была полна мучительных пауз, пересохших губ и першения в горле. Но Валлис внимательно слушал. И лицо его вовсе не выглядело удивленным. Когда Мелков договорил, он кивнул.

— Я так и знал, — сказал он. — И им говорил, что ты не идиот.

"Он все знал", — понял Мелков совершенно без удивления. А ведь было же предположение, что замешаны свои. А что, логично. Должен же быть кто-то свой в комплексе, кто заменит гмд-шку с записью, например.

Валлис, не отрываясь, смотрел куда-то в сторону. Потом встал со стула и ушел за спинку кровати, на которой лежал Мелков. Исчез в слепой зо-

не. Потянуло папиросным дымом. Не иначе сидит на подоконнике и курит, решил Мелков.

— Зачем? — спросил он.

— Что зачем? — отозвался из слепой зоны Валлис.

— Зачем. Убили мальчишек. Зачем все это. Зачем предали. Родину.

Какое-то время Валлис молчал. Потом сказал спокойно и без всякой злобы:

— Ты вроде и умный мужик, Мелков, но такой придурок. Ты думаешь, что это все наши? Откуда в тебе столько гнилого взялось вдруг? С пулями французского посла залетело? А? Если гадость приключается и наши замешаны, то и запад, думаешь, уже не при чем? А он при чем. Очень при чем!

Валлис помолчал, а когда снова заговорил, голос его был уже не так спокоен:

— Вся эта операция была не нашей. Ее спланировали спецслужбы альянса. От и до. Мы бы и не узнали ничего, если бы не ты со своим расследованием. Про гимн я понял раньше тебя и доложил куда надо.

Множество слов промелькнуло в голове Мелкова. Так много хотелось сказать, но из пересохшего рта вырвалось только:

— И что?

— И то, — ответил Валлис. — И то, дурень. Что было принято решение операцию не сворачивать.

— Почему?

— Почему, — вздохнул Валлис. — Да потому, что потом было бы легко доказать, что из-за проклятых шпионов альянса не были подписаны мирные соглашения. Началась бы война, новый вождь повел бы нас в Европу.

— Вы. Сумасшедшие. Зачем. Опять. Война.

— Затем, Мелков, затем. Война нам нужна. Не прошло и дюжины лет, как страна начала разваливаться. Мы отстаем от Запада. Только война, только беда сплачивает наш народ. Умные люди это понимают. Умные люди готовы рисковать.

Валлис замолчал и вновь появился в поле зрения Мелкова.

— Не все. Хотят войны. — прошептал тот. — Я. Не хочу. Я. Вас победил.

— Кого нас? — спросил Валлис. — Я мальчишек не убивал. Я мелодию не менял. Кто эти злые мы, которых ты победил? Да, войны не будет, но это не твоя победа, это наше общее поражение. А за тебя, — добавил он, — я теперь и гроша ломаного не дам. Раз уж ты все знаешь, как живой свидетель подлости Запада ты не годишься. Понимаешь, что это значит?

Мелков понимал.

Валлис кивнул ему, бросил недокуренную папиросу прямо на пол и вышел.

А чуть позже пришла Таня с букетом цветов. Непонятно, как ее пропустили, может, не такая уж и строгая охрана.

— Ой, бедненький, — принялась она щебетать возле Мелкова. — Но ничего, люди и не с таким живут, вы же понимаете. Все будет хорошо, понимаете, вы герой, я просто не могла места себе найти, я...

— Пошла. Вон. — посоветовал Мелков.

Таня опешила.

— Во-он! — заорал следователь и задохнулся от резкой боли по всему телу. Таня выронила цветы и выбежала из палаты.

За окном грянул полуденный гимн. Сразу захотелось строить и жить. Но скоро отпустило.

Фёдоров Андрей

https://writercenter.ru/profile/Captain_Scream/whois/

Художник Лев Елена

<https://writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/>

Почечные воздействия

Богданов Борис

Слоистый туман приглушил запахи дыма, горелого железа и крови. Скоро взойдёт солнце, туман рассеется, и небо взглянет на изрытое воронками поле, чадающие остовы танков, битые орудия, россыпи гильз в полусасыпанных ходах сообщения и трупы, трупы, трупы!.. Изуродованные тела людей, застывшие в нелепых, невозможных для живых позах.

Небо привыкло к смерти.

Оскар присел на бруствер окопа, рядом с погибшим красноармейцем. Оскар мельком мазнул по нему взглядом и отвёл глаза. Его мутило. За год, проведённый в этом времени, он так и не смог согласиться с той безумной лёгкостью, с которой одни люди убивали других. Небу было легче.

Немцы здесь не прошли, откатились назад, теряя технику и оружие, и даже не вынесли убитых. Из защитников безымянной высоты тоже не уцелел никто, во всяком случае, так значилось в архивных документах. Когда советские войска вернулись на позиции, живых здесь не осталось. Сейчас это была ничейная земля; поле боя принадлежало мертвецам...

Командировка подошла к концу. Гаупт-ефрейтор, за которым он присматривал, вернулся из боя контуженным, но живым. Его ждал полевой госпиталь и списание из рядов вермахта. Теперь следить за ним будут другие люди, и, наверное, он изобретёт или напишет то, что должен изобрести или написать. Оскар не знал деталей. Они вредны, ведут к личностному отношению к событиям, повышают вероятность ошибки. А так... ма-

лозначащий эпизод в работе. Минимум нервов, максимум эффективности.

Теперь — на базу, отдыхать и отсыпаться, но сначала — смыть с себя отвратительный запах пороховой гари! Оскар представил, как встанет под душ, а по спине, по бокам и животу будут хлестать тугие струи воды, чистой, насыщенной кислородом, горячей и ледяной попеременно...

— Пить... Воды...

Солдатик, которого Оскар посчитал убитым, очнулся. Устав требовал немедленно покинуть это место, ведь никто не должен заметить наблюдателя. Плевать! — решил Оскар. Парень скоро умрёт, кому помешает их контакт?

Оскар приподнял голову раненого и приложил к его губам флягу с водой.

— Спасибо, — парень сделал глоток, скривился и без сил откинулся назад.

Потерял сознание? Оскар провёл диагностом вдоль его тела. Всё оказалось не так плохо: внутренние органы в порядке, контузии нет. Однако, перебиты ноги, и осколки костей прорвали ткани и кожу, и шаровары набухли от крови. Тяжёлая травма, но даже в этой эпохе излечимая. Главное — вовремя оказать помощь. Да только кто это сделает? До ближайшего медсанбата час хорошим шагом, а парень не может даже ползти.

Оскар стиснул зубы: как же противно... Чёрт бы подрал все Уставы и регламенты! Иногда он ненавидел собственную профессию и даже благополучные время и место, в которых ему повезло родиться.

Художник Александр Новосёлов

— ...даже не потрогал её, — внезапно заговорил солдат. — Только после свадьбы, сказала... Мамаша у неё, вишь, строгая. Отгулял, и сразу в военкомат... Дурак!

Парень бредил. Оскар видел, как с каждым словом жизнь покидала молодое тело. Заострились скулы, вваливались глаза, а может, это была иллюзия, ведь он так и не привык к виду смерти и крови. Впрочем, архивы не врут. Здесь не выжил никто, и этот мальчишка тоже скоро уйдёт.

Оскар передёрнул плечами. Что-то кольнуло с левой стороны груди. Что там у него, в кармане куртки? Средство от шока и заражения крови. Мутная жидкость в шприц-тюбике едва заметно мерцала в лучах восходящего солнца. Лекарство для гаупт-ефрейтора, которое не пригодилось. Не панацея, но может продлить жизнь. Насколько?

Парень снова очнулся и застонал.

Проклятье! Почему он должен нянчиться с одними — и забывать про других? Оскар сорвал колпачок шприц-тюбика и вонзил его в бедро умирающего.

Мощная штука — современная фармацевтика. Солдат на глазах порозовел, дыханием успокоилось, потом он открыл глаза и посмотрел на Оскара.

— Ты ангел?

Почему бы и нет? Защитный комбинезон, маска-хамелеон на голове, противоосколочный зонтик за спиной... Наверное, его можно принять за ангела, особенно если страстно желать этого.

— Молчи, — сказал Оскар. — Береги силы.

***

Проза. Фантастика

Строители станции оторвались на полную. Ажурные стены выростали из тропического сада и вздымались на десятки метров к лазурному небу, вокруг в кажущемся беспорядке были разбросаны арки, витые колонны, портики, стелы и прочие архитектурные излишества. Цвели магнолии и розы, гелиотропы и левкои, резеда и множество других растений, которых Оскар не знал. Всё вокруг было напоёно ароматами, словно местные обитатели не выносили чистого воздуха. Возможно, их тоже ломало от запаха крови...

В воздухе медленно зарастала чёрная клякса. Бесшумное закрытие портала безумно пожирало энергию, но Оскар не хотел привлекать лишнего внимания. Его проступок не останется в тайне, но это всё потом, а сейчас у него есть другие дела.

Солдат спал. Правильно он сделал, притащив раненого на станцию? Он мог вызвать коптер; короткий перелёт, две минуты до медсанбата. Но аборигены привыкли следить за небом, а зачем ему свидетели? Он и так нарушил всё, что можно и что нельзя.

Оскар развернул событийную карту, ввёл нужное время и место и активировал перенос.

Прифронтовые медики спят в очередь, здесь всегда кто-то на вахте, но Оскару повезло: никто не заметил их появления. Оскар оставил раненого неподалёку от входа, на видном месте. Допустим, кто-то принёс его ночью, а потом ушёл, не сдав санитарам. Мало ли что случается в неразберихе.

На станцию Оскар возвратился в экономичном режиме. Это грохот и фейерверк на месте портала, это демаскировка. Это дополнительный шанс для спасённого им человека.

***

К вечеру Оскар начал верить в невероятные совпадения. Датчики слежения — штука теоретически неубиваемая, но... только теоретически. Иногда попадаются бракованные экземпляры. Нечасто, один на миллион, но ведь это бывает? Мог датчик умереть именно в момент проступка Оскара? Маловероятно, но возможно. Этот момент ничем не хуже любого другого. Так, поехали дальше... Все датчики объединены в сеть, и если один выходит из строя, центральный сервер отправляет ремонтного бота — для замены. Обычное, нормативное время прибытия бота — сто секунд. Оскар задумался: уложился он в этот промежуток? Разумеется. Невелика работа — ввести пространственно-временные координаты и

стартовать, там и полуминуты хватит, не то что полутора.

Их запросто могли не заметить.

В душевой, — а первое, что он сделал, добравшись до персональной ячейки, это заказал кухонному комбайну мясо по-французски и отправился в ванную комнату, — так вот, под тугими струями воды он пел, громко и немзыкально, но был повод, а почему бы не петь, если всё хорошо и совесть чиста?

Скоро восхитительный запах мяса победил ароматы отдушек и шампуней. Оскар заявился в кухню мокрый, с полотенцем вокруг бёдер, и... обнаружил там своего шефа Отто Зиновьевича Братова.

Руководитель секции двадцатого века поедал его обед. Отодвинув в сторону пикантные травы, без которых приготовление мяса превращается в перевод продукта, он уныло жевал, глядя куда-то между комбайном и мойкой. На диванчике у стены, сложив на коленях ладони-лопаты, сидели два полужнакомых парня. Ходили слухи, что они работают в службе внутренней безопасности. Теперь Оскар знал это точно.

При его появлении безопасники обозначили готовность к чему угодно. Вскочить, схватить, скрутить, если, конечно, клиент не будет благоразумен.

Братов сделал вялое движение рукой с зажатой в ней вилкой, и парни расслабились.

— Ты ведь не будешь дурить, Оскар? — печально осведомился он.

— Могли бы и оставить немножко, — Оскар кивнул на тарелку. — Два месяца мечтал вкусно и не торопясь пожрать.

— Середина века плохо на тебя действует, — сказал Отто Зиновьевич. — Что это такое: пожрать? Принять пищу, отобедать, покушать, поесть, наконец.

— Некогда там кушать, — ответил Оскар. — Всё второпях, второпях. Время такое, захватывает и тащит за собой. Да всё по ухабам.

— Да, утащило, — кивнул Братов. — Не туда только.

Он вынул из комбайна ещё одну порцию и поставил перед Оскаром.

— Только старый Отто Зиновьевич всё помнит, всё предусматривает, — сказал Братов. — Вот, догадался повторить твой заказ. Кушай, Оскар. Принимай пищу. Наяривай. Трескай. Когда теперь тебе удастся пожрать с таким комфортом?

Оскар промолчал, да и что он мог ответить? Братов разбил бы его доводы в пух и прах, и был

бы решительно прав. И Оскар отдался еде. Грядущий трибунал — не повод испортить ему аппетит. Дальше фронта не пошлют, как сказали бы аборигены.

Ел не спеша. Настоящее, правильно приготовленное мясо может примирить со всем, чем угодно. Жаль, забыл заказать хорошего вина...

— Что теперь будет? — спросил он, отставив пустую тарелку.

— Трибунал, — пожал плечами Отто Зиновьевич.

— Нет, с тем солдатом. Вы его убьёте?

— Ну, знаешь!.. — шеф негодуяски вскинул брови. Кажется, он был шокирован. — Ты должен знать, мы никогда и никого не убиваем. Не для того наши предки прошли ту войну, с которой ты только что вернулся. Как тебе в голову пришла такая мысль?

— Но я спас его, — сказал Оскар. — Парень должен был умереть, истечь кровью там, на передовой.

— Придётся поработать, — с кислой миной проговорил Отто Зиновьевич. — Аккуратно, точечными воздействиями. Он будет жив, но не оставит следа в истории.

— А ведь он герой, — сказал Оскар. — Настоящий герой. Он, а не тот немец. Я облизывал его полгода, я сдувал с него пылинки и сдал с рук на руки отделу эвакуации. Немца. Захватчика. Фашиста! Немец для истории важен, говорите? Немец оставил след, а этот парень — нет? Разве это справедливо?! Умереть в безвестности, когда...

Оскар замер на полуслове, стало неуютно: С шефом творилось что-то страшное. Он сипло, с натугой дышал, налился тяжёлой кровью, щёки тряслись, а глаза вращались в орбитах...

— Хиршвальд! — рявкнул Братов. — Георг Хиршвальд его звали! Как считаешь, оставил он след?..

Не закончив вопроса, шеф мучительно закашлялся. Оскар сидел, бессмысленно глядя в тарелку. Идиот, какой он идиот, сподобился-таки поспорить с шефом. Мало того, сделал это в присутствии безопасников. И ведь знал, что бесполезно, что мордой по столу извозят...

Все знали о Георге Хиршвальде. Оскар сам доказывал теорему его имени на первом курсе, вернее, пытался уследить за логикой профессора, который её разбирал, потому что учился Оскар на историка, а у Хиршвальда была зубодробительная, нечеловеческая математика. Неудивительно, что Георг Хиршвальд стал известен лишь через сто

лет после кончины. Когда припёрло. Когда Фёдор Чистяков открыл Трио астероидов, названное впоследствии его именем. Сомнительная слава. Оскар даже не пытался представить, что чувствовал Чистяков, когда обнаружил, что пути Земли и составляющих Трио камней неизбежно пересекутся.

Оскар вспомнил хронику.

Что такое километровый булыжник рядом с Землёй? Пылинка. Камера спутника увидела его только в считанных десятках километрах от поверхности, когда гость загорелся в атмосфере.

Съёмка велась с геостационарной орбиты. Серп Земли висел в безбрежной черноте, а потом на ночной стороне планеты вспыхнула звезда и тут же стала расти, вытягиваться в раскалённую спицу. Внизу, под ослепительным росчерком, проявились бурые, фиолетовые и серые тени — суша, море, облака. Через девять секунд спица коснулась Земли — и растеклась нарядным огненным кольцом...

Красочное зрелище, особенно снизу. К счастью, людей на Земле к этой минуте уже не было.

Второй камень из Трио прошёл мимо, а третий врезался в Землю через шесть часов, но обошёлся без визуальных эффектов, лишь слегка подсветил густые, переполненные пеплом и сажей тучи.

Георг Хиршвальд теоретически доказал осуществимость прыжков во времени. Портретов Георга Хиршвальда не сохранилось, но памятники ему всё равно стоят в каждом городе, а посёлки и деревни борются за право установить мемориальную доску. Хотя памятники надо бы ставить его жене, которая сохранила записи супруга. Георг их сжечь хотел. Не вынес критики, а честнее говоря — травли.

Когда квартиреры исследовали пережившую Трио Землю, готовили человечество к переселению, а планету к реколонизации, родилась идея переименовать её в Георгланд. Вскоре от этой мысли отказались и ничего менять не стали, однако неофициально бытовали самые разные варианты имени нового старого дома: Новый свет, Секунда, Родина или даже Выселки.

Земля, да не та, уж больно отличалась она от прежней.

Кстати, службу Наблюдателей создали не из любопытства. Хиршвальд доказал: вероятность событий зависит от перемещённой через время массы. Зависимость была слабая, нелинейная, но ведь и переместили они миллиарды тонн...

— Что?.. — Оскар не сразу понял, о чём говорит шеф. Спокойным, тихим голосом, словно и не

Проза. Фантастика

было припадка бешенства и жуткого, выворачивающего наизнанку кашля.

— Ничего, — сказал Отто Зиновьевич. — Подвёл ты меня, друг сердечный. Озадачил и ничего не сделал, чтобы я мог тебя защитить. Так что не обижайся. Некогда мне теперь тобой заниматься, работа у меня. Важная, понимаешь? Есть ещё плановые эксперименты, а тут ты со своими взбрыками. Наблюдателя, кстати, на смену тебе готовить. Последний раз спрашиваю: дурить не будешь?

***

К восьми утра развиднелось, впрочем, как и всегда. Парад закончился, отзвучали положенные речи, проехала по Красной площади техника, прошагали, вбивая в брусчатку каблуки, десантники. Прошли ветераны. Оживлённые москвичи расходились: одни домой, к праздничным столам, другие в кафе или на концертные площадки, третьи просто на природу, благо погода позволяла.

Вместе с горожанами шёл и Оскар в форме материального фантома. Механизм для наблюдения не слишком удобный, требующий внимательности и аккуратности. Фантом почти как человек. Можно руку пожать, можно водки вместе выпить, но дать в морду, например, уже не получится. Кулак провалится в пустоту, а это для контрагента чревато. Шоком, например, или дурацкими слухами. И почти наверняка вызовом группы зачистки.

Для Оскара работа в форме фантома была карой. Подчёркнутым, демонстративным недоверием. Ему поручали исключительно официозные мероприятия. Торжественные встречи, брифинги, парады. События, на которых не может случиться ничего необычного. Просто потому, что они — символ стабильности и визитная карточка государства.

Оскар ждал реабилитации. Но как медленно тянулось время! Да, он мог написать заявление и уйти в любой момент. Работы дома хватало, однако он полагал себя историком не только по профессии, но и по призванию. Поэтому Оскар сжимал зубы и терпел, пересчитывая локальные месяцы и годы...

...Перед ним, опираясь на палку, шёл старик в хэбэ времён Великой Отечественной. Внезапно он покачнулся и стал крениться влево.

— Вам плохо? — Оскар подхватил старика под руку.

— Устал, — старик благодарно взглянул на Оскара. — Передохнуть бы.

Художник И.И.Симонов

Они выбрались из толпы: люди теснились и уступали дорогу. Некоторые тоже предлагали помощь, но Оскар вежливо качал головой. Старик не обращал на окружающих внимания. Ему, всё-таки, было нехорошо.

Оскар довёл ветерана до свободной скамейки и сам присел рядом, исподволь рассматривая на него быстрые взгляды.

Это был обычный солдат преклонных лет. Один из тех, кто вытащил на своих плечах тяжесть страшной войны. Он с присвистом дышал, левый глаз его дёргал тик. Умом Оскар понимал, что должен чувствовать благодарность и чуть не преклонение, но не мог. Мешала бездна лет, что пролегла между ними. Большая, чем между самим ветераном и приматом, впервые спустившемся с дерева.

Лицо старика искривила гримаса.

— Вам плохо? Вызвать врача? — спросил Оскар. — У меня с собой телефона нет, но я позову кого-нибудь...

— Спасибо, парень, не надо, это просто старость, — ответил старик. — Опять же, бывшую свою вспомнил, дай бог ей здоровья, и будь она неладна.

— Странно вы говорите, — удивился Оскар. — И дай бог, и будь неладна.

— Это ты верно подметил, — согласился старик. — Странно и глупо. У нас с ней с самого начала наперекосяк всё пошло. У тебя как, время-то есть?

Оскар пожал плечами:

— Я не тороплюсь. Только стоит ли?

— Потерпи уж. Отдохну и дальше почапаю, а пока буду языком молоть. Мне так легче. Я, понимаешь, любил её очень сильно, но так пожить с нею и не успел. Забрали меня на фронт, сразу со свадьбы. Время тяжёлое было, да... И в первом же бою меня ранило. Сильно, не помню, как до медиков добрался.

Оскар подивился совпадению, но не придал ему значения. Много тогда уходило воевать молодых и почти неженатых. Старик что-то рассказывал, Оскар пускал его слова мимо сознания. Иногда люди хотят выговориться. Главное — не мешать.

Почему у него так мало наград? Другие ветераны носили на груди целый иконостас, у этого одна видимость: медаль за отвагу, остальные — юбилейные.

— Редко в штрафбате медалями балуют, — старик заметил оскаровы недоумения. — На усмотрение командира. Я в штрафбате наглый был, вот командиры и не усмотрели.

— В штрафбате? Командиры? — переспросил Оскар.

— Да, парень, — ухмыльнулся старик. — Меня из санбата сразу в штрафники замели.

— За что?

— Оружие потерял, — старик хрипло рассмеялся. — Из боя с оружием положено выходить. Чтобы не попало в руки врага. Так что вот. Слушай, — он вынул из-за пазухи мятую солдатскую флягу, — а давай по маленькой? Самогон у меня хороший. Сам делал, на бруснике!

— А вам можно?

— Мне всё можно, — сказал старик. — Всё можно и ничего не страшно.

У старика нашлись и стаканчики. Выпили. Самогон обжёг гортань, прокатился в желудок горячей волной. Оскар позволил себе это. Плевать, что чувства не настоящие, материальному фантому они не нужны. Просто память. Сознание знало, каково оно — выпивать.

Старик крякнул, вытер слезу, заговорил громче:

— Три месяца как один день! В первых рядах, под пули, грудью! И ничего мне не было и не могло быть!

Оскару стало интересно.

— Почему?

— Я Рай видел, — ответил старик. — Он есть, я точно знаю. И ангелы есть. И Бог!

Он перекрестился.

— Там невыносимо красиво. Там сладко пахнет, и на душе покой.

— Что было дальше? — спросил Оскар. Никаких совпадений. Солдат, которого он спас, выжил и сидел сейчас рядом с ним.

— Война кончилась, — хихикнул старик. Он опьянен почти мгновенно. — Все по домам, а меня — в лагерь. Донесла какая-то сука. Непочтительно выражался, советскую власть ругал. Десять лет, пока Усатый не откинулся.

На душе у Оскара стало гадко. Вот они, точечные корректировки Отто Зиновьевича. Штрафбат, лагерь, сломанная судьба...

— А вы ругали? — спросил Оскар чтобы сказать хоть что-то.

— А как же? Кто её не ругал? Не всех сажали только.

Старик налил себе ещё и кинул в рот быстрым злым движением. Потом долил Оскару.

— Пей, ангел, — сказал он. — Думал, не узнаю я тебя?

— С женой-то что? — Оскар сделал вид, что не расслышал последних слов.

— Не дождалась она врага народа, — ответил старик. — Офицерица себе нашла, в Германию с ним уехала... — он снова засмеялся. — Его потом тоже бросила, стервь. Я знаю, мне рассказывали. На фрица какого-то недобитого запала. Такая вот катавасия. Фрау она, если жива ещё. Не то Гильшвар, не то Горшфельд.

— Может, Хиршвальд?

— Всё-то ты знаешь, ангел, — старик с трудом поднялся. — Прощай и спасибо тебе.

— За что? — не выдержал Оскар.

— За жизнь, — просто ответил старик, повернулся и пошёл прочь.

Одна жизнь против целого мира с миллиардами людей... Хороший ли это размен? Оскар смотрел вслед старику, и в голове была пустота.

Богданов Борис (bbg Борис)

<https://writercenter.ru/profile/bbg/whois/>

Художник RHADS

Паллантовна Ника

Шум тишины

*Если долго находиться на
стыке двух реальностей,
можно незаметно сойти с ума*

На тонких нитях, в подсознании,
увязнув в омуте эмоций,
слегка дрожат воспоминания,
нарушив правильность пропорций:

большое кажется ничтожным,
бесценное — ненужно-малым,
и, нацепив мешок дорожный,
горбатимся под лишним хламом.

Таскаем тоннами обиды,
попутно злостью нагружаясь,
а человечности не видим,
жестокосердьем заражаясь.

В плену несбывшихся иллюзий,
в развалинах воздушных замков
теряемся в толпе иллюзий,
мечтаем очутиться «в дамках».

И только в недрах подсознания,
скрываясь в глубине души,
всего одно воспоминание —
жемчужиной... в морской тиши...

Карапац Александр

Я придумываю мир

Я придумываю мир,
Мир блистающий,
Мир, похожий на пунктир
Пролетающий.

В этом мире нету зла,
Нету подлости,
Радость место заняла
Безысходности.

Отгороженный стеной
Фантастической,
Этот мир всегда со мной —
Феерический.

Там спокойно и светло
Время движется,
В цепь волшебную оно
Днями низжета.

Мир блистающий из снов,
Мир-пророчество
Заменить моё готов
Одиночество.

Паллантовна Ника

<https://writercenter.ru/profile/nikangelika/whois/>

Карапац Александр

<https://writercenter.ru/profile/karalek/whois/>

Художник RHADS

<https://www.deviantart.com/rhads/>

Внутреннее море

Крыжановский Михаил

Чёрные хитиновые пластины на спине верблюда совсем затвердели и начали смыкаться. Я едва успел схватить свой рюкзак и скатиться с пологой спины уставшего животного, как верблюд полностью остановился и начал стремительно загребать песок мощными ковшми передних лап, закапываясь под песчаный покров. Весь мой груз прямо на глазах исчез в воронке вслед за верблюдом, оставив за собой только бурлящую и пересыпающуюся поверхность пустыни, которая вскоре утихла. Теперь и он, и весь мой Товар в полной безопасности. Где они и останутся в ближайшие пару месяцев.

Несколько минут я просто кричал, пинал песок и вспоминал весь проклятый верблюжий род. Потом я пару раз попытался закопаться вслед за верблюдом, больше символически, чем всерьёз. Наконец я остановился и посмотрел на линию горизонта за своей спиной. Тонкая желтоватая по-

лоска на горизонте выглядела просто как лёгкая облачность, покрывало, которым укрывается закатное солнце перед тем, как уйти на ночь в гости к жителям полярных болот. Но теперь, когда я остался без средства передвижения, Сухая Глотка нагонит меня за один день. Конечно, это часть работы Торговца — рисковать жизнью, проскальзывая по краю урагана и доставляя Товары с одной полосы Средней Империи на другую. Скорость и опасность приносят прибыль. Но к изменению вечного маршрута Глотки, давно расписанного по часам и дням календаря, я готов не был. Теперь безумная гонка на верблюде, жалкая попытка спастись, окончена.

Я снял со спины палки для ходьбы и посмотрел на возвышающийся передо мной бархан. Со спины верблюда эти песчаные волны казались безобидной и мягкой рябью на поверхности пустыни,

Художник Лев Елена

умиротворяющим своей однообразностью узором на бархатистой скатерти, теперь же дюна нависала надо мной как горбатая спина полярного мохоеда. Я посмотрел по сторонам. Идти вдоль хребта этого монстра было бы удобно, но этот путь несколько не удалял меня от Сухой Глотки.

На меня нахлынуло странное спокойствие. Теперь, когда торопиться и бежать уже не имеет смысла, я вдруг увидел оттенки цветов вокруг. Кремовость мелкого песка у меня под ногами перемежалась коричневыми тенями, которые змеились к подножию дюн, сливаясь в пепельные "языки", поднимающиеся к бокам бархана, чтобы стать его ребрами. Слепительно-белое небо вокруг диска солнца переходило в глубокую, оскорбительно насыщенную синеву, которая сменялась серовато-пепельной дымкой — первыми следами дыхания Сухой Глотки. Я задрал голову. От обширности пространства зрение отказывалось воспринимать расстояния, фокусировка сбивалась и перенастраивалась снова, то показывая почти плоскую картинку, то вдруг раздвигаясь и захлестывая мозг нереальным, неестественным объемом.

Мне не хотелось больше никуда идти. Я стоял, впитывая жесткий напор солнечных лучей, ощущая движения воздуха, пытаюсь уловить запах прожаренного песка и перегретых камней. Но почувствовал только ржавый и душный запах своей маски. Я раздраженно попытался ухватить пальцами гладкую поверхность полированного металла маски, но тут тело, до этого молчавшее, взбунтовалось. В мой отрешенный разум, захваченный пустой и стерильной Сухостью, вдруг хлынул крик плоти. Жажда и страх смерти ударили так сильно, что у меня задрожали ноги.

После долгой внутренней борьбы и кручения ходильных палок в руках я со вздохом начал карабкаться на вершину бархана, мысленно проклиная животное упрямство глупого тела. Какая же трата усилий и впитанной воды. В горле уже засадило от привычной жажды, но все баллоны остались приклепанными к шкуре верблюда. Весной он выкапается, обладая запасом воды на месяцы вперед, — самый богатый верблюд в пустыне. Столь иронично, что на секунду в моей голове промелькнуло подозрение в злонамеренности зверя. Покопавшись в кармашке на поясе, я достал брусок водосодержащего коллоида — маленькое эхо войны из имперских запасов — и попытался его откусить. Зубы занули, словно их потёрли напильником. Будучи неньютоновской жидкостью, коллоид под давлением становился каменной ириской. Мне оставалось

только бороться с желанием пожевать и сглотнуть, и терпеливо ждать, пока брикет не растает и потечёт в горло сам. После пяти минут такого излишне физиологического процесса я достал все оставшиеся кирпичики водо-жвачки и замахнулся, чтобы выбросить их подальше в пустыню, но, поколебавшись, злобно пихнул коллоид обратно в пояс. Довольно естественно ненавидеть то, что только продлевает твои мучения на пути к смерти.

Мягкие и сыпучие барханы, сначала казавшиеся волнами, а потом пологими холмами, на деле оказались настоящими горами. Ненадёжная поверхность песка словно высасывала все силы при каждом шаге, движения казались медленными и слабыми, как будто меня кто-то тянул назад после каждого пройденного метра. Голова уже загудела медным колоколом, сознание плыло тяжёлым пузырьком, словно надутым дымом через горящий от сухости нос. К счастью, солнце припекало уже не столь безжалостно — болезненно-оливковая хмарь Сухой Глотки распространялась зловещей аурой на сотни километров вокруг неё, накрывая всё вокруг куполом неясного, рассеянного света. Мир на дне мутной бутылки рома.

Мне навстречу поднялся противный и настойчивый берг. Как и всё вокруг, подчинённое одной сущности и склонённое перед её мощью, берг дул всегда в одном направлении — к Сухой Глотке, а значит, прямо мне в лицо. Под ногами стелилась желтоватая песочная дымка, с тихим шелестом утягиваемая бергом за спину. Мелкий, но неостановимый поток взвеси будет становиться сильнее с каждым часом, медленно и упорно истачивая в порошок и унося с собой всё, что посмело встать на его пути. Всё живое давно убежало или закопалось глубоко под землю, и только редкие растения покорно расстелили свои измочаленные и почерневшие листья в ожидании уничтожения. Длинные полотнища этих листьев, лежавшие на песке, ходили на высохшие водоросли, которые остались после ухода океана. В каком-то смысле так оно и было. Всего полгода назад Мокрая Пасть вбивала тонны воды в эту пустыню, превращая её в бурный водоворот песка и жизни. От этих мыслей становилось только горше и суше во рту, но душа странным образом успокаивалась — как будто вечный цикл Сухости и Мокрости придавал смысл моему присутствию здесь.

Я поправил маску и поплотнее прижал её мягкую обивку к коже. Сейчас в ней жарко и душно, но обивка защитит мои уши, когда ветер станет сильнее, — шум и скрежет песка по металлу маски

Проза. ФЭНТЕЗИ

могут навсегда лишиться слуха за несколько минут. Стрелка тургорных часов на коже запястья дрожала в середине жёлтой зоны. До того, как моё сознание начнёт необратимо рушиться и угасать от жажды и обезвоживания, оставалось ещё много часов. Звук дыхания в маске бился и резонировал, как хрип каких-то механических клапанов, и я начал по привычке подсчитывать количество выдохов. Выдох — и с ним безвозвратно унеслись в воздух шестьдесят миллиграмм моей воды. Ещё выдох — если я буду дышать пореже, то это будет семьсот миллиграмм воды в минуту. Ещё немного выдохов — сорок грамм воды в час. Такая мелочь по сравнению с двумя литрами пота в час в условиях этой пустыни. Но эти подсчёты помогали мне переставлять ноги.

Пятый бархан показался мне отцом всех гор на земле. Он унёс все мои силы вместе с суховеем, набравшим скорость. Скоро берег перейдёт в хамсин, который будет живописно трепать мою слоистую накидку. Думаю, я буду выглядеть очень сурово. Почему-то мне показалось хорошей идеей посидеть на песке. Или даже полежать. Возможно, лёжа мне наконец удастся проглотить этот режущий ком в горле. Да, лежать на спине, постепенно покрываясь песком, казалось очень правильным. В конце концов, слой песка защитит меня от Сухой Глотки, даже животные это знают. Звучит очень разумно. Разумно?.. Ра-ра-ра-азу-умно... Какое горькое слово. Я закрыл глаза. Темнота пахла йодом и смолой.

Через семьдесят пять выдохов до меня достучалось что-то, что уже давно скреблось на задворках сознания. Я с неудовольствием открыл глаза и смахнул с маски слой песка. Да, в тусклой пелене хамсина что-то слабо поблёскивало. Несколько минут я просто лежал и боролся с профессиональным любопытством, но эта битва была проиграна ещё до её начала. После недолгой борьбы с песочными лапами пустыни я утвердился на палках для ходьбы и потащился по волнующему песку в сторону загадочного блеска. Мерцание становилось ярче, и мне на ум приходили самые дикие догадки. Внезапно поверхность пустыни под ногами ожила и потащила меня по склону куда-то вниз. Я не удержался на ногах и перекатился через плечо, удачно не заколов самого себя палкой. Поднявшись, я обнаружил себя на дне канала. Русло Слюней Мокрой Пасти.

Когда-то здесь пролегал путь бурного потока воды. Вода ушла, осталась только жидкая грязь. Под воздействием солнца и Сухой Глотки грязь высохла до каменного состояния, и в этом твёрдом

ложе, словно друза в жеоде, рос целый лес кристаллов соли. Насыщенные минералами Слюни Мокрой Пасти, невероятно быстро испаряясь, оставили после себя настоящий коралловый риф, и теперь ветер безжалостно истирал его и заполнял русло заново, только теперь уже песком.

Я медленно прошёлся по дну бывшей реки, рассматривая необычную картину. Белые веточки и ёлочки, хрустальные призмы и столбы, сталагмиты, похожие на небольшие пагоды и башенки — всё это тихо похрустывало, звенело и шептало вокруг, на глазах медленно растворяясь в ветре. Щётки кристаллов ловили рассеянные лучи солнца и раскладывали свет в радугу. Отсветы этой радуги разлетались веерами краски по застывшей пене белой соли, оттеняя и подсвечивая сложный фрактальный рельеф. Редкое зрелище. Чтобы увидеть его, нужно было оказаться в мире Сухости, на самой границе со смертью. Стоит воспользоваться случаем и пополнить запасы Товара. Я аккуратно отломил наиболее чистый кристалл соли, сверкающий словно драгоценный камень, и спрятал его в карман, после чего с лёгким трепетом обернулся, чтобы оценить оставшееся время.

То, что несколько часов назад выглядело дымкой на горизонте, теперь стало стеной цвета умбры, подпирающей свод небес. Поверхность стены лениво колыхалась — древесный узор перетекал в спирали, спирали закручивались в пятна, которые играли друг с другом в пятнашки и летели наперегонки, чтобы тут же разбиться в хаотичном танце и начать всё сначала. Издалека такое зрелище выглядело мирным, но я знал чудовищную ярость и скорость урагана, создающую эти движения песка. Казалось, что за часы моего похода Сухая Глотка словно прыгнула вперёд и теперь молча смотрит на меня, ожидая, когда я отвернусь, чтобы прыгнуть снова. Даже в жарком хамсине по моей спине пробежал холодный пот.

С трудом отвернувшись, я заковылял по бывшему дну реки, которая, к моему счастью, шла нужном направлении. Русло постепенно заполнялось песком, но твёрдый жёлоб всё ещё прощупывался под ногами, и идти было гораздо легче, чем взбираться и скатываться по барханам. Тургорные часы неодобрительно дрожали стрелкой в оранжевой зоне. Я ускорил шаг, сам не зная, куда тороплюсь.

Поселение обнаружилось рядом с похожей на плоский кратер равниной, бывшей заводью реки. Мелкая рыбацкая деревушка из трех домов, приспособившаяся к жёстким условиям Мокрой Пасти — сферические каменные купола хижин, способ-

ные выдержать мощные потоки воды с небес, привязанные к домам плавучие мостки, поднимающиеся вместе с захлёстывающим деревню наводнением, перевёрнутые вверх дном пузатые лодки, оставленные на зимовку. Я со скрежетом ломающихся кристаллов выкарабкался по "берегу" и поплёлся к приземистым строениям, словно умирающий пёс, который искал последнее пристанище. По спине уже гуляло дыхание Сухой Глотки, забиравшее пот с кожи прямо сквозь накидку. Забиться в перевёрнутую миску крестьянского домика, чтобы не видеть приближающейся стены ревушего мрака, — похоже, это оставалось моей единственной роскошью.

Пройдя окраину деревни, я во все глаза уставился на снующих между домов людей. Хамсин уже почти перешёл в самум, а значит, убраться с пути Сухой Глотки было уже невозможно даже на верблюде. Тем не менее, жители деревни спокойно собирались на центральной площадке, словно готовясь к ярмарке — кругом из деревянных мостков сколачивались скамьи и прилавки, женщины в ярких цветных сари пытались удержать при себе детей, бегающих вокруг и играющих в "гвардейца и болотника". Что за абсурдная трата воды? Я потряс головой, начиная подозревать ответ, но тут моё внимание привлекло нечто гораздо более поразительное.

Посреди площади стояло каменное возвышение — солнечные часы, сцена и по совместительству небольшой причал на время наводнений. Сейчас этот постамент выполнял роль алтаря, на котором возвышалась амфора из небесно-голубого металла. Любой житель Сухости узнавал этот металл с первого взгляда. В этом кувшине хранится вода, чистая, жидкая, свободная вода. Но не вода здесь была главной ценностью, а сам кувшин — только эти амфоры могли герметично сохранить в себе содержимое даже посреди самой Сухой Глотки, высасывающей воду сквозь десять метров песка. Одна такая амфора, оставленная на зимовку, могла обеспечить поселению быстрый старт после возвращения. А быстрый старт — это много, очень много денег. Я пришёл в эту деревню, чтобы умереть, а обнаружил в ней богатство ценой в небольшой город. Впрочем, изначальный план всё ещё в силе.

Я медленно проходил мимо рабочих, торопливо сколачивающих из старых досок лежанки и подмости, мимо мамаш, одёргивающих своих тщательно причёсанных сыновей, мимо молодых парочек, словно не замечающих безжалостного хамсина. Изредка люди подходили к алтарю с кув-

шином и складывали у него мелкие подношения — свёртки ткани, украшения или упаковки с консервированными продуктами. Всё это наводило только на одну мысль. В мелкой деревушке нашла своё последнее пристанище секта сухопоклонников. Весной возвращающихся рыбаков ожидает необычное зрелище.

Сухопоклонники так долго не замечали меня, что я сам засомневался в собственном существовании. Не остался ли я лежать там, под песком? И теперь хожу пустынным джином за свои грехи? Я потряс головой, испуганный внезапным сомнением в собственном существовании. Страх поднялся мутной волной и захлестнул утомленный разум, смешивая мысли в кашу. К моему облегчению, один из рабочих отложил молоток, встал мне навстречу и поклонился. Это был высокий старик, чёрный и морщинистый как изюм, с ног до головы замотанный в белые полотнища льняной ткани. Он выглядел, как монах, но на груди у него поблёскивал диск с полумесяцем — знак старосты общины. Старик обратился ко мне:

— Путник, ты и сам знаешь, что палку позволено носить только Пастуху или Воину. Где твоё стадо, Пастух?

При этих словах жители вокруг, не особо скрываясь, потянулись к камням и своим инструментам. Кто-то попытался выковырнуть плотный ком твёрдой и бесплодной земли из-под ног. Я слегка передёрнулся, представив, что сделают с одиноким Воином в этой части страны. После чего я торопливо проглотил последний кусок водо-жвачки и напряг пересохшее горло:

— Я Торговец. Палки просто Товар.

— Он Торговец! — староста возвысил голос и повернулся к своим соседям, объявляя всем новость, — он Торговец. А Торговец должен торговать.

По толпе прокатилась волна шепотков. "Торговец... Пришёл Торговец...". Несколько человек, в основном женщин, отделились от толпы и торопливо побежали по домам в поисках ценных вещей на обмен. Я только поморщился за бесстрастной полированной личиной своей маски. Ритуальная фраза была произнесена, но мой основной Товар сейчас лежал на двадцать метров вглубь песка. Освобожденные от присмотра мамаш дети тут же потянулись пощупать мою накидку или подергать рюкзак. Похоже, мой вид несколько их не пугал. Неожиданно для самого себя я почувствовал боль в высохших и потрескавшихся губах, которые растянуло улыбкой.

Проза. ФЭНТЕЗИ

— Как ты, наверное, уже заметил, мы не живём в этой деревне, — старик решил завязать разговор в ожидании Торговли: — Мы всего лишь слуги Хидэригами, сосуды для её влаги, которые пришли поближе к её стопам.

Мои мрачные догадки подтвердились. Чёртовы сухопоклонники дождались росы на своей поляне, их богиня прилетела им прямо на головы. Староста словно прочитал мои мысли:

— Впервые за многие годы вечный маршрут богини сменился. Впервые нам представилась возможность исполнить своё предназначение, с благодарностью отдав воду обратно богине.

Он обернулся к своей пастве, которая одобрителем загнула головы:

— Но я также и понимаю, что не все в мире верят в то, что они всего лишь сосуды с чужой влагой. Это трудно принять. Для них возврат воды будет тяжёлым испытанием. Что же могло изменить вековой порядок?

На самом деле я и сам долго размышлял на этот счёт. Мои догадки были немного политического толка — Средняя Империя слишком сильно зависела от кочующих вместе с ураганами Торговцев, и, несмотря на обоюдную выгоду, вечно это продолжаться не могло. Взять под контроль погоду означало взять на мушку весь мир. Возможно, способности учёных Империи наконец начали соответствовать жадности императора.

Впрочем, мои торговлецентричные идеи вряд ли интересны этим фанатикам. Я решил изложить свою версию в сокращённом варианте:

— Сменился ветер.

— Мать засухи Хидэригами и есть ветер! Кто в силах повлиять на ход столь великого создания? У кого хватит самонадеянности?!

Я только пожал плечами. Во мне оставалось слишком мало воды для теологических диспутов. Увидев мою реакцию, староста решил сменить тему:

— Что же принёс нам загадочный Торговец, появившийся прямо из тени богини?

— Я торгую словами.

— Консервами или живыми словами? — похоже, здешний глава, в отличие от многих других, не питал особого духовного трепета перед моим Товаром.

— Мои консервы были утеряны, — я решил не вдаваться в детали верблужьих приключений: — Но у меня есть и живые слова. Разумеется, если вы готовы за них заплатить.

Староста только молча кивнул. Пока Клиенты собирались поближе и бегали домой за оплатой, я начал разворачивать оборудование. Достав из сум-

ки воронки репродукторов, я прикрутил их к бокам моей маски, превратив её в подобие странного ушастого животного. После чего, настороженно оглянувшись, я достал из рюкзака очередную палку и развернул её в зонтик солнечных батарей, которые в свою очередь подключил кабелем к усилителю на поясе. Скопившийся в складках зонтика песок тут же высыпался мне на голову.

Мальчик, лежавший на скамье неподалёку от меня и внимательно следивший за моими манипуляциями, весело рассмеялся от такого представления. Точнее, попытался рассмеяться, но издал только сиплый хрип, после чего испуганно схватился за горло. Сухая Глотка уже забрала его голос. Я посмотрел на мальчика и на показ покашлял в микрофон, выбивая песок из раструбов громкоговорителей. На всё ещё испуганном лице малыша промелькнула лёгкая улыбка. Говорить он больше не пытался. Охваченный внезапным порывом, я покопался в кармане, достал оттуда кристалл соли, взятый из реки-жеоды и протянул его мальчику. Он осторожно взял подарок и принялся вертеть его в пальцах, ловя слабые лучи солнца. Хрустальная призма окрасила веером отраженной радуги зачарованное лицо малыша, и я поймал себя на мысли о том, что хочу рассказать ему про минеральный лес, показать ему то зрелище, кусочек которого он сейчас разглядывает так жадно. Но лес, скорее всего, уже развеян ветром. Как скоро развеется и мы.

Прокашлявшись теперь уже всерьёз, я нервно повернулся взглянуть на ту самую мать засухи, в честь которой мы все здесь собрались. От увиденного мне захотелось упасть на землю и закричать. Хидэригами снова скакнула вперёд, но вся её мирная тёмно-коричневая бархатистость пропала без следа. Теперь это была чёрная бездна, которая прорвала и проглотила пол-мира. Бесконечно уходящая в небеса, Глотка своей рваной, нестройной и резкой поверхностью разделила Вселенную на себя и всё остальное. Никаких узоров больше не было видно. Только глубокое отсутствие света, в котором на бешеной скорости промелькивало что-то гигантское, как будто в чёрной толще бушуют огромные киты, нетерпеливо бьющие хвостами по тонкой плёнке, сдерживающей океан разрушения. До этой стены было ещё много километров, но мне казалось, что я стою перед ней на расстоянии вытянутой руки. Маленький трепещущий пузырьёк воды, с которого равнодушная богиня мимоходом сорвала всю человечность.

Со слезами на глазах я оглядел собравшуюся у моих ног толпу. Некоторые люди уже устроились на

Художник Лев Елена

Художник Лев Елена

лежанках, особенно те, кто от обезвоживания уже не мог ходить, но даже они подняли головы и выжидающе смотрели на меня. Остальные сидели кто где горазд, на сложенной валиком одежде или просто на голой земле. Каждый из них ожидал от меня настоящего Товара, последнего Товара, который они услышат в этой жизни. Краёв площади уже не было видно за завесой бушующего в воздухе песка. Мы словно собрались в большом шатре цвета охры, чтобы послушать сказку перед долгим сном. Я задумался, перебирая в памяти наборы живых слов. Сказка выглядит уместно, но отдавать этим людям просто выдумку, здесь и сейчас, в такое время — это просто оскорбление. Я подкрутил громкость репродукторов и начал свою речь:

— Под названием "Внутреннее море" мы понимаем совокупность всех жидкостей организма: кровь, лимфу, цереброспинальную и тканевую жидкость, которые являются сложными растворами. Вода в них играет роль универсального растворителя, образуя в организме жидкую молекулярно-дисперсную систему...

К концу моей долгой лекции самум уже почти скрыл площадь. Я чувствовал, как Сухая Глотка забирает воду и слова прямо из моего рта. Фигуры людей на лежанках, едва различимые в песке, уже не шевелились, многие из тех, кто сидел рядом со мной на земле, теперь просто лежали без сил друг на друге. Но всё же они меня слушали. Староста сидел прямо, как палка, и поедал меня глазами. Наконец он благоговейно проговорил:

— Информация...

"Информация..." — по площади пронёсся едва слышный шёпот. Я видел, как мои слушатели пытаются схватить, запомнить ценную Информацию. Они едва могли сидеть, но каждый пытался сохранить услышанное в голове, как будто Сухая Глотка не заберёт это у них через несколько минут. Те, кто ещё был в сознании, передавали из рук в руки Товары, складывая их у моих ног в знак оплаты за слова. Я только грустно кивал головой как болванчик, благодаря Клиентов. Умру на груди ценностей, словно болотный дракон.

Как будто почувствовав, что я не рад сделке, старый монах взмахом руки подозвал своего помощника — почерневшего от привычной сухости и прожаренного солнцем парня, похожего на вяленый кусок рыбы. Казалось, что ветер и песок несколько его не беспокоят, но я видел маслянистую плёнку на его теле. Глотка уже забирает его связанную воду, разрушая внутренние структуры тела. Тем не менее, парень бодро вскочил и ушёл в приземистый сарай неподалёку. Через мгновение от выскочил оттуда, ведя под уздцы гоночную курицу.

Если бы я мог вытаращить глаза, я бы это сделал, но сил поражаться уже не было. Я слышал, что религиозные фанатики часто заманивают в свои сети богатых людей, лишая их всего имущества, но впервые видел такое своими глазами. Курица уже начала покрываться хитином, но закапываться в песок пока не пыталась, и в целом выглядела вполне здоровой и сильной. Даже сейчас, уже в самуме, она всё ещё могла вынести наездника за пределы урагана. Это был мой шанс.

Староста приглашающе кивнул мне на курицу. Это лучшая сделка, если не в истории Торговли, то в моей жизни точно. Сухая Глотка могла накрыть нас в любой момент, но я медлил, сомневаясь в том, что собирался сказать. Внутренние колебания словно вошли в резонанс с окружающей бурей, от того спокойствия, что я обрел в пустыне, не осталось и следа. Эти глупые сектанты всколыхнули поверхность моей отрешенности, и я никак не мог понять, не мог разобраться, как и почему. Наконец я отключил репродукторы и обратился только к старосте, склонившись к нему так близко, что моя маска коснулась его волос:

— Эта курица выдержит приличный груз. Я могу забрать тех людей, что ещё живы, могу вывезти их с пути Глотки. Уже к вечеру мы найдём живое поселение, где им смогут выделить воду. Они спасутся, я найду им место, обещаю!..

Мой горячий шёпот гулко отдавался в маске как бормотание безумного дервиша. Но в моём тоне не хватало уверенности. Какое странное ощущение — торговец словами впервые не знал, какие слова окажутся правильными. Староста молча смотрел на меня, сложив руки на груди. Спустя несколько минут, которые показались мне часами, он наконец проговорил:

— Они готовились к этому дню всю свою жизнь. Это единственная их цель и единственное предназначение. Ты действительно хочешь забрать у матери засухи Хидэригами её сыновей и дочерей? Хочешь отобрать у людей единственное, что придавало их страданиям в этой проклятой Сухости хоть какой-то смысл?

— Да. — просто сказал я.

Мы молча сидели посреди песчаной бури. Я смотрел в глаза старика и видел в них упрямство, боль и усталость. Глубоко под упрямством и страхом, как камни под речным потоком, скрывались вера и спокойное ожидание. Ожидание... Будущего?.. Или освобождения от груза? Я вспомнил, с каким старанием люди впитывали мою Информацию, как они пытались сохранить её в голове, несмотря на приближение ревущей бездны. Казалось, что еще немного, еще чуть-чуть, и я поймаю за хвост понимание этих людей, настоящее, глу-

бинное понимание, как я понял высушенные растения в пустыне, терпеливо ожидающие смены вечного цикла, как понял самого себя, лежащего под песком. Я тряхнул головой, злясь и сомневаясь, мое сердце задышалось и трепетало, нагнетая туман в мысли.

Видимость снизилась до нескольких метров, словно Глотка отрезала нас от внешнего мира и заперла в небольшой сфере оранжевой пелены. Мне казалось, что мы сидим так уже месяцы, что ураган давно уже должен был пройти по нам и удалиться по своему вечному пути, оставив нас встречать Мокрую Пасть. Со всё нарастающим удивлением я ждал и ждал, когда же занавес тьмы спадёт, и снова выглянет упрямое солнце, чтобы осветить встающих со своих деревянных лежанок людей. Рабочие начнут приводить мостки в порядок, мамы снова скажут мне спасибо, а дети побегут играть дальше в "гвардейца и болотника". Я ждал, но ветер становился только сильнее.

Наконец я не выдержал, вскочил и кинулся к рвущейся с привязи курице. Ковыляя мимо постаментов, я схватил кувшин из небесно-голубого металла и прижал к себе, забираясь на почерневшую от твёрдого хитина спину. Курица почуяла наездника и рванулась из последних сил, выворачивая кольцо привязи из стены сарая. Она поджала передние лапы к телу, подняла корпус на задних киберпротезах и мгновенно перешла с места в галоп. Мотая головой, животное находило путь там, где я уже потерял всякое понятие об очертаниях мира вокруг. Через несколько минут бешеных скачков мы вырвались к свету.

Курица раскрыла кожаный воротник, на бегу наслаждаясь каплями воды из попутного ветра. Я тоже попытался почувствовать эти капли, но тут же постучал себя по голове, сообразив, что не снял маску. За спиной тяжело булькал кувшин. Его вес навевал приятные мысли. Даже мечта всей моей жизни — свой личный атмосферный облако-сборщик — не отнимет и трети стоимости моего нового Товара. Эти перспективы почти затмевали постоянно грызущее меня чувство. Навязчивое воспоминание о призрачном ощущении — горящий взгляд старика-сухопоклонника, буравящий мою спину сквозь завесу песка.

Крыжановский Михаил

<https://writercenter.ru/profile/PorkoR/whois/>

Художник Лев Елена

<https://writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/>

Ступающий

Быковский Станислав

Сегодня — моя последняя служба. Наконец-то все закончится. Жена отговаривала, хотела, чтобы я более не ходил в Тень, но... Мне предложили хорошие деньги, а они на новом месте лишними не будут. Сделаю свое дело, заберу семью и первым кораблем на континент.

Сколько же раз я слышал подобные зачины в песнях менестрелей... Смеялся, шутил над банальностью. Но сейчас мне почему-то не до шуток. Может быть потому, что такие истории обычно заканчиваются плохо...

Я неспешно готовлю тело и разум к переходу. Внюхиваюсь в воздух, ищу дорогу. Легко улавливаю нужные потоки — рядом с умершим всегда так.

Запах Долины мертвых совсем не мерзок, не противен. Он просто другой. Запахи мира живых многоцветные, шумные, пестрые. Запах мертвого мира иной: блеклый, серый, ленивый.

Слышу шепот Аджур — своего напарника. Его задача — чтение литании, моя — все остальное. Нечестно, скажете? Такова жизнь. Он ведь из сфиру, благородной расы долгожителей, мистиков и менталов. А я всего лишь дайри, мой социальный потолок уже достигнут — я Ступающий, проводник через Тень. И, надо заметить, один из лучших.

Кроме нас с напарником в помещении трое сыновей умершего. Следят за Аджурой, на меня даже взгляда не бросят: слишком мелкая рыбешка. Не любят нас пятипалые. Не любят, но терпят. Волнуются: получают наследство, только если отец успешно перейдет в посмертие. Наследство немалое: старик двадцать лет возглавлял Левое крыло магистрата.

В комнате царит тишина, ее нарушает лишь негромкий голос Аджур. Подхожу к окну. Не слишком суеверен, но все же есть у меня традиция: перед переходом смотреть на небо. На солнце, на луны, на сияющего Небесного змея, пересекающего небо с запада на восток. В Рамнире их нет. Лишь бесконечные багряные тучи.

Аджур, склонившись над мертвецом и устремив взор на пламя свечи, приговаривает:

— Слушай мой голос, дух человеческий, носивший имя Фез Ойкар. Пришел час ступить на последний путь. Дорогой без возврата тебе идти чрез Рамнир. Очистившись, ручьем вольешься в реку Эненэре. Слушай мой голос, дух человеческий.

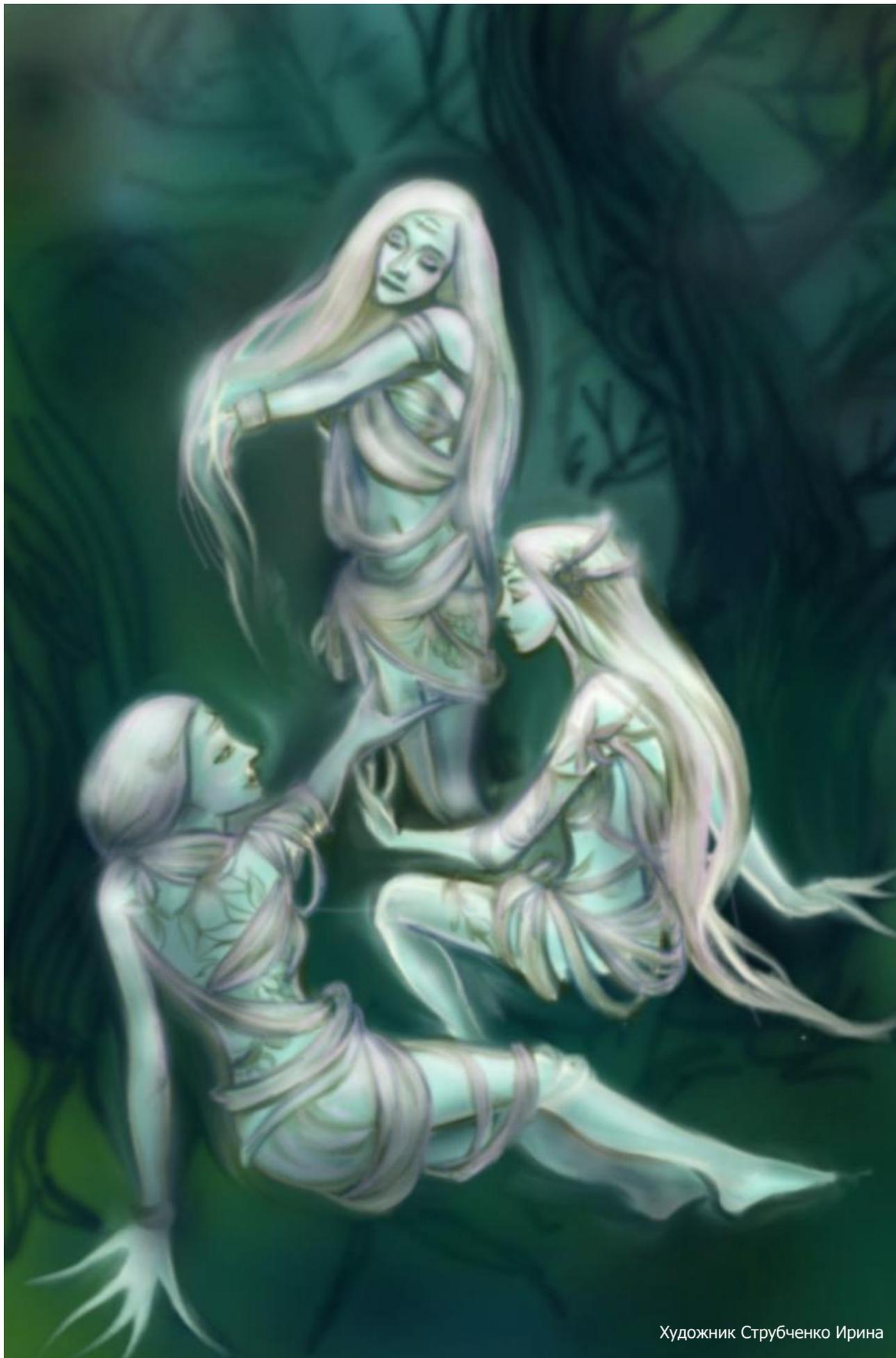
Мистик на мгновение прерывается, задерживает дыхание. Знаю, что будет дальше, готовлюсь к переходу из истинного мира в ложный. Из Инкрира в Рамнир.

Воздух вокруг Аджур подергивается легкой рябью, молитва звучит вновь, ритмичнее, громче, быстрее. Холодный порыв ветра слизывает огоньки свеч, и я с резким выдохом проваливаюсь в Тень.

***

Переход каждый раз ощущается по-иному. Бывает, что тебя будто бы ухает в ледяную прорубу. Иногда миры, словно две тягучие жидкости, наползают друг на друга, и, наконец, один растворяет другой. Случается, что тебя выворачивает наизнанку, — так себе ощущение, скажу вам. Но сейчас все безболезненно. Для Аджур и сыновей умершего — тех, кто остался в истинном мире, —

Художник Струбченко Ирина

Проза. ФЭНТЕЗИ

я просто исчез. Но я еще продолжаю их видеть. Ровно как и тысячи растущих из пустоты черных деревьев: огромных, скрюченных и больных. Несколько ударов сердца, и черный лес замещает собой истинный мир. Комната исчезает, над головой воцаряются густые карминовые тучи.

У Рамнира много других имен: Тень, Зеркало, Долина мертвых, Ложный мир. Рамнир — это не место на карте. Это скорее отражение бытия в треснувшем зеркале. Аджура, мой напарник, считает, что Рамнир — это сон бога. Если так...у этого бога не все в порядке с головой.

***

Чаща молчит. Здесь нет птиц, жуков и прочей лесной живности. Но есть кое-что похуже. Потянул носом воздух: какая-то тварь затаилась рядом, чувствую ее смрад. И не только ее...

Дух умершего стоит рядом, озирается. Весь, с ног до головы в омерзительных буро-черных струпках. Не то что одного взгляда — запаха хватает, чтобы понять: этот пятипалый был полным дерьмом. Даже для чиновника. Когда тело умирает и душа уходит в Рамнир, грязь души уже не скрыть за сладкими речами и показной благотворительностью. Так что... Рамнир это не всегда плохо. Его бы в суде применять, да вот беда — судьи гаже подсудимых окажутся. Пожалуй, правду поют менестрели: самые страшные чудовища — люди. Не только пятипалые, но и дайри, сфиру, прочие расы. Но грязь умершего не мое дело. Мое дело — его охрана. С грязью разберется Аджура. Он связан с нами через желтый огонек, что парит около умершего.

— Эй, Фез, меня наняли для твоей охраны. Ты ведь не знаешь, где мы, верно?

— Как ты со мной разговариваешь, камнеглазый?! Я... Впрочем, не хочу тратить на тебя время. Я спешу на важное мероприятие. Чаепитие в кругу достойнейших мужей города.

— Кхм... ну тогда двигай вперед.

— Двигай вперед? Послушай меня, дикарь! Да тебе не то что жалование... тебя никто никогда не наймет, ясно?!

Улавливаю вибрации запахов. Разворачиваюсь и бросаюсь навстречу появившейся твари. Открываю клетку в сознании и воплощаюсь в Къерхэ, зверя Рамнира. Красная шерсть, длинный хвост, когти-лезвия и клыки. Когда-то я отдал часть сердца, чтобы приручить его. Это было так давно, что уже перестал понимать, где заканчивается он и начинаюсь я...

Не хочу драться, нужно беречь силы для врагов пострашнее. Вздвбив шерсть, рычу.

— Прочь! — ментальный крик летит в тварь.

Медленно, мерзко хлюпя, она уползает в чащу. Возвращаю свою форму.

— Это...это... Куар... — лепечет чиновник.

— Куаранак, верно.

Куаранак, мстительный дух, создан не природой, а фантазией людей. Это чудовище из фольклора пятипалых. Подобные бести, монстры из сказок, обитатели кошмаров, детских страшилок — все они попадают в Рамнир из человеческого разума. Рамнир же их вскармливает, дополняет, насыщает ненавистью к живым.

— Ты... не убил его! Он может вернуться! Бездна заberi... Камнеглазый, ты ведь... защитишь меня?

Состояние умерших в Рамнире чем-то похоже на сон: они не понимают, что мертвы, хотя со стороны это кажется очевидным. И чем больше в душе грязи — тем тяжелее мертвецу "проснуться".

— Да, двигай уже на свое чаепитие.

Душа в Рамнире всегда куда-то идет, так устроено посмертие. Каждый, кого я охранял здесь, знал, куда держит путь. Мне оставалось лишь находиться рядом и защищать их. Зачем? Для того, чтобы душа не осталась здесь навсегда. Рамнир — это дорога, а не пункт назначения.

***

Желтый огонек освещает тропинку. Пляшет в воздухе над головами. Периодически из огонька доносится едва различимый голос Аджуры. Но сейчас он становится громче.

— Бессмертный дух, носивший имя Фез Ойкар, услышь меня! Тело твое окончил свой цикл, но душа продолжает жить! Осознай это и возрадуйся! Ощути истину. Без боли, без страха, без лжи. Ощути истину и не убоись ее — прими ее в радости.

Мертвец на миг замирает, закатывает глаза. Свет огонька усиливается, искрится, охватывает Феза... Тщетно. Лишь несколько бурых шелушек отделяются от умершего и падают на землю. Чтобы очистить его, потребуется гораздо больше попыток и сил.

— Мне нужно спешить, я не успеваю! Мерзкая птица! — старик отмахивается от огонька и продолжает путь.

Я иду за ним. Куаранак крадется следом, все еще чую его ненависть. Лес медленно тянет крючья к нам, подбирается, выжидает.

***

— Кто у нас тут, ссестры?

— Ссмердит-то как!

— Вещь в коростах!

— Мерзкий! Ему в Реке не место!

— Да-да, Отраженных привлечет, и сам таковым сстанет!

— Прочих погубит!

Их трое. Кружат вокруг нас. Тощие, из белевой, зеленоватой кожи растут мертвые листья и ветки. В волосах болотная тина. Нимфы черного леса.

— Дайте дорогу, младшие сестры. Вы ведь знаете меня.

Одна из нимф приближается ко мне. Встречаю взгляд трех немигающих глаз. Чувствую ее дыхание на своем лице. Обнюхивает.

Старик, оторопев, замирает.

— Ах...это ты, проводник с янтарными глазами. Ваша братия всегда ведет гнилых, больных, искаженных. В другом мире лишь такие и властвуют, лишь такие могут оплатить дорогу.

— Неправильно, гадко! — вторит ей сестра.

— Не пропустим! — подхватывает третья нимфа.

Сестры смещаются, заходят мне за спину. Разворачиваюсь, чтобы видеть всех троих.

— Я не отдам старика Отраженным, обещаю. Уберегу его. Он очистится и шагнет в Реку.

Они смеются. Хохот ужасно режет уши.

— Кеаду! — окрик Аджуря доносится из огонька.

Оборачиваюсь. Вижу, что Фез бросился в чашу.

— За ним! Живо!

— Стой, проводник. Человек слишком искажен. Пусть останется здесь!

Я рванул вперед, сбрасывая когтистые лапы нимф. Страх несет умершего так быстро, что я не успеваю. Здесь ты двигаешься тем быстрее, чем более этого желаешь.

Какое-то время мчусь сквозь лес. Останавливаюсь. Понимаю, что упустил Феза. Проклятье! Сосредотачиваюсь, пытаюсь нащупать энергетическую нить, что связывает меня и Аджуру. Не помню, когда она появилась, но уже давно. Чувствую, что огонек находится где-то левее. Устремляюсь в его сторону сквозь цепкие кусты и ветви. Наконец, впереди, шагах в двадцати вспыхивает желтое зарево. Слышу вопль старика. Вбегаю на крошечную поляну. Ослепительные проту-

беранцы вырываются из огонька и хлещут по умершему, который лежит на земле. Над ним, впившись в шею могучими челюстями, возвышается Куаранак, дух мести.

Бросаюсь на тварь, но меня сбивают с ног сестры.

— Не позволим, Ступающий!

Пытаюсь вырваться. Принимаю форму Къерхэ. Делаю рывок и вонзаю когтистую лапу в бедро Куаранака. Из горла старика доносится бульканье: тварь вцепилась еще сильнее. Фез молчит, оцепенев от ужаса. Огненные хлысты бьют по бестии. Свет застилает мне глаза так, что я перестаю видеть. Вслепую продолжаю кромсать тело твари, но та не разжимает пасть. Фез начинает орать. Слышу какие-то хлюпающие и чавкающие звуки совсем рядом.

Наконец, глаза привыкают к свечению. Старик, сжимая в руке белый острый камень, снова и снова вонзает его в подбрюшье врага. Кричит громко и яростно, неистово нанося удар за ударом. Куаранак ослабляет хватку и, отбросив меня, убегает в лес.

На мгновение воцаряется звенящая тишина, а после:

— Зачем ты дала ему оружие, ссестра?

Одна из нимф подходит к лежащему на земле Фезу. Касается его головы, неглубоко погружает когти, тянет на себя. Крупная короста лопается, отделяется от затылка старика, затем еще две от лица и с дюжину мелких от ног и груди.

— Вот зачем! Пожалуй, я поверю Ступающему.

— Беззумица!

— Я тоже на ее стороне, ссестрица! Ты видела, какая смелость в нем? Как яростно он сражался?

Нимфы принялись спорить.

— Пропустим их, пусть идут. Справятся. Может, ссыграем?

— Да, ссыграем, сделаем ставку!

— Вот сговорились, дуры... Что ж, уступлю... Проиграете вы мне! — в ее руке оказываются несколько фигурок из кости. — Я сставлю их. А вы что?

Вторая лезет за пазуху и достает переливающееся лилово-зеленое стеклышко.

— Я сставлю это!

— Мало, моя ставка выше!

Нимфа достает еще одно стеклышко.

Третья сестра, сунув руку в волосы, вытягивает что-то блестящее.

— Сставлю ссеребряную нить.

Проза. ФЭНТЕЗИ

— Не боишься ее потерять?
— Если проиграю — заберешь. Но если выиграю — стану старшей на сотню циклов, идет?
— Идет, сестрица!
Нимфа, поставившая нить, оборачивается к Фезу.
— Возьми с собой Белый осколок, человек... И не подведи!

***

Какое-то время мы двигались молча, пока лес не начал терять очертания. Пространство принялось вихриться, растворяться — верный признак того, что дальше идти не стоит. Впереди Рамнир терял стабильность, начинались охотничьи угодья Отраженных. Души, что идут в Рамнире без проводника, никогда не прекращают свой путь и в итоге забредают в подобные вихри, где властвуют Отраженные. Одни в конце концов проходят сквозь эти вихри, прочие — остаются там навсегда.

— Стой, Фез, сделаем привал.
— Нет, — бросает он, не оборачиваясь. — Меня ждут!
Кажется, знаю, что может его убедить.
— Впереди Куаранак, нужно переждать пока он уйдет.

Останавливается.
— Ладно...
Устроились чуть поодаль от вихря, чтобы тот оставался виден.

Черный лес и прочие стабильные участки Рамнира, словно островки, дрейфуют в бушующем океане, периодически соединяясь друг с другом. Такие островки называют Рифами. Когда к Черному лесу пристанет какой-либо Риф — мы двинемся дальше. По опыту знаю, что долго здесь не задержимся.

— Как шея? — спрашиваю я старика, после того как мы уселись под деревом.

— Ай, царапина, ничего серьезного.
Ошибается. Раны, полученные душой в Рамнире, не затягиваются, переходят в новую жизнь, искажая молодое сознание. Подобные раны — одна из причин, почему люди такие, какие они есть: трусливые, алчные, злые. По крайней мере, так считают многие мистики.

Огонек над головами начинает сверкать.
— Бессмертный дух, носивший имя Фез Ойкар, услышь меня! Тело твое окончило свой цикл, но душа продолжает жить! Осознай это и возрадуйся! Ощути истину.

Свет охватывает умершего и... вновь практически безрезультатно. Фез лишь помотал головой, словно отмахиваясь от наваждения.

— Не думаю, что это поможет, Аджура.
Огонек замирает.
— Куаранак, — говорю я старику. — Почему он идет за тобой?

Фез молчит, смотрит на свои ладони.
— Не знаю, — наконец отвечает.
— Знаешь.
— Слушай, камнеглазый, не лезь в душу!

***

Двигаемся быстро и тихо. Едва покинув Черный лес, я приказал Фезу молчать.

Редкие, но длительные порывы ветра едва ли не швыряют нас о землю. Здесь темно, словно в последний миг сумерек. Пространство окрашено слабым ржаво-красным свечением. Вокруг холодная черная равнина, уходящая за горизонт. Редкие потрескавшиеся дольмены — первое, что нарушает скупой пейзаж. Второе — повисшие в пустоте, едва не упирающиеся вершинами в низкие багряные облака, раковины моллюсков. Огромные, с десятков метров длиной, они чуть заметно подрагивают. Запах здесь какой-то...склизкий... Дрянное место, опасное. Даже по меркам Рамнира.

Ветер усиливается, едва успеваем добежать до очередного дольмена. Врываемся внутрь.

— Пирам! — раздается вскрик.
Внутри натываемся на испуганную женщину и подскочившего с земли мужчину.

— Спокойно! — шепчу я, оглядываюсь на раковины. — Мы не враги, просто прячемся.

Мужчина замирает, коротко кивает, разжимая кулаки.

Всматриваюсь. Умерли молодыми, не слишком давно: год, может, два назад. Тела уже начинают терять очертания, блекнут, размываются. Призраки, не сумевшие отыскать выход из Рамнира.

Мужчина садится на землю, обнимает женщину. Жестом показываю Фезу, чтобы тот сел напротив.

— Я спешу! — возмущается старик.
— Жди!
Еще раз выглядываю наружу, смотрю на небо — все тихо. Возвращаюсь. Прислоняюсь спиной к камню. Наблюдаю за новыми соседями.

Женщина дрожит и закрывает лицо руками. Чую в ней боль и... безысходность. Похоже, они застряли здесь, не могут уйти. Боятся или не зна-

ют, как. Мужчина медленно укачивает женщину и гладит по волосам. Интересно, какова их история? Встретились здесь? Вряд ли, призраки обычно одиночки. А может... были вместе еще при жизни? И когда ушел он, за ним пошла она...

Вспомнил о жене. Очень по ней скучаю. Чертов Рамнир, я уже стал забывать, как она выглядит! К моменту, когда возвращаешься назад, уже мало что помнишь. Затем память постепенно восстанавливается. А потом снова уходишь в Рамнир, и все по новой... Скорее бы это закончилось.

Подсаживаюсь к Пираму. Клянусь себя за то, что скажу, но не могу их здесь оставить.

— Я выведу вас отсюда. Как ветер утихнет — пойдете за нами. Молча. И будете делать ровно то, что я говорю. Без вопросов, без размышлений.

Мужчина не отвечает, думает.

— Уговаривать не стану. Мне же проще, если не пойдете. Но другого шанса не будет.

— Хорошо, — отвечает он через несколько мгновений. — Спасибо.

Огонек недовольно скачет под потолком, но молчит: не хочет лишний раз шуметь.

Вскоре ветер начал стихать. Нужно двигаться. Наша задача — добраться до вихря, он должен быть уже где-то рядом. Затем спрятаться и ждать сопряжения с новым рифом.

***

Все сразу пошло наперекосяк.

Едва мы прошли сотню шагов, как услышали вой. Он разнесся по округе звенящей вибрацией. Чертыхнувшись, оборачиваюсь. Куаранак с рыком несется в нашу сторону.

— Фез, бегом до вихря! Спрячьтесь в дольмене!

Приняв форму Къерхэ, бросаюсь наперерез твари. Нужно ее заткнуть пока...

Слышу утробный низкий гул. Бездны потрох! Замираю. Из ближайшей раковины показывается черное щупальце, за ним еще несколько и, наконец, голова спрута. Старое женское лицо с пустыми глазницами. Синяя кожа пронизана пульсирующими ядовито-желтыми артериями. Реаракх, кормилица пустоты.

С мерзким хлюпаньем тварь отделяется от раковины и начинает парить в воздухе. Ищет добычу.

Невдалеке раздается вопль девушки. Молчи, дура!

Куаранак врзается в меня на всей скорости и швыряет о землю. Потом кидается в погоню за стариком. Поднимаюсь.

Реаракх начинает двигаться в сторону беглецов. Понимаю, что нужно уводить ее и надеяться, что Фез и Аджура справятся с псом сами.

Набираю в легкие побольше воздуха, встаю на задние лапы, рычу. Тварь в небе разворачивается. Бросаю в нее ментальный крик. За ним еще один. Из пасти спрута раздается гневное бульканье. А вот теперь нужно бежать. Инстинкт охотника делает свое дело, и бестия кидается за мной.

Устремляюсь к ближайшему дольмену. Хромаю: повредил лапу при падении. Тварь, рассекая воздух, мчится следом. В метре от укрытия на меня обрушивается склизкое, дьявольски тяжелое щупальце. Аг-хррр! Падаю, заваливаясь мордой в пыль. Резкая боль пронзает раненую лапу тысячами игл. Инстинктивно отпрыгиваю в сторону, рядом ударяет так, что вздыбливается земля. Пошатываясь, прячусь на противоположной стороне мегалита. Спрут огибает строение и атакует. С трудом уклоняюсь. Щупальце хлестнуло над головой. Хромая оббегаю дольмен. Замечаю, как в небе появляется еще одна синяя фигура. Она движется в сторону, куда умчался Фез. Да чтоб вас! Хотя... возможно, удастся стравить бестий. Правда, нужно как-то догнать старика, а для этого — восстановить лапу.

Ныряю под каменный свод, спасаясь от атаки Реаракх. То, что я собираюсь сделать, неправильно, но другого варианта не вижу. Сосредотачиваюсь и вонзаю когти в сердце души минуя покровы тела. Вырываю кусочек. Сжимаю его и прислоняю к больному суставу. Формирую приказ. Лапу окутывает белесая дымка, боль уходит.

Спрут ударяет сзади — меня кидает о камни. Встаю, кажется, цел. Бросаюсь вдогонку за беглецами. Реаракх следом. Отчаянно хлещет щупальцами по земле, но не дотягивается: теперь ему меня не догнать.

Вижу в отдалении: над одним из дольменов парит вторая тварь. Там же искрится желтый огонек, рассекает воздух огненными бичами. Виляю в сторону и мчусь к соседнему мегалиту. Замедляюсь прямо перед строением, чтобы спрут почувствовал близость жертвы. Запрыгиваю внутрь и следующим прыжком выскакиваю с противоположной стороны. Слышу грохот позади: бестия врзалась в камни. Второй спрут тут же взмывает выше, оборачивается в поисках источника шума. Давай же, тварь, защищай добычу!

Обе Реаракх замирают в воздухе. Затем одна поднимается выше, угрожающе гудит, расставляя щупальца. Вторая отвечает, взмывая вверх. Повезло! Возвращаюсь в форму дайри.

Проза. ФЭНТЕЗИ

Вбегаю внутрь дольмена — меня встречает Фез, сжимая в руке Белый осколок. Куаранака не вижу. Пирам и его женщина стоят рядом.

— Прогнал пса?

Умерший кивает в ответ.

— Так, быстро и тихо в следующий дольмен! Там разберемся. И чтобы ни звука!

Выходим из мегалита, бежим вперед. Завихрения пространства усиливаются, обозначая границу рифа. Пока твари из раковин выясняли, кто кому уступит добычу, у нас был шанс найти новое укрытие и там дожидаться сопряжения.

Это был не самый лучший план. У него были все шансы провалиться. И, к сожалению, так и случилось.

В небе возник третий Реаракх, темно-алый. Он появился не из раковины — спустился, прорезая облака, медленно и величаво. Громадный даже по меркам местных тварей, он заслонял собой треть неба. Спрут отличался от собратьев наличием частично оформившейся грудной клетки, из которой, наряду со щупальцами, росли человеческие руки.

Казалось, что остальные твари разлетятся в страхе, уступая добычу гиганту. Но вместо этого алый Реаракх издал пульсирующий высокий клекот — малые спруты вмиг прекратили склоку, развернулись и бросились на нас.

— В вихрь, — обреченно кричу я. — Живо!

Бью по спутникам ментальным хлыстом, выводя их из ступора, хватаю Феза за шиворот и мчусь вперед, в обитель Отраженных.

***

Грязная зеленовато-сизая дымка лезет в глаза, ноздри, прилипает к коже. Тягучая и плотная, она мешает идти, неохотно расступаясь под ногами. В нескольких шагах от меня едва различимый огонек Аджурь. Фез двигается рядом.

— Как ты с ним справился? С Куаранаком? — спрашиваю я умершего.

Старик не ответил, лишь указал на Осколок.

— И все-таки, почему он тебя преследует?

Фез нахмурился и тихо произнес:

— Слишком много причин, камнеглазый.

Слишком...

Он изменился: выпрямился, расправил плечи, и в голосе... будто стало больше осознанности. С лица и шеи сошла почти половина струпьев.

Едва мы вышли из рифа, Аджура продолжил свою молитву:

— Ощути истину. Без боли, без страха, без лжи. Ощути истину и не убоись ее — прими ее в радости.

Умерший близок к тому, чтобы, наконец, осознать смерть. Но совершенно понятно: именно Куаранака — ключ к тому, чтобы очистить душу от грязи прожитой жизни.

Продолжаем идти, кажется, мы двигаемся уже несколько часов.

На самой границе восприятия едва уловимый голос. Он порождает тысячи слов, которые угасают, едва родившись: "Веч... голо... за... смерт... л... прид... разум... та... сладок".

Перед глазами проносится тень. За ней еще одна. Затем еще и еще. Они появляются сбоку, поднимаются из земли, падают сверху. Что-то ухватило меня за ногу, слышу крики спутников.

Одергиваю старика за плечо.

— Фез! Давай вперед!

Тени бросаются на нас, цепляют, пытаются схватить. Их становится больше, но мы все же продвигаемся сквозь болотистую пелену.

Наконец, добираемся до участка, где земля под ногами прочнее и суше. Теней вокруг почти нет. Командую короткий привал, несколько мгновений переводим дыхание. Затем встаем и отправляемся в путь.

Едва мы ступили на твердую землю, как стало легче. Появились новые силы. Продолжаем идти вперед. Сворачиваем на перекрестке и выходим на широкую улицу. Туда-сюда снуют люди: кто-то торопится по своим делам, кто-то неторопливо прохаживается. Их сапоги звонко цокают по брусчатке. По сторонам возвышаются дома в несколько этажей, невдалеке лавка со стряпней — оттуда доносится веселое и аппетитное шкварчание.

— Я узнаю это место! Мы пришли! — улыбается старик. — Ты молодец, камнеглазый!

— Родной, мы в безопасности? Здесь так хорошо и спокойно! — спрашивает девушка.

— Да, все закончилось! — Пирам крепко обнимает возлюбленную.

Насколько же было приятно оказаться в обычном городе после всех этих ужасов. Теперь они представлялись таким далекими и неважными. Мы справились!

— Как же вкусно пахнет! — указываю на лавку. — Фез, может заглянем ненадолго?

— Конечно, почему бы и нет!

Восхитительный аромат растекается по улице, и я, словив ободряющую улыбку проходящей дамы, шагаю вперед.

***

Вошли в уютную, крошечную харчевню. Широкой улыбкой нас встретил высокий, толстоватый мужчина в грязном переднике.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, друзья! Отличный день, не правда ли?

На столах появились тарелки с румяной вареной картошкой и грибами, утка в зелени и восхитительный золотистый сазан, который пах деревней, снастями и старой дедовой лодкой.

За многое можно поругать пятипалых, но кухня у них отменная!

— Надеюсь, получилось сносно, — проворчал трактирщик, опуская на стол кувшин с вином.

Мы принялись за угощения.

На мгновение отрываюсь от потрясающей картошки и замечаю, что над столиком висит небольшой фонарь, туго оплетенный цепями. Внутри мечется какой-то светлячок. Странно, но он мне показался знакомым. Дивный запах возвращает меня к угощениям, и мы продолжаем пировать.

Через какое время Фез заявляет, привставая:

— Эх, вкусотища! Жаль, что нужно идти. Спасибо, хозяин!

— Да бросьте, уважаемый! Посидите, я вас еще сладостями не потчевал!

Старик почесал в затылке и, засмеявшись, хлопнул в ладоши.

— А и в самом деле, что это я. Успеется!

— Забавный камешек! — вижу, как трактирщик держит в ладонях Белый осколок Феза.

Зачем он его взял?

— Повешу-ка его над стойкой. Любопытная безделушка! — мужчина щелкает пальцами и камень исчезает. — Мастер Ойкар, вы ведь не против? Уважите повара в благодарность за скромную стряпню?

— Забирай конечно! — отвечает Фез, осушив стакан вина. — Он мне уже не нужен, все в порядке!

Что за...?! Мы ведь в Рамнире! Проклятый морок! Пытаюсь вскочить, но... в нос ударяет дивными запахами. На столе появляются все новые блюда: супы, гарниры, фрукты, орехи, пироги... Ах, как бы я хотел, чтобы мой желудок был бездонный!

В последний миг мне удается сохранить разум. Фокусируюсь. Вскикиваю...ноги не слушаются. Кричу! Из горла не доносится ни звука.

Трактирщик смотрит на меня холодно улыбаясь.

— Не понравилось? Может, откупорить боченок твоей любимой выпивки?

— Ты не он! Ярваг умер пятнадцать лет назад!

Глаза трактирщика суть два зеркала — без зрачков, без радужки.

Собираю все, что во мне есть, и бью по нему ментальным клинком — трактирщика дернуло, он покачнулся, а затем, ослабившись, сжал кулаки — меня скрутило на стуле, желудок будто вывернуло наизнанку.

— Тебе разве не говорила мама, что переедать вредно?

— Ничего... банальнее... придумать... не мог?

— Слушай, психопомп, я знаю, что у тебя есть шансы вырваться. Вырваться, но не победить. А значит, всех тебе не увести отсюда. Я даже знаю, что ты сейчас скажешь. Что за тобой придет подмога, ее пришлет твой напарник, — трактирщик указал на огонек, трепыхающийся в фонаре. — Но успеют ли они прежде, чем я разберусь со стариком? Нет.

Молчу. Боль в желудке стихла ровно настолько, чтобы слышать его слова.

— Знаешь, я считаю себя цивилизованнее других Отраженных, поэтому... просто назову цену. Отдай мне этих двоих! Твоя задача ведь провести старика. Их ты просто подобрал в нагрузку. Наверное, жалел, когда взял, но смотри-ка, пригодились! — трактирщик глупо хихикнул. — Они не твоя забота, тебе заплатят за старика, а я на него и не претендую, он мне не нужен. Он не представляет, скажем так... гастрономического интереса. А эти двое, напротив: здесь и насыщенный пряный вкус страсти, и нотка горечи из-за того, что родня была против, и аромат трагической смерти! И даже она не смогла их разлучить! Просто вершина психической кулинарии! Осталось приготовить на медленном огне страдания, приправив ноткой предательства их спасителя. Что скажешь? Вернешься домой, получишь свою плату, уверен, не маленькую, и все будет хорошо!

Я смотрю, как Пирам любовно убирает опавший локон за ухо своей женщины. Та улыбается ему и предлагает вкусить с ладоней виноград.

— И вот еще что, психопомп, — заберу память об этом. Забудешь о них, как выйдешь отсюда. Не будет тебя ничего мучить. Как тебе, хорошая сделка?

— И найти тебя будет потом сложнее...

— Да, именно так — взаимная выгода!

Хорошая сделка... И себя вытащу, и работу выполню. А эти двое... Я ведь не святой... Если я что-то и понял, вода тридцать лет мертвецов по океану Рамнира, так это то, что всем помочь нельзя. Их слишком много. Но почему-то я не мог согласиться.

Проза. ФЭНТЕЗИ

Всплыли в памяти слова жены. Мол, любит меня за то, что я добрый. Не хочу ее предавать.

— Нет... не пойдет, Отраженный...

Трактирщик раздосадовано хлопает по столу.

— Ай, скучный ты! Эх... Вот знаешь, жалко... ладно. Новое предложение, — он делает паузу и добавляет холодно, — в этот раз последнее! — упирается когтистым пальцем мне в грудь. — Хочу половину.

Коготь впивается и пронзает кожу. Тянется дальше, будто вращая в тело сквозь кости. Сердце испуганно сжимается, отчаянно трепещет, предчувствуя беду. Зверь внутри, будто почувствовав слабинку клетки, принялся стучаться о стены.

Он хочет половину... Половину того, что отличает нас от них...

Я опускаю глаза. Нечего тут торговаться, и думать нечего, и жалеть нечего. Нужно уходить, пока есть шанс. Главное — вернуться домой. А сердце... справлюсь.

— Согласен.

— Вот! Вот! Молодец! Другое дело, камнеглазый! — облизывается.

Касаюсь рукой груди, сосредотачиваюсь и погружаю ладонь сквозь плоть. Мягко охватываю сердце души пальцами и достаю его наружу.

Бог мой! Замираю в недоумении... В схватке со спрутом не заметил, но теперь, глядя на маленький пульсирующий энергетический сгусток, понимаю: какое же оно крошечное! Как мало его осталось...

— Ндаа... — протянул Отраженный. — Как говорят персонажи одной странной книги, знал бы прикуп, жил бы... ну, не важно. Договорились так договорились.

Я только хотел разделить сердце как трактирщик прервал:

— Э, нет, давай-ка я сам, выберу половинку повкуснее.

Разжимаю кулак.

Отраженный деловито принялся перебирать пальцами воздух, будто не зная, с чего начать. Подносит руку к сердцу, замирает. Затем грубо вырывает кусок.

Боли не было. Просто... стало очень пусто. А затем пришло понимание, что крошечный, не больше виноградины, кусочек, что я держу в руке — это все, что теперь отличает меня от существ Рамнира.

Зверь внутри будто бы сошел с ума! Стал яростно биться о стены души, пытаюсь вырваться на свободу.

Трактирщик взвесил в руке добычу, а затем спрятал ее в карман.

— Ну вот и все. Как говорится, приятно, что заглянули, гости дорогие, а теперь проваливайте. Это тебе! — Трактирщик снимает цепи с фонаря, и из него вырывается огонек Аджуря. — Кыш!

***

Сквозь сизый туман, который более не мешал идти, мы вышли к крошечному островку, шагов пятьдесят в диаметре. Здесь росло дерево: живое, здоровое, красивое. Под его ветвями мы устроились на привал.

В голове рычит зверь. Скребется, просится на волю.

— Спасибо вам... — обратилась ко мне девушка.

— Вы... просто... спасибо... — сказал Пирам.

— Да... ерунда.

Они жалели меня. Пусть и не до конца, но понимали, что произошло. И эта жалость раздражала едва ли не больше, чем все остальное.

— Бессмертный дух, носивший имя Фез Ойкар, услышь меня! Тело твое окончило свой цикл, но душа продолжает жить! Осознай это и возрадуйся! Ощути истину.

— Да заткнись ты уже, Аджуря! Не работает твой бубнеж. В Куаранаке дело!

— Я умер? — раздается тихий вопрос старика.

Удивленно смотрю на Феза, несколько мгновений молчу. Все-таки понял.

— Если ты задал этот вопрос здесь, значит сам знаешь ответ.

Старик осматривается.

— Это Рамнир? Ты... мой проводник?

— Ответ прежний.

— Что ж...

Встает и направляется в туман.

— Эй, куда...?

— Я... просто немного постою тут... подумаю...

***

— Мы тоже... знаем, что умерли, — нарушает молчание девушка.

— Вот как... Значит понимаете, куда идем?

— К Реке... А что за ней?

— Откуда же я знаю, я ведь не умер...

Грубо получилось. Сказал и только потом понял. Странно это и неловко — сидеть вот так под деревом с умершими, которые знают, что они мертвы, а ты жив.

— Я... не хотел, прости.

— Ничего... Жизнь не дала нам того, что дала смерть, — девушка улыбнулась Пираму и сжала его руку. — А почему вы выбрали такую работу?

Я зло рассмеялся.

— Почему выбрал? Потому что хотел обеспечить лучшую жизнь для жены и ребенка. Потому что в землях, где я живу, дайри может нормально заработать либо будучи вором и убийцей, либо Ступающим. Я выбрал второе.

— А вы не боитесь... что останетесь здесь?

— Вот именно! Поэтому больше я сюда не вернусь... Вернее вернусь, но уже когда... ну, вы поняли. В общем, это моя последняя работа.

— И что будете делать?

Я вновь едва не съязвил. Разве им объяснишь, что единственный возможный ответ — жить? Дышать истинным воздухом, видеть истинное небо, слышать стук истинного сердца...

— Да сын у меня растет, решили с женой, что уплывем в Лимару. Там отношение к коренным немного иное. Я присмотрел хороший, тихий город, нашел дом и работу на первое время. А дальше — жизнь покажет.

Вижу, как возвращается Фез, подходит ко мне.

— Я не пойду дальше.

— Что?

— Мне там не место...

— Ты идиот?

— Свою жизнь испоганил, чужие испоганил, не хочу больше.

Подрываюсь с места, опрокидывая умершего, вжимаю когтистыми лапами в землю. Рычу.

— Жизни поганить не хочешь, урод?! Как же вы меня...! Каждый, кого я веду, как один: ум есть, власть есть, а воли — нет и капли! Ладно те, у кого силы нет или мозгов! К таким вопросов не имею. Но вы — вы хуже всех. Ты мог жить как угодно! У тебя все было! Все, чтобы изменить и себя, и мир! Но нет, ничего не меняется, потому что там, где должна быть воля — страх или стыд, или лень, или бес знает что... О других вдруг подумать решил? Ну так обо мне подумай! Если ты не пойдешь — твои сыновья мне не заплатят. А мне нужны эти деньги! Нужны, чтобы не возвращаться сюда. Чтобы купить новую жизнь своей семье! Так что погань хоть свою новую жизнь, хоть тысячу прочих, мне плевать! Откажешься — я потащу тебя волоком!

Вижу, что Пирам стоит поодаль, заслоняя возлюбленную. Только теперь замечаю, что огромной кошкой нависаю над испуганным стариком.

Убираю лапы и отступаю прочь. С трудом принимаю форму дайри. Внутри гадко и тоскливо. Очень хочется убежать. Вернуться домой, обнять жену и сына ... Ведь видел их еще вчера, а кажется, что прошло уже много лет... Скорее бы все это закончилось!

— Я... я же не знал... — тихо произносит Фез.

Оборачиваюсь.

— Хочешь, угадаю, как прошла твоя жизнь? В деталях может ошибусь, но не более, — выплевываю слова, будто едкую желчь. Ярость ушла, осталась лишь горечь. — В молодости ты собирался совершить научное открытие или стать великим идеологом, а после, став известным, пойти во власть! Думал, что когда ты туда придешь, народ поддержит тебя, и вы вместе измените мир! У тебя было несколько идей, которые виделись столь лаконичными и ключевыми, что непонятно, как до них не додумались другие. Хотел поднять с колен образование, оздоровить медицину, вытянуть из болота судебную систему! Ученым или идеологом ты не стал, но в политику протиснулся. Помогли родители? И понеслось... У тебя появились новые идеи: приземлённые, практичные, те, которые было реально осуществить. Но они не получали поддержку, одна за другой. Со временем ты стал черстветь, разочаровываться в людях, смеяться над собственной наивностью. Тогда круг твоих ценностей стал сужаться: ты стал думать только о себе и о своей семье. Решил заработать на несколько поколений вперед, чтобы уже твои дети и внуки реализовали то, что не удалось тебе. Стал делать деньги, много денег. Затем пришел черед серой морали. Это когда цель оправдывает средства. Оставил без крова одних, забрал сбережения у других...

— Довольно...

— Да пошел ты!

И он действительно пошел... В туман, откуда раздался яростный собачий рык.

Я бросился за стариком, но он сказал мне:

— Стой... Я услышал тебя, камнеглазый. Ты доведешь меня до Реки, даю слово. Но не ходи за мной. Это... это мое дело...

— Но Осколок! Его у тебя больше нет!

— Он мне и не нужен...

Что-то было в его глазах, в его словах такое... Я поверил ему... Опасно и глупо было отпустить его, но я отпустил.

Умерший шагнул в туман. Огонек Аджур устремился следом.

***

Терпения моего хватило ненадолго. Вернее, его вообще не хватило. Едва старик ушел, как я начал накручивать себя: его разорвет Куаранак, его заберут Отраженные, он сбежит, он потеряется. Решил проверить. Подумал, что просто присмотрю за ним издали. Последовал через туман за нитью, что связывала нас с Аджурой. Какое-то время шел в одиночестве, а затем — заметил огонек. Осторожно приблизился.

Фез и Куаранак вперили немигающий взгляд друг в друга. В тот момент я отчетливо понял, что, по сути, старик смотрит сам на себя, что он сам и породил этого духа мести...

Собака злобно рычит и двигается вокруг старика. Фез шагает к ней навстречу, вытягивает руку. Зверь бросается вперед и смыкает челюсти на кисти!

Хотел принять форму Къерхэ, прыгнуть на врага и разорвать на части, но... сдержался.

Старик... просто смотрит глаза в глаза. Проходит несколько долгих мгновений. А затем Куаранак разжимает хватку. В его глазах замечаю... Страдание? Обиду? Тоскливо поскуливая, собака начинает лизать укушенную руку.

Фез опускается на землю, касается холки пса... И начинает плакать. Громко, надрывно, страшно. В округе разносится жалобный собачий вой.

Я отступил в туман, развернулся и пошел к островку. Теперь он был готов.

***

В конце концов я решил не мучить себя и обратился Къерхэ: так было легче. Ничего, вернусь домой, и все снова будет хорошо, зверь уснет.

Мы шли сквозь туман. Сначала я заметил несколько фигур, которые двигались правее: умершие брели к Реке. Вскоре показалась еще группа побольше. Затем еще одна. В один момент наши пути объединились, и мы стали идти вместе. Через какое-то время я учуял рядом с нами еще несколько подобных групп. Невидимая воля, словно магнит, притягивала к Реке духов со всех концов Рамнира.

Постепенно туман рассеялся, и мы увидели, как все эти группы, будто ручейки, сбегавшие со склонов гор, в конце концов слились в один бесконечный поток душ. Ээнэре, Река мертвых.

Вокруг стоял гомон много хлеще, чем на самом огромном базаре, который когда-либо существовал.

Каждый умерший, ступив в Реку, лучился внутренним светом — кто знает почему... Может, душа чувствовала близость конца пути? Или, может... начала? Это напоминало бесконечную сияющую очередь. Мистики утверждают, что Река окружает кольцом весь мир. Что она не дает Отраженным вырваться вовне. Может, они и правы... Наверное, если посмотреть на нас с высоты, мы будем похожи на широкую сверкающую дорогу. Возможно, настолько же яркую, как и Небесный змей, сияние которого видят каждый день живые. А может, они видят нас?! Может, Небесный змей это и есть Река душ? Интересно, почему мне это раньше не приходило в голову?

И тут я понял, что приходило, на этом же самом месте... И не раз, и не два... Сколько же? Наверное, больше, много больше, чем я помнил... Рамнир... Неужели это наконец закончится?

Позади слышу вопли и крики. Оборачиваюсь. В отдалении над Рекой, словно хищные птицы, парят большие аморфные фигуры, напоминающие расплавленные зеркала. Они пикируют вниз и, схватив жертву, уносятся прочь. Несколько Отраженных ринулись в нашу сторону. Умершие с ужасом бросились врассыпную. Ощетинив шерсть, подбираюсь и готовлюсь к прыжку...

Над головами грохочут небесные колесницы! Армия душ, призванная оберегать дорогу мертвых, устремилась в сторону нападавших. Колесницы врезались во врага. Завязался короткий, но яростный бой, после которого Отраженные отступили во тьму.

Если бы не подобные отряды, Реку мертвых уже давно бы разорвали на части. Придя в себя, мы продолжили путь.

Вскоре замечаю, как сквозь толпу медленно движутся несколько женских фигур. Очень высокие, красивые, в длинных белых платьях. В их волосах сияют золотом дивные обручи. Принцессы Реки. Старшие сестры. От них пахнет заботой, нежностью и... грустью. Девушки подходят к умершим, мягко касаются их и о чем-то говорят. Затем продолжают свой путь. Некоторые из душ следуют за ними.

— Ты еще не готов... — доносится мягкий голос одной из принцесс. — Тебе нужно продолжать идти...

Тот, кому были адресованы слова, кивнул.

Сестра коснулась еще одного, улыбнулась.

— Пойдем со мной.

Принцесса приблизилась к нам. Возвышаясь надо мной, словно великанша, она почесала меня за ухом. Мрррр!

— Кеаду, бедный мальчик, — обратилась девушка ко мне. Разве... я ее знаю? Она приложила ладонь к моей груди, после зло глянула на огонек Аджур. — Мне жаль, но я не в силах...

Сестра посмотрела на Пирама и его возлюбленную.

— Ты спас достойных, Кеаду. Я благодарна тебе. Они готовы!

А затем коснулась Феза. Он сильно изменился с тех пор, как шагнул в Черный лес. Корост на теле не осталось. Движения, осанка, чистый, незамутненный взгляд... У меня язык не поворачивался более называть его стариком.

— И ты готов! — Сестра поворачивается ко мне. — Пойдемте за мной.

И мы двинулись следом. Путь наш отличался от того, которым шла остальная толпа: Принцесса вела нас поперек течения Реки, к внешнему берегу Эенере. Души, которые собрала за своей спиной Принцесса, возбужденно переговаривались, гадали о том, что же будет дальше.

К моменту, когда мы достигли края толпы, нас было несколько сотен. Впереди была полоса тьмы, последняя препона, отделяющая умерших от цели. Принцесса, поманив остальных рукой, шагнула во тьму, и мы последовали за ней.

***

— Ахх... хаххахх! Ссестрица! Ты проиграла нам!

— Бессмыслица! Слепая удача!

— Проиграла! Проиграла!

— Хочу отыграться! Сставлю, что он ничего не поймет!

— И я! И я! Не поймет! Не поймет!

— Что ж... теперь я одна против вас двоих... Хорошо!

— Да, мы вдвоем, Морта! Давай, сставь вновь свою нить!

***

Не пройдя и сотни шагов, девушка вывела нас на свет. Впереди нас шли умершие, которых Принцессы Реки вели к берегу. Там, тихо раскачиваясь на невидимых волнах, стояли суда. Одни — огромные, величественные из лоснящегося дерева, другие — крошечные, невзрачные, потрепанные.

Лапы ступили на теплый желтый песок. Ноздрей коснулся приятный запах соли и...свободы. Здесь было так свежо, так легко и радостно,

что захотелось броситься на землю и покататься по песку.

Всю дорогу от Черного леса я с трепетом ждал этого момента. И не только потому, что теперь опасность осталась позади, и не только потому, что моя последняя служба должна была вот-вот завершиться. Мы стояли в единственном месте Рамнира, где небо не застилало карминовые тучи. В единственном месте, где светило солнце. На последнем берегу огромного небесного океана. Невидимое течение уносило прочь тысячи кораблей: отплывшие недавно сияли теплом ступивших на палубу душ, остальные уже отделились настолько, что виделись лишь как крошечные белые точки, озаряющие небосвод.

Мы двинулись вперед.

Смотрю на лица спутников: каждый из них не может сдержать улыбки. На сердце потеплело. Кажется, я уже говорил, но... Рамнир не всегда плохо. Приятно было привести их сюда, чего скрывать...

У кораблей стоят высоченные воины. Сплошь закованы в древние латы, лишь огоньки глаз сверкают из-под забрал. Над ними возвышается фигура в черной мантии. Из-за капюшона лица не видно. Лишь веет нестигаемой волей, чудовищной силой и бесконечной мудростью. Последний судья.

Вижу, как к нему подходит один из умерших. Судья несколько мгновений смотрит на него, затем указывает на корабль. Стража расступается, пропуская духа к его судну. А к Судье подходит следующий умерший.

Я смотрел, как души завершали свой путь, поднимаясь по трапу кораблей. Радовался за них... И старался не думать о том моменте, когда придет мой черед. Ведь с таким сердцем ступить на борт корабля мне не суждено...

— Смелее, — говорю я влюбленным и подталкиваю их вперед.

— По одному! — к нам шагнул один из стражников.

— Пускай, — прервал Судья.

Его голос тихий, но очень пронзительный и ясный.

Пирам, держа девушку за руку, приблизился. Судья едва глянул на них и сказал:

— Светлые души, чистые... Дам выбор вам. Родиться снова в этом мире желаете? Тогда порознь отправитесь, но шанс встретиться будет. Или навечно вместе останетесь, но мира этого уже не увидите.

Художник Куш Владимир

Пара переглянулась.
— Вместе останемся.
— Пусть так, — Судья повел рукой в сторону одного из кораблей. Стража уступила дорогу.

Влюбленные развернулись к нам. Девушка крепко обняла меня, зарывшись лицом в алую шерсть.

— Еще раз спасибо вам!

— Прощайте, — тепло улыбнулся Пирам.

Пара помахала рукой Фезу и, смеясь, побежала по песку к кораблю. Я же подтолкнул старика.

— Теперь ты.

Судья долго смотрел на Феза, а затем произнес:

— Дочка в тебе не ошиблась... Досадно, что Осколок ее теперь у Отраженных... Что ж... Ты очистился, это так... Но за деяния тела придется отвечать... Посмотрим, какую жизнь ты проживешь на этот раз. Ступай.

Он указал на одно из хлипких суденышек.

Фез повернулся ко мне.

— Спасибо, Кеаду... Передай детям... что мне жаль.

И он зашагал к лодке. А я смотрел ему вслед и думал: "Неужели это конец?"

— Назад!

Удавка резко дернула меня за могучую шею и бросила к земле.

Легкие сжало, веревка потянула меня по песку, пространство берега растворялось. Мутным взором я увидел комнату с Аджурой и тремя сыновьями Феза.

— Бессмертный дух, теперь забудешь все и усне...

— Нет! — слышу я грозный голос.

Удавка на шее чуть слабеет, и я, закашлявшись, хватаю воздух.

Вновь оказываюсь на берегу около Судьи. Он держит в руках цепь, ведущую к моей шее.

— Ты не вправе, Корабельщик, он мой!

Огонек яростно прыгает вокруг. Из него вырываются белые протуберанцы и врезаются в Судью.

— Довольно! Отступи! Или уничтожу тебя!

— Тварь потусторонняя, да я...

— Прочь!

Судья перехватывает второй рукой цепь и рвет ее.

Чувствую, как снова могу дышать. Оглядываюсь: Аджуря здесь нет.

— Что... что за бред?

Судья помогает мне встать. Смотрит на Принцессу Реки, которая одобрительно улыбается в ответ.

— Три чистых души ты сегодня спас... И потому трижды я тебя одарю. Первый дар я уже преподнес: теперь Аджуря не властен над тобой.

— О чем... О чем ты говоришь? Я... Он...

— Убил тебя девять лет назад. Не нужно тебе знать большего. Не нужно.

— Но ведь я помню... и это последнее...

Судья вздохнул.

— Девять лет ты приводишь сюда души уже будучи мертвым. Аджуря забирал твою память...

Мое сердце бешено колотилось. Я не мертв! Я чувствую, что я живой!

Судья коснулся моей груди.

— С такой раной судьба твоя — утратить разум и навеки остаться зверем в Рамнире. Посему второй раз я тебя одарю и пропущу на корабль.

— Нет... Но моя семья... Как же... Я должен вернуться к ним, они без меня ведь...

— Если ты вернешься — их уже не найдешь... Ни в одном уголке мира живых...

Нет... Нет! Нет! Тысячи мыслей роятся в моем сознании. Удавка исчезла, и теперь мириады воспоминаний хлынули в меня будто сквозь обрушившуюся плотину.

— Он... он убил их!!!

Свирепый, оглушительный рык проносится по берегу, когти вонзаются в песок.

— Оставь это в прошлом.

— Я хочу... Верни меня в Инкрир! Я убью...

— Смотри.

Судья указывает костлявой рукой на один из кораблей.

— Что...

Я посмотрел и замер...

Длинные усы предательски зашевелились, глаза защипало. Неужели...

— И последний дар: я пущу тебя на этот корабль, хотя место тебе на другом...

***

— Родной, ну скорей! Сколько можно тебя ждать!

— Да... вещей набрала, поди все донеси.

— Ой, да оставь тут! Вот, держи сына лучше, мне нужно шляпу поправить.

— Хорошо... Идем-ка на плечи... Оп-па! Удобно?

— Пойдем к борту. Ух ты! Смотри, как солнце на воде играет!

— Красиво.

— Знаешь, я так переживала, что ты не успеешь на корабль из-за своей дурацкой работы! Уплыли бы без тебя, вот бы и знал!

— Ну, я же успел.

Она чмокнула меня в щеку.

— Вот и хорошо!

Быковский Станислав

<https://writercenter.ru/profile/Anor/whois/>

Художник Струбченко Ирина

<https://m.vk.com/irina8991>

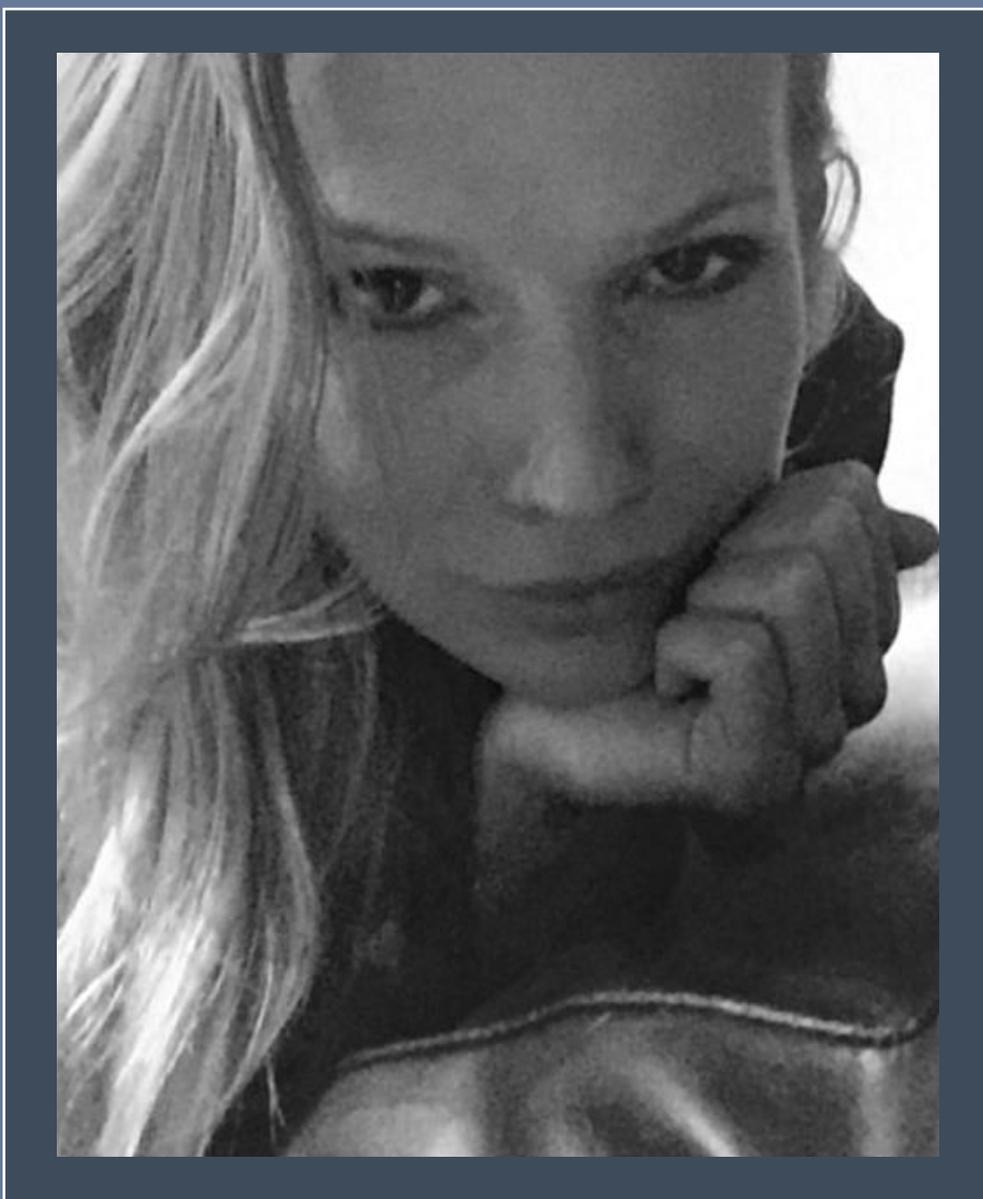

Photo Лявданская Наталья

Криштул Илья

Не знаю, что мне суждено...

Не знаю, что мне суждено —
Жизнь жалит осами
И путь мой выстлан уж давно,
Увы, не розами.

Приют последний я видал,
С чёрной оградой...
Молюсь Тебе, чтоб он не стал
Моей наградой.

Молюсь Тебе — не жить в тоске,
Как нищий пьяница...
Молю Тебя, чтоб было с кем
Просто состариться.

И чтоб наградой мне была
За жала осовы
Лишь та, которая ушла —
Светловолосая...

Чтоб мог бродить я по росе
С той, кто мне нравится
И с ней прийти туда, где все
Пути кончаются.

И где живые образа
гуляют в вечности,
Я буду лишь смотреть в глаза
— до бесконечности...

Как боюсь я тебе надоесть...

Как боюсь я тебе надоесть,
Как боюсь оказаться ненужным,
И однажды напротив присесть,
И поймать твой взгляд равнодушный.

Как боюсь я тебя потерять...
В плену папиросного дыма
Проснуться и вдруг понять,
Что ты любишь и ты любима.

Но, увы, не меня и не мною,
Что, увы, я любовь обронил...
Где-то в жизни, летом, зимою,
Потерял её, позабыл...

Как боюсь я тебя разгадать,
Все разгадки обычно унылы...
Открыть книгу и прочитать,
Что не ангел ты мой белокрылый...

Как боюсь я тебя разлюбить
И остаться с пустою душою...
И в вине пустоту утопить,
Запивая вино пустотою...

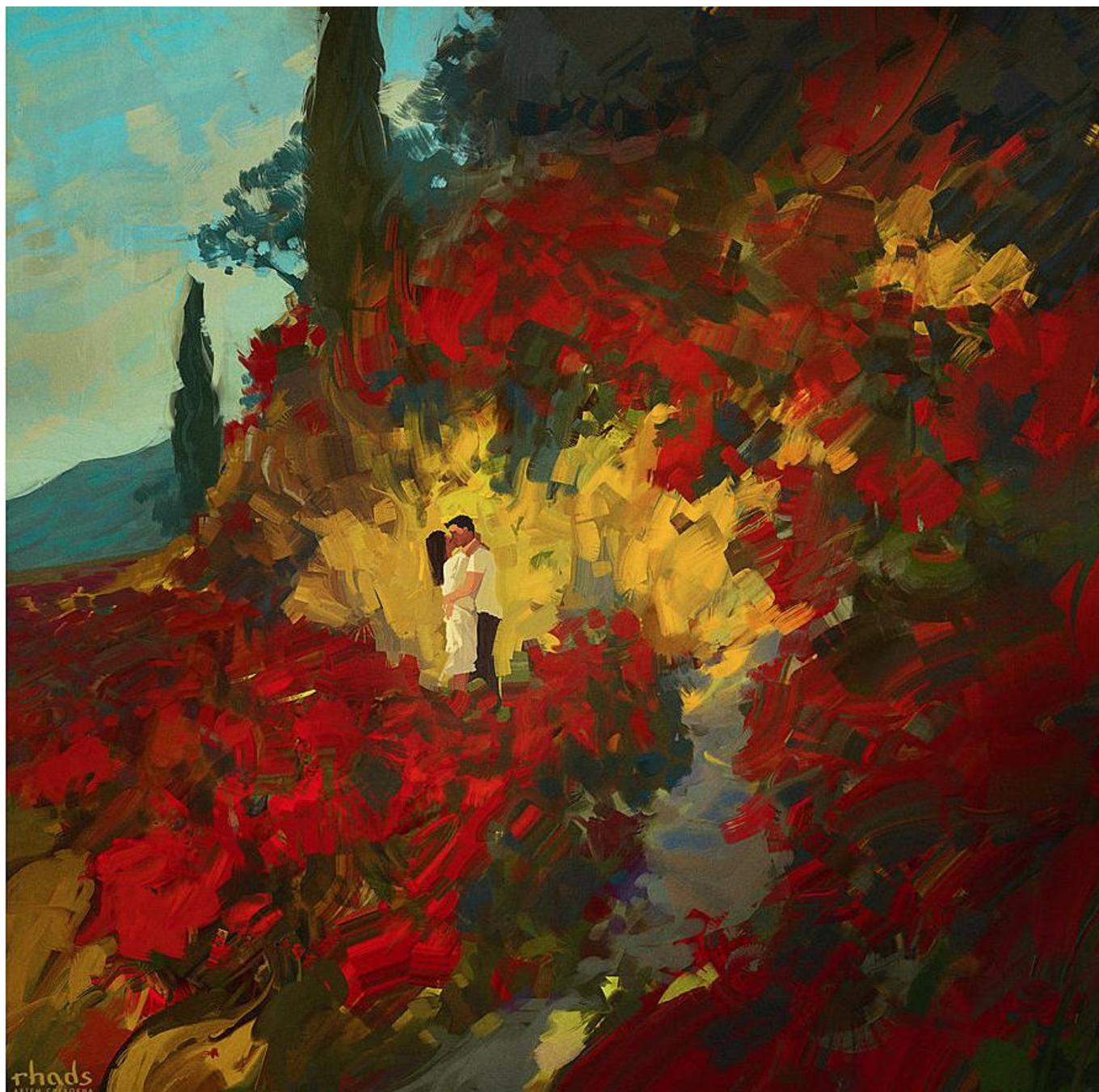
Как боюсь я тебя разгадать!
Как боюсь я тебя разлюбить...
Своё бросить, чужое забрать
И с этим чужим потом — жить...

И с этим чужим умереть,
Сполна за ошибки ответив...
И издали грустно смотреть,
Как ходишь ты по планете...

Криштул Илья

<https://writercenter.ru/profile/3674721/whois/>

Художник RHADS

Карапац Александр

Ты похожа на ветер

Ты похожа на ветер (Я это тебе говорил?),
Уносящий всю пыль, очищающий, свежий, бодрящий.
Ты похожа на ветер, который мечту подарил
И заставил поверить, что будущее в настоящем.

Ты похожа на дождь, что смывает налипшую грязь,
Бьёт струёй по лицу, обнажая забытые краски.
Ты похожа на дождь, что нагрязнул внезапно, смеясь,
И которому можно отдаться душой без опаски.

Ты похожа на свет, приходящий с далёких планет.
Яркий, нежный, холодный, но всё-таки он согревает.
Ты похожа на свет, возвращающий новый ответ,
Хоть ответы такие никто никогда и не знает.

Ты похожа на небо, на море, на горный карниз,
На кусочек стекла и на капельку аквамарина.
Ты похожа на миг со скалы посмотревшего вниз.
Ты похожа на счастье. Но так не бывает, Марина...

Карапац Александр

<https://writercenter.ru/profile/karalek/whois/>

Художник RHADS

<https://www.deviantart.com/rhads/>

Плацебо

Соломея

— Ну сколько можно возиться с мытьем рук?! Кусок за три дня, никаких денег не хватит! — ворчала сестра, колдуя над сковородкой с котлетами. — Опять вся ванна этой клубничной дрянью провоняла, сил нет уже! Ты выпил таблетки?

— Выпил, — ответил Семен. Он виновато закусил губу и намылил руки третий раз. Ему и самому этот искусственный запах не нравился, но мыло должно быть обязательно клубничным. Тоненькая пластинка выскользнула из пальцев, разломилась надвое и покатила по дну ванны от одного края к другому. Ну вот, теперь придется начинать все сначала! Семен нагнулся за мылом, но оно никак не хотело браться. Можно, конечно, плюнуть и достать новый кусок, но Дашка права, нужно экономить, а оставшегося обмылка хватит еще как минимум раза на два. Добыв, наконец, непослушные пластинки, Семен сложил их вместе, тщательно намылил руки, смыл и повторил процедуру еще дважды. Облегченно вздохнув, он юркнул к себе в комнату, чтобы не раздражать сестру лишним раз.

Новые таблетки, которые назначила его лечащий психиатр Наталья Эдуардовна Гокина, не помогали. А старые, проверенные временем, по бесплатному рецепту больше не давали. Он бы и рад был купить их в аптеке, но и оттуда они тоже исчезли. Ему предложили какой-то зарубежный ана-

лог, как уверяла аптекарша, лучше, чем оригинал, но в три раза дороже. Он купил, но толку от него не было. Пришлось записаться на прием. Гокина хороший доктор, понимающий. Ему даже было немного стыдно беспокоить ее. Но жить дальше, до обморока боясь коснуться кого-то, и десятки раз намыывать руки, обязательно трижды намылив их, непременно клубничным мылом, было невыносимо. И сестру жутко раздражал его ритуал. А недовольная Дашка — это совсем не ерунда! А недовольная Дашка плюс его болезнь — вообще сродни апокалипсису!..

В поликлинике, как всегда, было людно. Очень трудно было стоять в очереди в регистратуру и бороться с желанием немедленно сбежать в туалет и вымыть руки с походным куском мыла. Но очередь двигалась быстро, и он только глубже спрятал кисти в рукава пиджака.

Получив заветный талон и убедившись, что его карточка уже у врача, Семен все же отправился в туалет и вымыл руки. Кабинет психиатра был в тупике узкого коридора без окон. Из освещения — тусклая желтая лампа.

Назначенное ему время еще не подошло, и он глазел на очередь у кабинета. А очередь — на него. Банкетка была занята. С одной стороны на ней сидел знакомый дедок и тихо бормотал себе что-то под нос. С другой стороны незнакомая сухонь-

кая бабуся в цветастом платке. Она безразлично пялилась в пространство застывшими, будто стеклянными, глазами и ритмично слегка покачивала головой. Вокруг бабуся суетилась ярко раскрашенная мадама — поправляла ей платок, заправляла волосы, снимала несуществующие пылинки с ее плеч. Чуть в стороне стояла группка молодежи, скорее всего «за справками». Эти пойдут без очереди, Семен тяжело и печально вздохнул: значит, вряд ли его примут вовремя.

Из кабинета вышли две женщины, одна молоде, другая постарше, с виду совершенно нормальные. У одной в руке был пузырек, она сунула его молодой, подтолкнула ту ближе к источнику желтого света и потребовала:

— Читай! — Молодая повертела пузырек и неразборчиво забубнила, старшая внимательно слушала, а потом вдруг категорично и громко заявила, потрясая пузырьком и обращаясь к очереди и в никуда одновременно: — Какой-то БАД! А это даже не является лекарственным средством! Дожили! Лечат всякой дрянью!

Семен слегка удивился: Наталья Эдуардовна никогда не выдавала таблеток на приеме, только выписывала рецепты. Он на всякий случай украд-

кой глянул табличку на двери: «Врач-психиатр Гокина Н.Э». Значит, все верно. Но беспокойство не оставляло его и он не удержался и сходил вымыть руки еще раз, просто на всякий случай.

Очередь двигалась медленно, и когда Семен почти решился сходить в санузел, медсестра Леночка наконец-то выкрикнула его фамилию. Он вошел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

На месте тихой и деликатной Натальи Эдуардовны был другой врач. Семен даже слегка растерялся, но вздохнул с облегчением: Наталья Эдуардовна, наверное, в отпуске, и ее заменяет другой доктор. Гладко выбритый, сверкающий очками, в галстук и накрахмаленном до хруста халате, пахнущий приятным, наверное дорогим, одеколоном, он резко контрастировал с ободраным линолеумом на полу кабинета, обшарпанными стенами, старой мебелью и простоватым лицом Леночки.

«Савицкий Георгий Михайлович», значилось на бейджике доктора. «Психиатр, рациональный психотерапевт. Кандидат медицинских наук». Повезло, что сегодня принимает высококвалифицированный специалист, этот — точно поможет!

— Присаживайтесь. — Голос у врача был приятный, бархатистый. Леночка протянула ему пухлую карточку Семена. Савицкий углубился в чтение. Семен терпеливо ждал. Наконец доктор поднял на него глаза и поинтересовался: — Жалобы есть?

— Есть. Старое лекарство по рецепту больше не дают, в аптеках его нет, а новое не помогает.

— Расскажите подробнее, что именно вас беспокоит.

— Я должен обязательно мыть руки. Я делаю это множество раз в день и этим раздражаю Дашу, теряю кучу времени. Но не делать этого не могу. — Голос Семена звучал тихо и монотонно. Он говорил ставшие за много лет привычными слова, знакомил со своей болезнью очередного доктора. — Понимаете, когда я тревожусь или переживаю, у меня на пальцах выделяется сильный яд, поэтому нужно обязательно трижды хорошо вымыть руки с клубничным мылом перед тем, как дотронуться до кого-то. Если я этого не сделаю, этот кто-то умрет. Не хочу, чтобы люди умирали из-за меня. Я пробовал носить перчатки, но на руках появились красные пятна, они болели, чесались, и дерматолог запретил.

— Как давно вы болеете?

Как давно? Семен и сам затруднялся ответить на этот вопрос. С одной стороны, основное событие, перевернувшее все с ног на голову и выну-

Плацебо

Проза. Мистика

дившее его придерживаться защитного ритуала, произошло шесть лет назад. Но ему казалось, что все началось гораздо раньше.

Родители вдруг неожиданно уехали вдвоем по делам и оставили его с сестрой на попечение соседки. Та не работала, сидела дома, гнала самогон, тем и жила. Ни ему, ни сестре не нравился тот резковатый запах, пропитавший ее дом. В одной из комнат он был сильнее всего, и там было очень интересно наблюдать за тем, как по витой стеклянной трубке будто из ничего вдруг образуется прозрачная жидкость и капает в большую бутылку. Дашка, как замороженная, могла стоять часами и считать капли. Соседка в открытую называла их дармоедами и была строга, но по большому счету обращала на них внимание, только когда нужно было покормить и уложить спать. Остальное время они были предоставлены самим себе. Сама соседка не пыталась умыться, чистить зубы, а спать ложилась одетой, и от них ничего подобного не требовала. Ему тогда казалось, что это самые лучшие дни в его жизни — ходи куда хочешь, делай что хочешь, и никто тебе слова не скажет. Накануне приезда родителей они с Дашкой расшалились и затеяли бой подушками; неудачный бросок — и с хрустальным звоном раскололась та витая стеклянная трубка, которая их обоих так завораживала.

На звук прибежала соседка и, увидев случившиеся, резко превратилась из добродушной и безразличной тетки в какую-то ведьму: лицо ее сначала побледнело, потом покраснело, глаза ее выпучились так, что казалось, еще немного — и вывалятся, она страшно заорала и пошла на Дашку, замахиваясь для затрецины. Он ужасно испугался за сестру и, вцепившись в занесенную для удара руку, повиснув на ней, всем сердцем желал этому страшилищу: «Исчезни и умри!» Легко стряхнув его и выругавшись незнакомыми словами, соседка ушла, хлопнув дверью, прихватив одну из своих полных бутылок и оставив их напуганных и растерянных. Он, как умел, успокоил сестру и до самого приезда родителей они были тише воды и ниже травы. А ему было ужасно стыдно за свои собственные мысли и страшное пожелание. Он чувствовал себя грязным и потому потихоньку сходил и хорошенько вымыл руки. Стало немного легче. Соседка все не возвращалась. Потом приехали родители. Никогда они с сестрой не радовались им так, как в тот раз.

На третий день после приезда родителей хоронили соседку. В толпе говорили: отравилась

своим самоваром. Правда, он плохо тогда понимал, как можно отравиться самоваром, он же металлический... Семен вынырнул из давних воспоминаний, будто очнулся. Савицкий внимательно глядел на него, ожидая ответа на свой вопрос. Семен подавил вздох и заговорил:

— Шесть лет назад умерли мои родители. Врачи сказали: пищевая инфекция, молниеносное течение. Но перед их смертью мы сильно разругались, и я уверен, в том, что их нет — моя вина...

Это было празднование его тридцатилетия. Жили они небогато, и отмечать юбилей собрались только в семейном кругу — он, родители и Дашка. Мама накрыла стол, вполне достойный, кстати, а отец где-то раздобыл черную икру, чем очень хвалился. Сначала все было очень хорошо, но с каждым тостом и выпитой рюмкой обстановка накалялась. В какой-то момент отец прямо заявил о том, что образ жизни его сына совсем не то, о чем они с матерью мечтали. Мать добавила про женитьбу и внуков. Он уже не помнил, что отвечал и что говорили родители, помнил только, что в конце они кричали друг на друга, и испуганные глаза Дашки.

Мать вставала между ними, пыталась помирить. Отец прислушался к ней и немного успокоился. А он кипел: не нужны ему родители, которые не хотят его принимать таким, какой он есть! Захотелось выйти, проветриться. Он без слов оделся и собрался уйти. Отец встал в дверях, но он взял его за руки и достаточно грубо отодвинул, освобождая проход. Мать не оставляла попыток уладить конфликт: пыталась урезонить его, ласково гладила по плечам, просила не портить праздник и совала ему бутерброды с икрой. Он сбросил ее руку с себя и со словами "Да подавись ты своим деликатесом!" — вышел. Он несколько часов гулял по ночному парку и думал о случившемся. Пришел к выводу, что был не прав, что родители придираются не из желания уязвить, а потому, что им не безразлично, каким он станет, его судьба. Решил, что нужно вернуться, извиниться и спокойно поговорить. Но дома он застал только заплаканную Дашку.

Родителей увезла скорая, и увидел он их в следующий раз уже в морге. А дома все напоминало о них. Программа передач в газете с подчеркнутыми папой строками, мамино вязание, фотографии на стенах, даже запах в квартире. Клубничный. Мама любила его. Раскладывала везде пакетики с ароматизатором, духи ее тоже отдавали клубникой и мыло в ванной...

Он помнил, как хватал отца, как отталкивал руки матери. Выходит, он убивает все, к чему притрагивается...

Савицкий снял очки, придирчиво оглядел их и, не найдя изъянов, снова нацепил на нос:

— Вы ведь понимаете, что это могло быть совпадение. Чудовищное, я согласен. Именно поэтому ваше сознание придумало надстройку, чтобы сгладить травмирующий эффект события. Ведь вы все равно незаметно для себя касаетесь людей на улице или тех, кто живет рядом с вами, но больше никто не умер.

Семен виновато втянул руки в рукава:

— Я очень внимателен и стараюсь, чтобы этого не случилось. Выполняю все защитные действия.

— А лекарство вы принимаете именно так, как вам сказала Наталья Эдуардовна? В той же дозе?

— Конечно. Я всегда выполняю все рекомендации врача. Со старым лекарством было легче: я иногда даже забывал, что опасен для людей, общался с ними и ничего плохого не случалось. А с новым все по-другому. Мне даже кажется, что стало немного хуже.

Савицкий откинулся на спинку стула, тот жалобно скрипнул. Внимательно посмотрел на Семена, куснул пару раз кончик ручки и внезапно подался вперед:

— Знаете, есть совершенно новое лекарство! Его пока еще нет в аптеках. Этот препарат нейтрализует яд, который выделяется на ваших руках. Конечно, средство не дешевое, но разве спокойная жизнь без страха и выматывающих ритуалов не стоит того, чтобы попробовать его? Ведь вы ничего не теряете, кроме небольшой суммы денег. Всего сто рублей за капсулу.

Савицкий вытряхнул в крышечку флакона маленькую красно-белую капсулу и подвинул ее к Семену.

Семен внимательно разглядывал лекарство в крышечке и не видел в нем ничего особенного, кроме цены:

— Вы уверены, что оно мне поможет?

— Конечно! Примите препарат и проверьте. Только представьте: вы сможете спокойно дотрагиваться до других людей и не выполнять кучу защитных ритуалов. А сколько времени у вас освободится для добрых дел!

— Хорошо. — Семен, покопавшись в портмоне, достал требуемую сумму. Немного жаль было с ней расставаться, уж больно велика она была по сравнению с малюсенькой пилюлькой. С другой

стороны, это совсем небольшая цена за нормальную жизнь. А вдруг не сработает? А вдруг сработает?

Бархатный голос Савицкого звучал тихо, почти интимно, завораживал:

— Не переживайте, это хорошее лекарство, оно вам обязательно поможет. Примите его и совсем скоро почувствуете эффект. Я даже сам до вас дотронусь. И если случится что-то непоправимое, то виноват в этом буду я, а не вы — я же сам, а вы отказывались.

Леночка налила в мензурку воды из графина и подала ее Семену. Он решительно запил пилюлю, которая легко скользнула внутрь его тела, чтобы изменить его. Савицкий ворковал:

— Теперь нужно немного подождать. Обратите внимание на свои ощущения. Ваш яд теряет свою смертоносность.

Ничего подобного Семен не чувствовал, но Савицкий так убежденно говорил, и в какой-то момент взял его за руку. Семен тут же отдернул ее и сжался от страха, похолодев от случившегося. Он вынул из кармана еще влажный походный кусок мыла и кинулся к раковине под удивленные взгляды медсестры Леночки. Руки тряслись, и мыло все время выскальзывало из них...

Савицкий подошел к нему и участливо положил руку на плечо:

— Не переживайте так. Я говорил, это очень эффективное средство. Оно уже действует. Только представьте, какая у вас начнется жизнь. Совсем новая! Все будет хорошо. Только не забывайте раз в сутки принимать препарат.

Медсестра Леночка скептически закатила глаза и снова уткнулась в свои бесконечные бумаги. А Семену вдруг стало легко и чудесно — он поверил. Теперь он нормальный человек! Дашка перестанет брюзжать по поводу перерасхода мыла, можно будет снова встречаться с друзьями, ходить в гости. Позвонить Ваську и распить с ним кружечку пива, забыть про латексные перчатки и не бояться ездить в троллейбусе. И все это благодаря замечательному доктору Савицкому и его средству. Но тут же скользкой холодной змеей мелькнула мысль о том, что это всего лишь на несколько дней. В его кошельке денег хватало лишь на три таких капсулы. Савицкий будто прочел его мысли:

— Не переживайте. Придете завтра, я вам еще дам лекарства. Медицина идет вперед семимильными шагами. Ученые работают над пролонгированным препаратом, который придется принимать

Проза. Мистика

раз в неделю, а там, кто знает, как далеко зайдут они в своих исследованиях. Может, будет достаточно одной таблетки в месяц или даже в год! — голос доктора звучал очень воодушевляющее, глаза его горели, и Семен снова ему поверил.

По пути домой он прислушивался к себе и пьянящему ощущению собственной нормальности. Он зашел в киоск за газетой, и пока выбирал себе прессу, слово за слово разговорился с продавцом, интеллигентным опрятным дедушкой в толстых очках. Тот дал ему краткую характеристику нескольких газет, они немного поговорили о политике и неожиданно сошлись во мнении. Было так странно найти что-то общее с совершенно незнакомым человеком. Семен сильно колебался, но все же пожал на прощание протянутую руку продавца.

В отличном настроении, насвистывая, он вошел в квартиру, Дашка даже вышла из кухни, настолько не типичным это для него было.

— Что, новые таблетки лучше?

— Да! — обрадовано заявил Семен, обнимая и чмокая сестру в щеку.

Она немного ошалело проводила его взглядом:

— Ты никогда не касался меня, а тут прям обнимашки-целовашки, — съехидничала сестра. Но Семен видел, она рада тому, что ему лучше. —

Даже те, желтенькие, которых больше не продают, на тебя так не действовали.

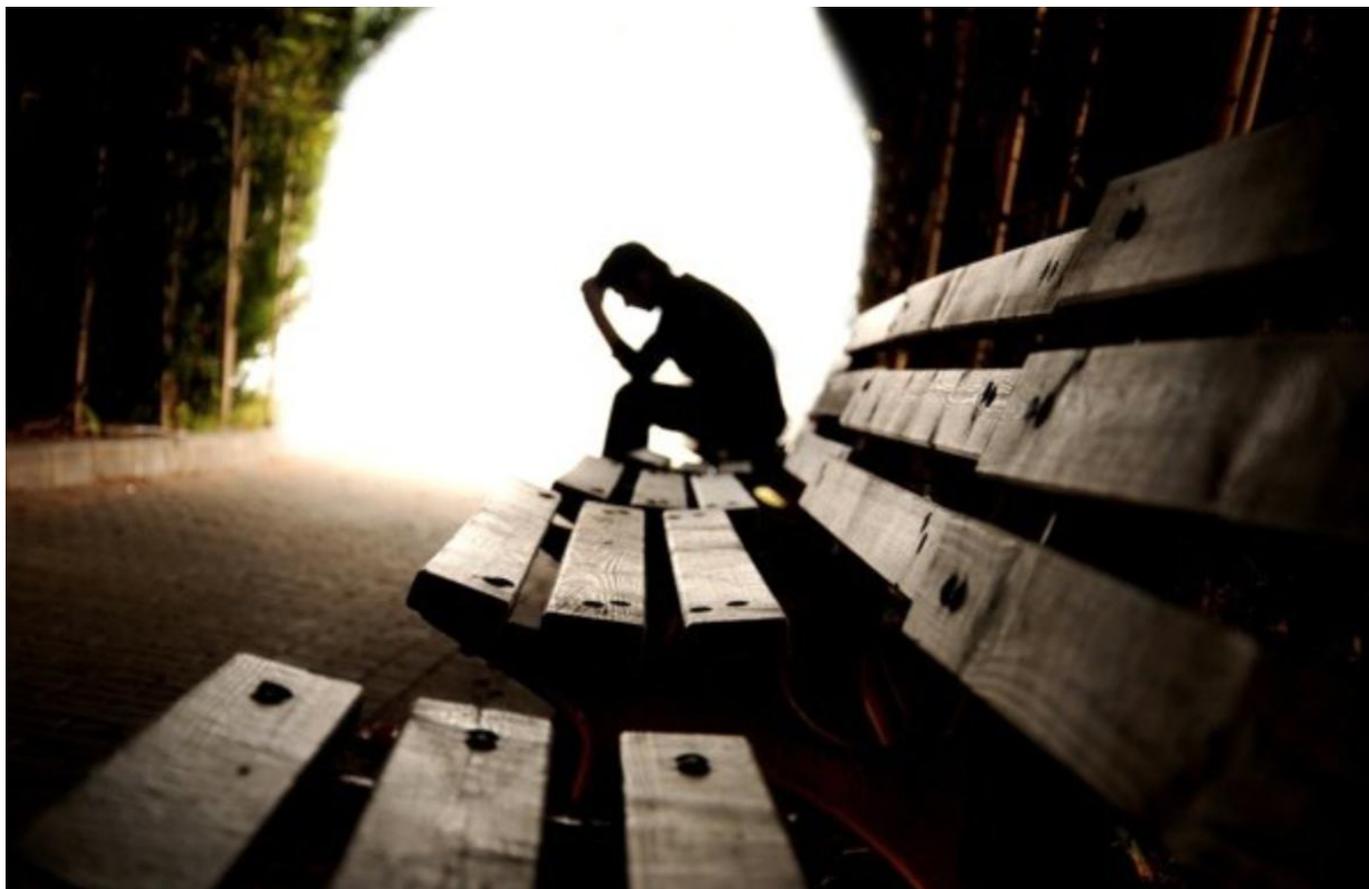
— Медицина идет вперед, появляются новые лекарства, — копируя интонации Савицкого, пояснил Семен. — Правда, дороговатые, но зато смотри, какой эффект!

Дашка скептически хмыкнула и буркнула:

— Ну-ну. Ужинать будешь?

Эйфория вчерашнего дня уступила место страху. Он боялся, что лекарство у Савицкого кончится и он не сможет быть таким же нормальным, как и все. Вчерашний день был чудесен. Нет, не так. Вчерашний день был самым счастливым днем в его жизни, днем избавления. Но нужно торопиться. Савицкий говорил, что за лекарством можно пройти без очереди. Вот только очереди это совсем не понравится, потому лучше подойти к началу приема. Он торопился, но помнил про вчерашнее приятное общение — надо поздороваться с продавцом газет. Киоск был закрыт, возможно, еще рано. Ничего, поздоровается на обратном пути.

Еще нет и девяти утра, а народу все равно — тьма. Он глянул на расписание: до начала приема еще минут десять. Регистратура ему не нужна, и он сразу направился к кабинету. Повезло, он ока-

зался первым. Он представил, как войдет в кабинет, поблагодарит доктора и смело пожмет ему руку. Минуты ожидания тянулись бесконечно медленно, будто завязли. Наконец часы показали ровно девять. Потом проползли еще пять минут, и еще. Семен сердито поглядывал на часы — неприлично опаздывать на работу так сильно.

— Подвиньтесь, пожалуйста, я тут полы протру, — попросила уборщица. Семен отошел в сторону, присел на банкетку, глянул на часы. Уборщица выпрямилась, положила руки на черенок швабры и доверительно наклонилась к нему: — Если вы ждете доктора, то это зря, не ждите, приема не будет. В регистратуре вам не сказали?

— Я не был в регистратуре. А что мне должны были сказать?

— Как что? — удивилась уборщица, ловко орудуя шваброй, — Гокина в отпуске, а Савицкого вчера на скорой увезли. Полоскало его знатно, мне за ним убирать пришлось. Уж не знаю, дотянул ли до больницы.

Он вспомнил про закрытый киоск, и сердце ухнуло куда-то вниз, а в голове, будто с оглушительным звоном, оборвалась струна: Дашка!..

Соломея

<https://writercenter.ru/profile/4oblaka/whois/>

Хан и Тенгри

Михалевский Георгий

из цикла Тянь-Шаньские рассказы

— I —

Летим к базовому лагерю через белые вершины Тенгри-Тага. Внизу — ледовый поток, который низвергается застывшей рекой с горных склонов. Ребята насуплено молчат, а я не лезу с расспросами, хватило того, что услышал на базе. И уж если Женька надумал позвать меня, то дела совсем плохи.

Сита ничего не объяснил, если не считать коротко брошенного: «Мистика какая-то». В горах со всеми мистика случается от яркого солнца, кислородного голодания, резкого холода и стука крови в ушах. Но Сита другое имел в виду. Я знаю. Смотрю в маленькое круглое оконце Ми-8 и вижу впереди на каменистой морене в стороне от расстрескавшегося потока ледника синие цилиндры палаток-полубочек. Прилетели. Стрекоза пошла вниз на посадку к еще одному пятнисто-зеленому вертолету. И чем ниже спускаемся, тем сильнее давит тревога чувством неотвратимого несчастья, заползает в грудь и вьет там мерзкое гнездо.

Выскакиваю из вертолета вслед за крепкой широкой фигурой Ситы и иду прямо к нашим, стоящим сине-оранжевой толпой вокруг Женьки. Мелькают белые буквы МЧС на спинах, черные очки, красные флаги на рукавах. Суровый бородач Женька инструктирует как всегда коротко, резко, машет рукой куда-то на север в сторону торчаще-

го зуба Хан-Тенгри, потом разворачивается к склону пика Победы и тут замечает меня.

— А он тут откуда? — грохочет в разреженном воздухе вопрос.

Так, меня Женька не звал. Интересно. Все обернулись, и лица расплылись в улыбках. Тянут руки, здороваюсь, Женьке не отвечаю. Понимаю, тот случай с Аленой он мне не простит. А Сита пусть сам объясняет, зачем позвал.

— Я спрашиваю, ты что тут делаешь? — персонализирует вопрос Женька.

— Без него не обойдемся, Борода, — Сита выходит вперед, словно загораживает меня от гнева начальника.

Тот набирает воздух в легкие, но худощавый, юркий Болотбек как всегда опережает:

— Точно! Юр, слышать, да? У нас тут на Победа пять погибать за месяц. Не можем поляков найти больше три сутки. Веревки натянуть не успеть, будто ножом резаный. Ты это... ходил бы наверх?

Киваю:

— Ладно, а сейчас что?

— Двое сорвались с карниза, — неохотно буркнул начальник.

— Понятно. И что стоим?

— Никак! Там так крутить, все черти ада выбегать, — Бека ткнул рукой вверх.

Художник Коваленко Валерий

Проза. Мистика

Смотрю на облако, закрывающее склон. Капризна Победа, ох капризна. По пять раз за сутки погода меняется, похоже, там ветер не шуточный, вертолетом рисковать не стоит, и так в прошлом году двух вертушек лишили. Значит, Женька решил идти по карнизу. Да чтоб меня!

Вертушки «подкинули» нас до второго лагеря на пять тысяч метров, дальше идем по снежному гребню, вдоль хорошо заметных следов обоих альпинистов. Гора гудит, где-то выше, на высоте шести тысяч, ярится ураган. А здесь дует лишь слабый ветер, и припекает ослепительное солнце, жарит в спину так, что хочется скинуть куртку. Жадно вдыхаю чистый воздух земли за облаками. Здесь все мне знакомо, все родное. Я чувствую каждый камень, каждую трещину на леднике. Но сегодня вместо радости — тревога, вместо счастья — тоска. Что-то случилось, пока я не был дома. Но почему брат не позвал меня, если тут нехорошее творится? Как обычно, решил разобраться сам? Или я так увлекся своей ролью, что стал глух к его голосу? Прислушиваюсь, лишь ветер свистит в ушах. Брат молчит. Ладно, братишка, вытащу людей и — сразу к тебе.

Гребем по рыхлому снегу, и вот она — рваная рана обвала, где снежный навес рухнул вниз, унося с собой ребят. Порванные веревки. Беру один из концов и невольно машу рукой Сите:

— Глянь!

Сомнений никаких: веревки обрезаны острым лезвием. Ну не рвутся они так! Хоть убейте меня. Сита пожимает широкими плечами:

— Поэтому тебя и позвали. Мы сейчас вытащим этих, а потом — иди наверх. Надо проверить, кто там, или что там. Из альпинистов никто выше второго лагеря не поднялся. Начальство послало меня к дьяволу, когда я про албасты сказал. Но ты-то не пошлешь.

На грани восприятия ощущаю шевеление карниза. Хватаю Ситу, веревку Беки и катимся от обрыва в сторону, Бека повис над пропастью, Сита вместе со мной одной рукой вцепился в веревку, второй вогнал ледоруб в белый бок горы. Все нормально. Держим. Вот над карнизом появляются вязаная шапка, очки и поднятый вверх палец ващежки:

— Спускайте!

Сита удержит, знаю. Осторожно отпускаю веревку и иду к треклятому карнизу. Закрепляюсь, и вместе с Бекой скользим на карабинах вниз. Прыгаем, отталкиваемся от шершавой скалы, снова скользим. Морщинистый гранит, покрытый белыми

снежными трещинами, плывет перед глазами. Поглядываем на дно пропасти, там везде синеватый рыхлый снег, только что свалившийся сверху. Лежат где-то ребята, не шевелятся. Не нравится мне это. Бека мрачно бросает:

— Какая-то похоронный отряд, а не спасатели. Знаешь, сколько вылетов у нас на Победа?

Отрицательно мотаю головой, напарник продолжает:

— Сорок шесть этот. За месяц!

Мозг отказывается понимать, переспрашиваю:

— За месяц?

— Да! Весь июль тут торчать! Албасты, говорю, албасты заводиться на гора. Борода не слушать. Сита молодец, тебя звать.

Я тихо присвистнул и посмотрел наверх, добрались ли еще двое наших с «корзинкой». Стоят уже, наблюдают, как мы спускаемся. И вот ноги, наконец, утонули в мягком пушистом снегу. Бека смотрит на меня с надеждой:

— Ну, что чуйка говорить?

Внутренне собираюсь, ощущение тревоги не покидает. На физическом уровне слышу, как на Диком грохочет лавина, гудит весь массив Победы под штормовым ветром, и где-то рядом чуть слышно журчит вода: тает ледник. От скалы, едва заметно дрожа, поднимается теплый воздух и струится вверх, к вершине, чтобы стать облаком. Стягиваю шапку. Холодный ветер кусает за уши, но мешает мне она, не могу в шапке работать. Сажусь прямо в снег, и совсем близко, в нескольких метрах, ощущаю человека, живого под обвалом! Это чувство невозможно ни с чем спутать. Вскидываю и быстро иду в ту сторону, где вижу внутренним зрением засыпанного альпиниста. Бека торопится за мной, утопая в рыхлом сухом снегу.

— Здесь! — тычу рукой под ноги.

Лопатки пошли в ход, и вот показался красный рукав с зелеными полосами, быстро разгребаем снег, вытаскиваем. Парень хлопает глазами, даже сознания не потерял. Молодец, какой. Улыбается и быстро что-то лопочет, вроде бы на французском. Бека тут же ему:

— Уи, уи.

Верткая бестия! По-русски с акцентом говорит, но с таким же акцентом еще на шести языках. Можно смело мой оксфордский засунуть куда подальше.

— Он сказать, русский альпинист одиночка был. Впереди него шел, сорвался. Мишель спасатели из лагеря вызывать, и сам летать с карниза.

Бека показывает рукой крутую параболу:

— Ууух!

Француз кивает, улыбается и повторяет:

— Ууух!

Будто я не знаю, как с горы падают. Это вам не «ууух», а большой бада-бум. Из вашего же французского кино. Спрашиваю на английском — может ли встать, Мишель бегло отвечает, что может. Опирается на мою руку и, охнув, оседает в снег. Тут же поясняет, что, кажется, нога сломана. Включаю рацию:

— Спускайте корзинку. Тут француз с переломом. Сейчас поднимать будете.

Бека открывает аптечку и достает ампулу кетонала. Показывает француз. Тот кивает, и Бека быстро расстегивает пуховик француза, делает укол куда-то в плечо. Ждем немного, пока действует обезболивающее. Француз с подробностями рассказывает, как летел с горы и как рад нас видеть. И наконец говорит, что перестал чувствовать боль. Подхватываю его под мышки с одной стороны, Бека с другой. Тащим. Парень кричит, а я смотрю на его левую руку, и не нравится мне, как она висит. Спрашиваю, чувствует ли руку. Отвечает, что нет. Эх, Мишель, не повезло тебе. Он тем временем пытается рассказать, что видел перед падением какого-то быка. Быка? На высоте пяти тысяч? Яка, что ли? Никогда не слышал, чтобы яки сюда забредали. Что им тут среди снега и льда делать?

А вот и Сита с двумя спасателями из лагеря, уже спустились, идут нам навстречу. Сита перехватил нашего француза поудобнее, как невесту, и понес на руках к корзинке. Через плечо кинул мне:

— Второго ищите, этого сами поднимем.

Бека смотрит на меня выжидательно:

— Чуйка не видеть второго?

Не видит. Значит, нет уже второго. Нужно поглубже просканировать местность. Какое-то странное ощущение шевелится в груди, будто знал я этого альпиниста-одиночку. Спрашиваю у Беки фамилию автономщика.

— Не знаю. Борода знает.

Сажусь в снег. Перед глазами четко встает фото одного парня, который в интернете спрашивал у меня маршрут на Победу. Не могу отвязаться от этого образа, поэтому просто впускаю его в ментальную сферу. Фото оживает, парень грустно так улыбается:

— Ты был прав, Победа — это не Эльбрус.

Значит, не послушал меня! И вот теперь лежит тут под слоем снега, а мы ходи, ищи его... Найду — убью.

Погружаюсь в сканирование еще глубже. Не может быть! Что там мне Бека про поляков говорил? Чувствую их след, уходит в трещину на леднике Звездочка, сверху — слой лавинной массы. И полное отсутствие ауры смерти. Непонятно. Неужели живы? Их будто хранит кто-то, бережет... Брат? Тянусь мысленно к нему. Но теплое чувство скользнуло и растаяло. Кто-то встал между нами. Кто-то темный и сильный. Заслонил брата от меня, и теперь я вижу только польских альпинистов под снегом. Странно, живыми их тоже не ощущаю. Возможно, слишком далеко лежат. Засыпало их на высоте четырех тысяч, вот обидно-то! Не могу больше сканировать, боль разрывает черепную коробку, прекращаю свою экстрасенсорику, наваливаюсь на скалистый уступ. Бека озабоченно так смотрит:

— Что? Чуйка не найти его?

— Нашла чуйка. И еще тех поляков. Трое их было?

— Да, трое! Нашел их? Ух, ты!

Снова включаю рацию:

— Борода!

— Да, что там у тебя?

— Поляки под лавиной на Звездочке. Возможно, живы.

— Да ну! Ты рехнулся? Почти четверо суток прошло!

— Не уверен, что живы. Но знаю, где искать.

Женька несколько мгновений молчит, потом с недоверием отвечает:

— Когда спуститесь — расскажешь. Русского альпиниста найди мне.

Встаю и гребу по снегу вдоль гранитной стены, парень свалился метров за двадцать впереди француза в расщелину. Очень надеюсь, что мы сможем его вытащить. Бека решил развеять мое пасмурное состояние и тему выбрал самую подходящую:

— Этот год совсем чокнутый. Знаешь, землетрясение на Эверест?

Кто не знает? Киваю, напарник продолжает:

— Эверест закрыть. Все альпинисты сюда ходить. Прямо из Непал в Киргизия. Все-все. Американец один Корона Мира покорять. А он там с самого... какой-такой слово? Знаешь, такой праздник, когда много-много жертва делают, корова режут?

— Гадхимаи?

— Да-да, этот самый какой-такой гад. Вот он с этой праздник вершина ходил. Землетрясения помешала, вместо К-2 — наш пик Ленина пошел.

Проза. Мистика

Гадхимаи? В голове возникает какая-то смутная мысль и тут же исчезает, а Бека дальше рассказывает:

— Вот. С этой американца все и началось. Он на пик Ленина пропадать. Спасатели из США прилетать его найти. Нашел. И как пошло, пошло... И все на Победу. Испанец погибать, потом русский, потом поляки, потом...

— Ты ж говорил пять погибших.

— Это только русский альпинист пять. Всего, — Бека забормотал, подсчитывая, — бир, эки, уч, — потом перешел на шепот, и я услышал только, — сегиз, о... жок-жок, тогуз, тогуз киши.

Разволновался, по-киргизски заговорил. Девять человек за месяц на одной только Победе? Я встал как вкопанный, Бека поравнялся со мной:

— Чего стал?

— Да так, — я отправился дальше к кромке обрыва.

Остановились на краю, заглядываем. Оранжевое пятно маячит на глубине метров пятнадцати. Переглядываемся, Бека кричит в расщелину, а я знаю, что это бесполезно. Молча пошел крепить веревку со страховкой к скале. Бека суетится, думает, что парень в расщелине жив. Хлопочет. Не смотрю на него. Карабин щелкнул, и я пошел вниз. Бека остался на подстраховке. Спускаюсь, а погибший так и стоит перед глазами. Что ж ты наделал, желторотый? «Барсом» вот так сразу захотел стать? Злую от безысходности и беспомощности. Ведь писал ему, говорил, что вершина очень серьезная и без подготовки сюда не лезут. Посоветовал сходить для тренировки на горы попроще... Так нет же! Такое мерзкое ощущение, будто я его сам с обрыва столкнул.

Упираюсь ногами в стены трещины. Это не лед. Это скальный монолит. Тут все надежно. Парень лежит на остром уступе, в неестественной позе с перегнутой спиной и откинутой назад, странно повернутой головой. Двойной перелом позвоночника? Я не врач, но, похоже, что именно так.

Странное пятно мелькает слева от меня. Резко поворачиваю голову и замечаю неясную рогатую тень, скользнувшую за край выступа. По спине пробежал морозец. Я не подвержен высокогорным галлюцинациям, и от этой мысли становится совсем не по себе. Ребята тоже что-то такое видели, не иначе. Да и француз про быка говорил. Закрываю глаза, отключаюсь на мгновение от реальности и мысленно зову брата. Его ответ, к моей радости, приходит мгновенно: «Вытаскивай людей, братишка. У меня все в порядке. Жду тебя завтра на вершине».

Сверху падают веревки. Спускаются Сита и Бека. Видят погибшего и, не говоря ни слова, помогают мне накинуть петли на ноги, поперек туловища, аккуратно завести под руки. Все происходит быстро и слажено. Вытащили тело, я отошел в сторону и навалился на стену, прислушиваясь к энергетическому потоку гор. Нехорошее ощущение чего-то странного угнездилось внутри меня, и эту загадку надо решить как можно быстрее.

— Ты знал его? — коротко спросил Сита, я кивнул.

Ребята больше ничего не спрашивали до самого лагеря. Здесь, отправив француза на вертолете в Каракол, я, наконец, смог показать Бороде, где искать поляков. Он недоверчиво выслушал мой рассказ, поглядывая на карту и на поток Иныльчека. Его злость и ревность заметно поутихли за год, но все еще ощущались, как незажившая рана. Похоже, старый друг до конца дней будет считать меня врагом.

Бека, видя недоверие начальства, нервничает, напоминает Женьке то, что совсем напоминать не стоило. Сколько раз «чуйка» помогала найти пропавших людей, когда все другие способы оказывались бессильны. Женька от доводов Беки только больше хмурится. И бурчит что-то в бороду. Затем резко отвечает:

— Понял я уже. Идем все на Звездочку. Но если их там не будет...

— Будут, — бросаю через плечо, — и они не мертвы. Не вздумайте их в мешки упаковать. Всех в больницу отправить надо.

— А ты, так понимаю, не идешь? — вскинулся Женька.

— Иду, только с народом пообщаюсь, — и, не оглядываясь, отправляюсь к палаткам альпинистов.

— Кто у вас тут высокогорный гид? — спрашиваю, поздоровавшись.

Подшли команды спортсменов, вижу нашивки соседнего Казахстана, России, Украины, Америки. Ребята окружили меня. Серьезно так смотрят, пытаются скрыть тревогу. И автономщики тут — это те, кто поднимаются не в команде, в одиночку. Позвали гидов. Я стою злой заранее, готов просто придушить этих ротозеев, какого лешего разрешают выход в такую погоду?

Но когда вижу их, успокаиваюсь. Два опытных бывалых альпиниста: Борис и Алексей. Оба со званием «снежных барсов». Вместо нагоняя — радушно улыбаюсь им, жму руки. Они со смехом восклицают:

— О, маг-экстрасенс восьмидесятого левела пожаловал! Ну всё, пора вещи паковать! Ты где пропадал-то?

— На базе в Караколе.

— О! — Алексей перестает улыбаться. — Что с Евгением-то не поделили?

— С чего взял? Все нормально.

— Конечно, нормально, — сухо возражает Борис, — ты и база в Караколе. Пешие туристы и бабушки? Смеешься?

— Почему? Зимой там экстремалы на горнолыжной базе. Весело было. А летом, да... Пешие туристы и мамы с детишками.

Хотел сказать совсем другое, но правда зачем-то спрыгнула с языка. Оба смотрят на меня так, будто я — осужденный на каторжные работы. Усмехаюсь и добавляю:

— Да не берите в голову. На прошлой неделе парусную регату открывали. Это вам не по горам скакать, архары.

Делают вид, что шутку поняли, натянуто улыбаются. Борис серьезно говорит:

— Всё из-за Хан-Тенгри? Когда ты самовольно закрыл лагерь и отправил всех людей назад в Каркару. Тебе же никто не разрешал этого делать?

— Ну... — на этом мое красноречие заканчивается, так как с удивлением обнаруживаю, что люди заметили наши нетеплые отношения с начальником и строят собственные гипотезы.

— И Евгений тебя уволил из отряда, — подытожил Алексей. — Мы так и подумали, когда не увидели тебя с остальными. И вот ты здесь. Опять лагерь закроешь? Уволят же совсем.

— Забыли, за что Хан-Тенгри Кровавым прозвали? — недовольно хмурюсь и отвожу взгляд в сторону. — И как статистика за последние два года?

— Ни одного несчастного случая. Мы даже спасателей ни разу не вызывали.

— И чем недовольны?

Оба переглядываются. Борис усмехается:

— Всем довольны. Не знаю, как ты это сделал, но оно сработало. Извини, но ты ведь не за этим нас позвал?

Спрашиваю, как вообще такое возможно: девять погибших за сезон? В ответ оба разводят руками:

— За автономщиков не несем ответственности, они сами по себе и никого не слушают. Мы их можем только на выходе зарегистрировать, и если что — попытаться спасти. А команды, как видишь,

все здесь. Разрешаем только радиальные выходы. Вверх никого не пускаем.

— Все погибшие — автономщики?

— Нет, — Борис еле сдерживает вздох и вдруг начинает быстро говорить, словно хочет облегчить душу. — Две команды поднимались. Шли очень хорошо. На самом верху погода испортилась, и они уже после покорения потеряли троих.

— Как?

— У одного сердце отказало. Ушел мгновенно. Они ничего не смогли сделать. Хотели вытащить его сами, и двое просто заоченели, схватили кашель, и на обратном пути сорвались с гребня. Видимо, сильно ослабли. А что мы могли сделать, когда они были уже за Пшавелом? Вышли им на встречу и помогли донести погибших.

Слышу фамилии и не верю ушам. Покорители Эвереста, «снежные барсы», за плечами все семитысячники Памира, и полегли тут на Победе. Поворачиваюсь к молчаливо стоящим альпинистам:

— Так ребята, все слышали? Я закрываю пик до конца недели.

— Я ж говорил, — усмехается Борис, — пора вещи паковать.

— Как? — вырывается у нескольких человек. — А что же...

— Ты кто вообще? — выскакивает долговязый парень.

Не обращая внимания на вопросы, продолжаю:

— К концу недели решим, будет сезон продолжен, или поедете на Иссык-Куль купаться вместо восхождения. Всё. Никаких покорений в ближайшие дни.

— Ты мужик, че? — все тот же долговязый, — самый умный, что ль?

Ребята рядом одергивают его, смущенно поглядывают на меня.

Борис отвечает:

— Юрий — старший инструктор МЧС Кыргызстана; один из людей, входящих в совет по безопасности горных маршрутов. В тот самый совет, который решает — разрешить нам доступ к горе или нет.

Друзья долговязого краснеют, он приоткрывает рот, но не извиняется. Смотрю с усмешкой:

— Так, дорогой, я сейчас решу, что тебя надо снять с маршрута и отправить домой, — парень отступает от меня на шаг, все так же с открытым ртом. А я спокойно продолжаю: — А теперь серьезно поговорим. Я вижу тут все новички, — ребята кивают, — тогда поясню, в чем сложность.

Сам по себе маршрут не такой уж тяжелый с точки зрения скалолазания. Но здесь против вас играет несколько факторов. Первый — климат. Это — центр Евразии. До ближайшего океана — три тысячи километров. Вокруг — пустыни. Воздух разрежен уже у самого подножия, а это — нехватка кислорода, сами знаете. Второй фактор — высота. Тянь-Шань коварен тем, что вы не замечаете, как оказались очень высоко без должной акклиматизации. Не забывайте об этом. Помните о режиме дыхания и следите за своим самочувствием. И третье, самое главное, — я посмотрел в их светлые внимательные глаза и на мгновение задумался, говорить ли? Но все-таки скажу. Всем говорил, и этим скажу, — и третье, ребята, запомните: не вы покоряете гору, а она вас. Покоряет навсегда. Она останется в вашем сердце, в ваших воспоминаниях. На ваших

фото. Но вы не останетесь в ее памяти. Ей глубоко безразлично ваше тщетное стремление подняться на вершину. Она стояла тут миллионы лет и еще простоит, когда от вас не останется даже воспоминания. Вы покоряете себя, и она — гора — позволяет вам это сделать. Позволяет вам ощутить себя живыми людьми, способными на такой подвиг. Она дарит вам радость победы, дарит возможность познать настоящую жизнь. И будьте благодарны ей за это. Отнеситесь с уважением, поднимайтесь с почтением, не стоит говорить необдуманных слов на ее крутых склонах. И упаси вас Бог, смеяться над ее величием или кричать ей, что вы ее покорите. Она найдет способ отомстить, поверьте мне.

В полной тишине разворачиваюсь и шагаю к вертолету, где, поминая меня нелестными словами, расхаживает Женька.

Художник Кузин Дмитрий

— Ну что, произнес речь? — усмехается он. — Напугал пацанов? Про горного духа сказал им?

— На этот раз нет, — поднимаюсь в вертолет, и рев лопастей глушит Женькины колкости.

Поляков мы находим точно на том месте, где я их «увидел». Правда, копать пришлось долго, лавина засыпала их основательно, и, похоже, за последние сутки тут сошло три лавины, а не одна. Под первым слоем снега — застывшая кровь и ледовая мешанина, на которой не разберешь следов.

— Смотрите! — резко восклицает Сита, распрямляясь и указывая рукой на легкую поземку, что метет прочь от нас, а вслед за поземкой бежит цепочка следов невидимого барса.

Ребята оглядываются, слышу, как Бека восклицает:

— Ак-илбирс!

И тут же за ним другие подхватывают:

— Дух гор!

А затем каждый тихо шепчет древние слова просьбы о помощи и отведении несчастья. Старые слова, полузабытые, истертые временем и людьми.

Нехотя поворачиваюсь и встречаюсь с Женькиными глазами. Смотрит на меня внимательно, словно хочет что-то разгадать. Перевожу взгляд на ледник, и вижу, как тают следы барса, исчезают, словно никогда их не было. Женька задумчиво говорит:

— Я уже видел такое. На склоне Хан-Тенгри много лет назад. И следы бежали ко мне, — он продолжает смотреть мне в глаза чуть суеверно, но настойчиво и пытливо, — они пробежали мимо, а потом...

— Я догнал тебя и сказал, что надвигается шторм, — улыбаюсь воспоминанию, и хмуро добавляю, заметив, что ребята стоят вокруг с открытыми ртами. — Глазеть на снег будем или поляков откапывать?

Это подействовало, лопатки замелькали быстрее и вот мы уже докопались до альпинистов. Они лежат как неживые, холодные, бледные. Никакого дыхания и реакции на свет. Внимательно осматриваем их. На телах нет повреждений или ран, откуда же столько крови? Ничего не понятно. Женька и ребята смотрят на меня вопросительно, не верят, что поляки живы. Но я знаю, чувствую, не могу ошибиться. И повторяю, что спасенных надо отправить в больницу.

Уже темнеет. Длинные синие тени накрывают Южный Иньльчек, вершина Победы вспыхивает оранжевым пламенем и горит костром над безмолвием гор. Женька хмуро смотрит на этот пожар и неохотно бросает:

— Ночь уже. Наш пилот сказал, что рискнет отвести поляков до Каракола, но при условии, что они реально живые. Юр, ты извини, но если он привезет трупы в больницу ночью... Я тебя никогда больше не приму назад в отряд, — последние слова он выдохнул со странной смесью сдержанного гнева и сожаления.

Согласно киваю, в конце концов, Женькин отряд не единственный в МЧС.

Идем вдоль морены назад. Дорога относительно хорошая, трещин практически нет. А те, что есть, — легко перепрыгиваем. Впереди горят огни базового лагеря. Там народ готовится к ужину. А сверху над лагерем висят звезды в ощутимой темно-синей пустоте. Млечный Путь рассыпается на отдельные искры, сверкающие как просочившиеся

Проза. Мистика

из мешка бисеринки. И кажется, что взгляд уходит так далеко в глубину Вселенной, что можно разглядеть другие планеты, бегущие вокруг звезд.

Останавливаюсь и поднимаю голову. Всегда ощущаю, что я их такими яркими еще не видел. И такими сверкающими. Сита кричит мне, чтоб не отставал, но игнорируя его, стою посреди ледника и смотрю на россыпь Млечного Пути. Слушаю голос неба, голос звезд и облаков, спящих на склонах гор. Спрашиваю их о том, что происходит, но ответы стекают по расщелинам. Уходят, боятся неназванного страха. Разгоняю ураган на вершине, что пришел не по времени. И облака укладываются вокруг пика круглой шапкой, отдыхают. Сита снова кричит мне, чтоб я поторопился, хорошо, звезды никуда не денутся, поговорим после, надо идти в лагерь.

Женька встречает меня у крайней палатки с рацией в руках:

— Ты прав оказался, шельма, — в голосе первые за день теплые нотки. — Живы твои поляки! Но, увы, в коме.

Ребята толкают в бока и радостно колотят меня по спине, называя «Гендальфом» и «ведуном». Невольно улыбаюсь. Это хорошая новость. Как они там не замерзли — не знаю, можно только гадать. Или спросить завтра у брата.

Растягиваюсь на чистой постели гостиничной палатки лагеря (хорошо тут все устроено) и уже засыпаю, когда неугомонный Бека спрашивает:

— Борода на тебя сердит. Чем насолил?

— Солью, — отвечаю и отворачиваюсь к стене.

Сита бормочет из-под одеяла:

— Бека, шайтан, отстань от человека и свет выключи, а?

Болотбек шепчет недовольно что-то и выключает свет. Посреди темноты и тишины раздается его вопрос:

— Юр, а Юр, ты теперь опять с нами или возвращаться в Каракол?

Не отвечаю, потому что не знаю. Бека стоит несколько мгновений посреди палатки, потом уходит. Не иначе в палаточный бар отправился. Когда заглохли его шаги, Сита тихо говорит:

— Ленка в городе про тебя спрашивала, просила, чтоб не сердился на нее.

Сажусь на постели и молча смотрю на белеющее в темноте лицо Ситы. Он несколько мгновений ждет моей реакции и, не дождавшись, продолжает:

— У них с Женькой сын будет, скоро.

— Чудно, — укладываюсь назад и натягиваю одеяло, — хорошо, что не развелись.

— А должны были?

Черт, проговорился.

Сита усмехается:

— Я ведь как все думал, что за самоуправство с тем лагерем Женька на тебя косо смотрит. А тут вон что.

Молчу.

Сита все так же тихо:

— Борода сам дурак. Не надо было орать на нее тогда. Юр, она реально утопиться хотела?

— Как утопиться?!

— Ну, я думал, ты знаешь.

Прощай сон. Сажусь на постели и начинаю одеваться. Сита молчит, слышит, как застегиваю молнию на куртке и шепчет:

— Не хочешь об этом говорить? Я в ту ночь не спал. Все слышал.

Останавливаюсь перед выходом из палатки и замираю:

— Все слышал?

— Да.

Смеюсь:

— Тогда ты сам все знаешь, о чем говорить? А Женька мне ее не простит. Так что не светит мне вернуться в отряд.

Выхожу под звезды на холодный воздух, хорошо тут. Здесь — мой дом. И когда я в горах, мне вообще-то безразлично все остальное, а тем более чужие жены, к которым я не имею никакого отношения. Знал бы, что так получится, в жизни не подошел бы к ней тогда. Хотя... Неужели правда хотела утопиться? Постоял несколько минут, вдыхая чистый горный воздух, и вспоминая ту ночь и те ощущения. А ведь Сита прав. Она не просто сидела там и рыдала, смерть была в ее мыслях. Это-то меня подняло и бросило к реке. Я же прибежал туда, сам не зная зачем. Бека сказал бы — «чуйка» привела. Увел ее плачущую с берега, и мы сидели до утра у стенки палатки, считали звезды в далекой галактике. Знал бы Женька. Мысленно ржу: похититель чужих жен.

Слышу чьи-то шаги за спиной. Чувствую, что это Сита. Подходит, останавливается рядом и смотрит на темный контур Хан-Тенгри. Молчим. Вдруг Сита, посмеиваясь, говорит:

— Я даже не знал, что ты можешь за ночь весь сюжет Звездных Войн пересказать. Фанат, однако. И рассказываешь хорошо, будто книгу читаешь. Я аж заслушался и про сон забыл.

Невольно усмехаюсь. Да, Сита не соврал, он все слышал в ту ночь. И вот уже оба тихо смеемся, и чем дальше, тем сильнее.

— Меня выгнать, а сами смеяться, — словно пародируя Джа-Джа Бингса, говорит незаметно подошедший Бека, — смешно меня выгнать, да?

Ничего ему не объясняем. Сита тут же нашелся и пересказал Беке какой-то бородатый анекдот, и вот уже смеемся в три голоса.

Утром меня будит шум вертолета, привезли новых альпинистов. Сейчас их обрадуют, что восхождение запретил инструктор МЧС. Беки и Ситы уже нет. Что-то я разоспался. Одеваюсь, выхожу наружу, солнце слепит глаза, прекрасный синий день, какой бывает только после бури. Победа сияет свежим снегом, могучий Хан-Тенгри смотрит на нее, любит, упираясь островежкой шапкой в небо. Лучше погоды для восхождения не придумаешь.

Иду к вертолету встречать прибывших. Алексей и Борис уже там, наши все — тоже. Улетят на этом вертолете в Бишкек, а я останусь для проверки маршрута. Вчерашний долговязый выскочка окликает меня по имени-отчеству:

— Юрий Сергеевич, а Юрий Сергеевич!

Оглядываюсь, парень бежит вприпрыжку, улыбается, счастливый, машет рукой. Жду его. Он подходит:

— Простите, а это правда, что вы можете угорить гору пропустить альпинистов?

Улыбаюсь вместо ответа. Парень не смущается:

— Говорят, что вы и погоду хорошей делаете. Три дня было пасмурно, а вы приехали и вот... А по прогнозу сегодня снег. А вы пойдете сегодня туда? Да? С горным духом говорить. А он что — правда существует?

— Не выдумывайте, молодой человек. Я просто проверю маршрут.

Парень улыбается:

— Я думал, вы — шаман. И все такое, бубен там, напевы...

Меня прорывает. Ржу в голос, представив себя на горе с бубном. Весельчак парень. Машу на него рукой и иду дальше. Ну наговорили за ночь в лагере, ну нагородили! Сочинители.

Парень не отстает, быстро идет за мной:

— Юрий Сергеевич!

Останавливаюсь, смотрю на него, он смущенно улыбается:

— Говорят, вы историю района хорошо знаете?

— Есть такое.

— А правда, что у Победы и Хан-Тенгри перепутали названия?

— Была такая история с географией, — думаю, что парень, наверное, без меня литературы читался, но раз спрашивает, так и быть скажу. —

Бытует мнение, что самая высокая точка Тянь-Шаня — пик Победы — и есть настоящий, Хан-Тенгри, воспетый караванщиками. А Семенов-Тянь-шаньский перепутал пики. Но никто не стал идти против его авторитета.

Подходит Сита, слышит последнюю фразу и добавляет:

— А в действительности все еще запутаннее, и Хан-Тенгри вообще неправильное название.

— Да вы что? И эта гора не Хан-Тенгри? — парень указывает рукой на Победу, — и не эта? — машет в сторону Хан-Тенгри.

Я поддерживаю Ситу:

— «Хан-Тенгри» вдобавок и не тюркское слово, оно — монгольское. Переводят как «Властелин неба». Но это не правильно. В названии фигурируют два разных, никак не связанных друг с другом слова — «хан» и «тенгри». Правильный перевод звучит «властелин», «небо». Через запятую. Понимаешь?

— Ага, ну может, это для удобства произношения?

— Нет. Тебе удобно вместо Нижний Новгород сказать Низ Новый Город?

Парень смеется.

— Ну а почему тюркам или кому еще удобно так говорить? Не потому ли, что это две горы? Хан, — указываю рукой на Победу, — и Тенгри, — указываю на Хан-Тенгри. За столетия все перепуталось и смешалось.

— А еще забылось, — вставляет Сита, — но у киргизов до сих пор есть легенда о двух братьях Хане и Тенгри, охраняющих горы Киргизии от злых духов. Хан и Тенгри — духи-стражи — белые барсы без пятен и очень крупные. Ак-илбирс, называем мы их.

— Здорово. Такого я еще не слышал. Два брата смотрят друг на друга через ледник.

Переглядываюсь с Ситой, улыбаюсь альпинисту:

— Быстро схватываешь. Именно так гласит легенда.

— Спасибо, Юрий Сергеевич.

— Да не за что.

Уходим, оставив парня разглядывать величественный пик Тенгри.

Возле вертолета вижу команду из Чехии, и издали радостные крики:

— Юрка, привет!

Ускоряю шаги, это же — мои чехи! Так прозвали команду, которой пришлось ночевать у меня в подъезде в спальнях мешках прямо на лестничной клетке. Потому что я ошибся со временем

Художник Кузин Дмитрий

прилета и ждал их в аэропорту, а они меня — дома у закрытой двери. Не растерялись, достали мешки и легли спать. Приезжаю под утро и вижу картину маслом: подъезд, четыре спальника, костерка не хватает.

Обнимаемся с жизнерадостными чехами, они уже знают, что я закрыл маршрут, но смеются вместо того, чтобы расстраиваться.

Ловлю себя на мысли, что смеюсь со вчерашнего вечера. Смеюсь, чтобы заглушить тревогу и чувство неминуемой потери, которое гонит меня в горы. Там что-то совсем нехорошее происходит.

Пока комендант лагеря размещает чехов, собираюсь и ухожу. Но за крайними палатками меня нагоняет Женька.

— Юр, осторожнее там. Говорят, странные тени видели. Бык не бык... Что-то рогатое. А еще следы, такие как возле поляков. Весь лагерь об ак-илбирсе говорит. Я б списал на галлюцинации, если б не у всех одно и то же. И это... прости, что взъелся на тебя. Я не знал, просто увидев вас с Аленкой вместе, вспылил. Не поверил. И...

Протягиваю ему руку, он ее крепко сжимает. Говорю в ответ:

— Я рад, что ты нашел силы поверить. Но кто тебе сказал?

— Сита. Он не спал, оказывается, в ту ночь. Вчера в баре разговорились. Он мне все рассказал.

Сита... Теплое чувство благодарности разливается в груди. А Женька вдруг сгребает меня в охапку и хлопает по спине:

— Черт везучий, иди и разберись, что там происходит. Когда ждать тебя назад?

— Послезавтра к вечеру. Я взял рацию, но если что... Ищите меня ниже Важа Пшавела. Я выше не пойду.

— Хорошо, барс. Иди. Я буду ждать тебя здесь, как в тот день, когда ты первый раз спустился к людям с Хан-Тенгри.

Вздрагиваю и смотрю в голубые Женькины глаза. Он тепло улыбается. Знает? Понял? Или просто так вырвалось под наплывом чувств? Не спрашиваю, киваю и ухожу по леднику на юг, к Победе.

— II —

Миную пустующий лагерь номер один и иду по льду Дикого. Здесь меня уже не видно. Останавливаюсь, оглядываясь на долину. Могучие хребты Тенгри-Таг и Кокшаал-Тау смотрят друг на друга через ледник. Захватывающая дух панорама безмолвного величия. Тишина. Яркое солнце. Ветер молчит. Горы ждут меня. Чувствую, как соскучился Хан. Я — не меньше. Ненужный рюкзак, теплую куртку и снаряжение скинул возле крайней палатки. Найдут их там, конечно, в случае чего. Испугаются: вещи тут, а человека нет. Но я постараюсь, чтобы «чего» не случилось. Жду ответа от горы, но она молчит. Что же происходит? У меня дома — на Хан-Тенгри — все тихо и спокойно. Почему же брат молчит? Какое-то чужое движение, незнакомое, опасное и темное. Скользит в трещинах, ползет змеей вдоль троп. Мерзкий чужак, что тебе нужно в моих горах?

Смотрю на вершину Хан-Тенгри, пирамидой врезающуюся в небо, шепчу ее имя, ее настоящее

имя, и свет солнца проходит сквозь меня, уничтожая мою тень. Теперь я свободен и не связан человеческим телом. Слышу тоскливый зов брата с вершины Победы. Белым барсом мчусь вверх, не оставляя следов, перемахивая через расщелины и пропасти, замечая следы людей на диких тропах, ощущая опасность и тревогу, и чужой недобрый взгляд.

Пещера под пиком Важа Пшавела. О ней люди не знают. Она под толстым слоем вечного льда, прохожу сквозь него в синие чертоги брата:

— Хан!

Он лежит, не двигаясь, большой белый барс без пятен, с темными подушечками лап. Точно такой, как я.

— Брат? — осторожно подхожу ближе, перешагивая через красные пятна крови, такие яркие на светлом льду. Трогаю лапой бок Хана, чувствую, что он пока жив.

Брат приподнимает голову, и два синих глаза вспыхивают на белой морде:

— Ты пришел, Тенгри? Хорошо. Я думал, люди не отпустят тебя. Думал, не дождусь и уйду один. Зря мы их пустили сюда, брат.

Сажусь человеком в белых одеждах рядом с ним и глажу по голове:

— Кто это сделал с тобой?

— Бык. Он пришел за людьми. Это они его привели! — Хан рычит, и горы вздрагивают, с Дикого падает лавина, над пиками взмывают вверх облака, вскипает вода под ледником.

— Спокойно, Хан. Люди не водятся с духами. Они в них не очень-то верят.

Брат переворачивается на спину, лапами вверх, вижу рваную рану на его боку. Пропоротую чем-то острым грудь, перебитую лапу. И не могу в это поверить. Духи неуязвимы и бессмертны. Он читает мои мысли, медленно принимает облик человека и мысленно отвечает:

— Мы не справились. Нас послали охранять горы. Ты помнишь, брат? Белый мир, такой тихий, такой прекрасный. Тысячи лет мы стерегли его покой. Но пришли люди, с веревками, крючками, ледорубами. Полезли на священные высоты. Шумят, гадят кругом, мусорят. Мерзкие, мерзкие создания. А за ними пришли их мерзкие низинные духи, что вьются рядом с ними и питаются их отбросами. Давай сбросим их всех? Зачем ты уговорил меня помогать им? — глаза брата тускнеют, лицо становится прозрачным, чуть слышно шевелит губами. — Я ухожу. Прощай. Я вижу твои мысли, ты будешь драться за них. Быка не победить. Он тут и там... сразу.

Проза. Мистика

Хан рассыпается на сверкающие искорки и исчезает. Закрываю глаза и сдерживаю крик, что рвется из груди. Там внизу десятки людей, нельзя кричать, горы убьют их. Нельзя. Сжимаюсь в комок и молча кричу, беззвучно. Гора вздрагивает, глыбы снега падают с вершины. Ушел брат. Но я знаю: не удержит смерть бессмертного духа, не бывать такому.

Надо спросить у гор, что тут произошло. У снега и камней. У вечного льда. Пусть расскажут. Выхожу из пещеры сквозь ледовую завесу, взлетаю в несколько прыжков на пик. Осматриваю свой дом за облаками. Спрашиваю. Скалы и льды вздыхают, отвечают, отдают свои тайны. И я вижу, что здесь произошло.

Двуногий черный бык пришел не так давно. Пришел вслед за людьми. Издалека. Рыщет по горе, брат его останавливает, но бык не слушает, отмахивается и переходит из мира духов в мир людей. Шатается по склонам, рогами-кинжалами веревки рвет, сталкивает камни и ледовые карнизы на восходителей, мерзко ухмыляется. Вызывает темные тучи и холодные ветра. Что за тварь?

Брат несколько раз перехватывает его, сражаются, но бык легко переходит из мира в мир и нападает там и там. Вот о чем говорил Хан! И вот почему он погиб. Переходя в мир людей, мы становимся такими же уязвимыми, как они. И такими же слабыми. Теряем часть своих способностей, пока снова не возвращаемся в мир духов. А брат отдал свою силу, всю до капли, едва хватило добраться до логова.

Задумываюсь. Внимательно смотрю вокруг. Чужака нигде нет. Тишина, и где-то очень тихо кто-то зовет меня. Осматриваю поток ледника и понимаю, почему поляки до сих пор в коме. Вот они, их жизни, сидят тут, вмерзшие в лед. Вчера Хан хотел их спасти, кинулся белой стрелой между быком и людьми, прикрыл своим телом, отдал силу, не дал замерзнуть... Ждал, пока я приду и найду их. Истекал кровью вместо того, чтобы перейти в мир духов и спастись. Не уберег тех, что вчера сорвались, не мог разорваться между ними. Не знал, кого же стоит охранять. А мне сказал, что у него все в порядке. Эх, брат!

Прыжком слетаю с карниза и несусь вниз в долину. Люди меня не видят, может, заметят, как поземка бежит по льду с исчезающим следом и только. Прихожу на наши вчерашние раскопки, теперь я знаю, откуда здесь столько крови, выдергиваю из небытия замерзшие души, они смотрят на меня детскими беспомощными глазами, не

знают куда идти и что делать. Врата на небе не открылись, а тел для жизни рядом нет. Показываю им дорогу, они взывают к вершинам и исчезают серебристыми полосками. Облегченно вздыхаю, знаю, что польские альпинисты теперь спасены. Кажется, с этим покончено, пора разыскать быка, где же он прячется?

Внезапно меня сбивает с ног, кувыркаюсь по снегу и вскакиваю. Черный дух навис надо мной, рога острые, как два гнутых меча. В глазах адское пламя. Неужто сам дьявол? Зачем пожаловал?

Отвечать не собирается. Нагибает голову и несется вперед. Подпрыгиваю в воздух, и острые рога проходят подо мной, а я уже вскочил на спину быка и вонзил клыки в его шею. Падаю на лед, быка нигде нет, лишь неясная тень скользит вдоль морены. Ушел в мир людей.

Станный он какой-то, этот бык. Рассматриваю его следы, пытаюсь разобраться в ощущениях, пока бык не вернулся. Боль в нем, обида, ярость. Нет, это не дьявол, это что-то другое. Совсем другое. Не древнее, что-то молодое и мстительное. Выскакивает на меня неожиданно сзади. Изворачиваюсь и кричу ему:

— Кто ты? И что тебе надо?

Пролетает мимо, тормозит на льду, катится и тут же разворачивается ко мне.

— Кто ты? — повторяю вопрос.

Тварь, кажется, немая, не отвечает, но останавливается и, нагнув голову, исподлобья смотрит на меня. Вижу его мысли. И невольно отступаю. Тысячи бычьих туш лежат передо мной до самого горизонта. Их принесли в жертву в честь праздника Гадхимаи у подножия нашего старшего брата — Джомолунгмы. Вспоминаю слова Беки об американском альпинисте, и головоломка складывается! Да, брат прав, за людьми пришел сюда бык. В слепой ярости мстил и уничтожал всех, кто был там. Преследовал от самых Гималаев. Но там, в Гималаях, ярость духов обрушилась не на тех людей. И здесь — тоже. Даже тот парнишка из интернета попал под эту слепую месть, а его и рядом не было в Непале. Пытаюсь быку объяснить, что альпинисты животных в жертву не приносят. Но он слишком недалек. Он — лишь дух животной ярости. Он не понимает. И не хочет понимать.

— Уходи. Это мой дом. Уходи.

Считает, что я заодно с теми, кто породил его. И кидается вперед. Катимся по льду, но все мои попытки свернуть ему шею бесполезны. Мы — духи. Мы неуязвимы. Он выскакивает в мир людей, исчезая у меня из-под лап, вижу теперь лишь его

ть на гранях мира. Пытаюсь напасть на нее — бесполезно. Кувыркаюсь через голову и, став человеком, сразу ощущаю холод, идущий от ледника — тонкий свитер не спасает. Бык и здесь лишь тень, скользкая вдоль расщелин. Ну, породили тварь своими обрядами!

Черная тень идет на меня в атаку, хватаю его за рога, они осязаемы! Руки сжимают толстые костистые изгибы снизу, там, где нет острых лезвий. Заворачиваю ему голову, слышу треск, бык вырвался, и острый рог прошел в миллиметре от моего бока, отпрыгиваю и по барсьей привычке взлетаю на спину быку. Катимся по снегу, тварь исчезает из моих рук, уйдя снова в мир духов. Да как же с ним справиться?

Бык делает то, чего я не смогу никогда. Он атакует мою тень в мире духов, и я здесь, в мире людей, падаю от удара. Если он попадет в меня рогом, мне конец. Вскикаю, на грани восприятия чувствую, что он где-то рядом, прыгаю как безумный из стороны в сторону — нет, долго я так не протяну. Резкая боль пронзила плечо, отлетаю в сторону, и красные брызги покрывают снег вокруг. На руке рваная рана, перед глазами неясная рогатая тень, кувыркаюсь через спину, и вот мы оба — раненый барс и черный бык — стоим друг пред другом в мире духов. И я вижу кое-что: у быка обломан рог. Мне удалось это. Усмехаюсь, он, кажется, тоже устал. Мычит, нагибает голову и идет в атаку; отпрыгиваю, кувыркаюсь и падаю на черную тень уже в мире людей. Падаю барсом. Вгрызаюсь в черную шею, победа близка, но... он ускользнул, каким-то образом полностью уйдя в мир духов. Оглядываюсь по сторонам, рычу, хвост разметает снег, быка нигде нет. Если он сейчас кинется на меня там, я обречен.

В небе блестит яркий сполох. И рядом в снег падает что-то стремительное. В тот же миг я вижу черную тень, но слишком поздно — лезвие рога сверкает на солнце, успеваю только вскинуть лапу для удара и... Белая молния сверкает меж двух миров, сбивает быка в сторону. Не раздумывая, кидаюсь на черную тварь и ударом здоровой лапы сворачиваю бычью шею здесь в мире людей. Пока неожиданный помощник держит его сразу в двух мирах. Под тушей появляется мой брат Хан, улыбка на застывшем лице, кровь на снегу и белом свитере. Он снова ранен. Не удержала тебя смерть в первый раз, не удержит и во второй! Я не позволю. Не отдам на этот раз.

Сталкиваю тушу быка в сторону, и она красным туманом исчезает из обоих миров. Поднимаюсь на задние лапы и становлюсь человеком.

— Хан?! — склоняюсь над братом, ощущаю его дыхание.

Поднимаю на руки. Хан сделал то, что делал всегда: встал между опасностью и жертвой, принял удар острого лезвия на себя. Вернулся с удвоенной силой, чтобы помочь мне. Не ощущаю его тяжести. Иду с ним вниз по склону. Как мы тут оказались? Были же на леднике.

Иду слишком медленно, надо быстрее... Быстрее... Еще быстрее. Рыхлый снег вокруг, впереди лагерь номер один, но там нет людей. Мне никто не поможет. Я могу перекинуться в мир духов, но Хан не может, он без сознания. Пока очнется — умрет человеком. Снова умрет. Не хочу видеть это опять. Падаю в снег. Правую руку пронзает боль, я сгоряча забыл о ране, и она дала о себе знать.

Поднимаюсь, взваливаю брата на плечи и иду вниз.

Зеленые круги перед глазами, солнце слишком яркое. Снег пронзительно белый, пятна кругом. Кровь стучит в висках, иду к ярким куполам палаток, все странно шевелится в лагере. Кажется, я узнаю, что такое высокогорная галлюцинация. Трудно быть человеком. Усмехаюсь и упрямо шагаю дальше.

Из лагеря ко мне навстречу бегут люди. Реальные такие. Я всегда думал, что галлюцинации менее зрелищные. А тут всё как настоящее: Женька, Сита, Бека. О, Борис с Алексеем. Удивительно. Продолжаю шагать. Навстречу такому реальному видению.

— Юрка, живой! — Женька первым подбегает ко мне. — Мы не знали, что думать, когда твой рюкзак нашли!

Смотрю на него и медленно оседаю в снег. Осторожно снимаю брата с плеча. Ребята окружают меня, слышу встревоженные вопросы о лавинах, сошедших за последний час, красном тумане в горах и чудовищном рыке. Сита садится рядом и берет за плечо:

— Юра, да ты слышишь нас? — слегка встряхивает меня. — Кто это? Кого ты принес? Откуда? Там же на горе никого нет?

Не отвечаю ему. Медленно доходит, что ребята настоящие. Обвожу их взглядом, они оторопело смотрят на Хана, ничего не понимают. Мы с братом очень похожи, как и положено братьям. Тихо спрашиваю:

— Андреич с вами? — было бы слишком хорошо, если б и врач пришел.

— Нет, — Женька приседает на корточки рядом со мной, смотрит на разорванную окровав-

ленную одежду Хана, осторожно отводит рукой в сторону обрывки одежды, рана ужасающая. Начальник не теряет:

— Носилки сюда, быстро!

И когда Борис с Алексеем бросаются назад в лагерь, он спрашивает:

— Кто это, Юра?

— Мой брат — Хан.

— Э? — Борода вопросительно смотрит на Ситу, Сита пожимает плечами и странно улыбается. Словно догадался о чем-то, но говорить не спешит.

Бека щурит глаза, тихо рассуждает:

— Если он — твой брат Хан, то... ты — Тенгри. Как такой может быть? Это — жомок, как по-русски жомок?

— Сказка, — нетерпеливо подсказывает Сита, и добавляет: — а Бека прав. Получается, что ты — горный дух. Да мы слепые были! Чуйка, погода всегда налаживается, лавины останавливаются, несчастья отступают...

— И я думать всегда, какой-токой Юрка странный, — Бека смотрит на меня с почтением, — дух гор... ак-илбирс, — и шепчет на киргизском полузабытые слова обращения.

Чувствую бекину веру, и от этого сам становлюсь сильнее, мощь гор поднимается от скал, бежит по венам, растекается по телу. На глазах у

друзей рана на моем плече исчезает, кровавые пятна растворяются, и свитер сверкает первою белизной. Жаль не могу брата сейчас вылечить. Нет у меня таких способностей.

Ребята суеверно отступают на шаг. Сита сдерживает вздох, Бека испуганно замолкает. Женька вздрагивает, но не отодвигается, смотрит на меня пристально, как тогда на леднике, когда поляков откапывали:

— Мы вчера следы Хана видели?

— Да, он спас тех ребят.

— Угу, — Женька мычит что-то в бороду, затем неуверенно спрашивает:

— Твое настоящее имя — Тенгри, как в легенде?

Улыбаюсь в ответ.

Борода вглядывается, будто ищет ответы в моих глазах:

— Эх, Юрка, Юрка. Я всегда думал, что с тобой не так? С первой встречи на Хан-Тенгри думал, когда ты ниоткуда появился позади меня. Прямо из барсыих следов. Что ж ты столько лет молчал?

— А ты бы поверил?

— Наверное, — начальник встает, и резко командует, — быстро тащим Хана до площадки, некогда расслаживаться!

Ребята подхватывают Хана, хотят нести вниз, но уже подходят Борис с Алексеем, укладывают брата на носилки и несут в базовый лагерь.

Поднимаюсь на ноги, смотрю им в след. Женька останавливается, оборачивается:

— Ты остаешься? Брата куда? В Каракол?

— Нет. Брат без горы не может. Обработайте раны, окажите первую помощь. Он придет в себя, возьмет силу гор... Только не мешайте ему и верьте.

Борода молча кивает. Потом стоит несколько мгновений и шагает ко мне. Протягивает руку для прощания, я жму ее в ответ:

— Иди, барс. И возвращайся скорее. Сам знаешь, дел много. А что с маршрутом?

— Путь открыт. Можно подниматься. Хан разрешит.

— А ты?

— Я уже давно разрешил.

Улыбнувшись, отступаю от друга, и свет солнца проходит сквозь меня. А Женька остается смотреть, как легкая поземка замечает следы барса, убегающие к вершине.

Ледник Звездочка — неофициальное название части ледника Южный Иньльчек, в месте его слияния с ледником Пика Дружбы.

Снежный Барс — звание в альпинизме. Дается за покорение пяти высочайших вершин СНГ, не путать со званием «снежный барс России».

Пик Важа Пшавела (западная Победа) — высота 6918 м., находится на классической трассе восхождения на Победу перед 6-м лагерем.

Гадхимаи — фестиваль Гадхимаи проходит раз в пять лет. Во время праздника приносятся в жертву тысячи крупных и мелких животных. В 2014 г. было забито 250000 буйволов в этот праздник.

Вершина К2 (Чогори) — высота 8611 м. Вторая по высоте после Джомолунгмы, но по сложности восхождения намного труднее.

Землетрясение в Непале 2015 года — сильнейшее землетрясение за столетие, унесшее около 8000 жизней.

Ак-илбирс (кирг.) — дословно: белый барс. Синоним горного духа, символ свободы и красоты дикой природы Киргизстана.

Тенгри-Таг — горный хребет Тянь-Шаня; наивысшая точка хребта — пик Хан-Тенгри.

Ледовый поток — имеется в виду крупнейший на Тянь-Шане ледник — Иньльчек.

Пик Хан-Тенгри — высота 6995 м. По последним данным — 7010 м, но считается, что это неточность из-за ледовой шапки.

Пик Победы — самый северный семитысячник мира. Высота 7439 м. Расположен в 16 км от Хан-Тенгри.

Албасты — злой дух. Встречается в легендах разных народов. У киргизов албасты приписываются «удушения» спящего человека, а так же разные необъяснимые происшествия.

Перевал Дикий — ледовый перевал между первым и вторым лагерем. Опасен частыми сходами лавин.

Михалевский Георгий

<https://writercenter.ru/profile/George/whois/>

Дмитрий Кузин (Rulez)

<https://www.artstation.com/rulez/>

<https://render.ru/ru/articles/post/10795>

Карта-призрак

Махавкин Анатолий

Я замер, осматривая крошечное помещение, в котором оказался. Низкий потолок, сырые каменные стены и неровный пол с лужицами мутной влаги. Пара нар — ничем не прикрытых деревянных лежаков с разноцветными разводами плесени. Маленькое зарешеченное окошко, за которым шёл частый дождь. Капли непрерывно залетали внутрь, и лужа в этом месте казалась самой большой из всех.

Скрипнув зубами, я повернулся и принялся колотить кулаками по холодной поверхности мощной металлической двери. Казалось, будто звук ударов не шёл дальше, увязая в непреодолимом стальном препятствии.

— Отпустите меня, уроды! — боль пронзила кисть, и я злобно пнул металлическую пластину, закрывающую выход, — Какого чёрта? Когда выберусь, всем сверну шею, засранцы!

— Кто ты?

Я перестал колотить в дверь и обернулся. Чёрт, как я его раньше не заметил? Старик с длинными нечёсаными волосами, упавшими на морщинистое лицо. Он сидел на одной из нар, в самом углу, и кутался в жалкое серое тряпье, напоминающее ночную рубашку. На меня он, кажется, не смотрел.

— Я? Егор.

— Имя, всего лишь имя... Что в имени твоём, Егор? — Он плямкнул губами. — Кто ты?

Что он имеет в виду? Профессию? Сам не знаю, как это называть — то ли спецназ, то ли разведка, то ли вольный стрелок. Лётчик, блин, для особых поручений.

— Воин.

— Воин? — В прорехе между седых волос появился блестящий глаз. — Почему ты здесь, воин?

— Не знаю! — глухое раздражение прорвалось наружу, готовясь превратиться в обычный фонтан ярости. Откуда взялись сумрачные силуэты, молча скрутившие руки за спиной и впихнувшие в эту дыру? В памяти — провал. — Понятия не имею.

— Зачем ты здесь, воин?

— Дед, ты дурак? — Я двинул по двери так, что хрустнули кости, и зашипел от боли. — Не знаю! Что за место, мать его? Тебя тут за что держат?

— Место как место, не хуже и не лучше других. — Старик зевнул и похлопал ладонью по лежаку: — Перестань мучать себя, присядь. Эту дверь тебе всё равно не сломать.

— Сам знаю. — Я сделал несколько шагов из угла в угол, потом попытался выглянуть в окно, уцепившись за прутья решётки. Ни черта не видеть: капли летят прямо в лицо и всё расплывается в серую муть. Я чертыхнулся, спрыгнул вниз и посмотрел на старика. Он раскладывал перед собой большие карты с яркими картинками. — Какого дьявола ты делаешь?

— Ищу выход, — он захихикал. — Хочешь, научу?

Всё ясно: меня сунули в одну камеру с психом. Вспомнить бы, что произошло.

— Нет, кроме шуток, — дед опять постучал ладонью по доскам, — присаживайся. Понимаешь, воин, отсюда просто нет другого выхода. Единственный способ уйти — правильно разложить пасьянс.

Photo by LJ.

Ну точно, крыша уехала всерьёз и надолго.

Я подошёл к двери и стукнул ногой: нет реакции. Приложил ухо к холодной поверхности: тишина. Такое ощущение, будто снаружи нет вообще ничего. Хорошо хоть ледяная сталь несколько остудила пылающую голову и я смог сосредоточиться.

Нужно любой ценой подать знак своим — или командиру, или Костику. Почему-то при воспоминании о товарище внутри что-то болезненно сжалось. Да, с Алей нехорошо получилось...

— Ты собираешься вечно стоять перед закрытой дверью?

— Нет. Нет, чёрт возьми! Я собираюсь выйти наружу.

— Тогда выслушай меня ещё раз, и внимательно: отсюда нет выхода. Единственный способ выйти — правильно разложить пасьянс.

Я посмотрел на своего нечаянного соседа: он выглядел старым, дряхлым, но не сумасшедшим. Да и говорил внятно и чётко. Что я знаю о психах? Ничего. А если... Если тут ведётся прослушка и дедуган пытается о чём-то поведать, чтобы не поняли слухачи?

Я сел на нары рядом со стариком. Он улыбнулся и отбросив с лица седые волосы, торопливо со-

Проза. Мистика

брал карты в колоду. Напоминают Таро, какие я видел у Алевтины, но рисунки совсем другие.

— Научить?

— Хрен с тобой, — я сжал пальцы до хруста, — учи.

— Вытаскивай карты из колоды и выкладывай их пирамидой. Сначала — шесть, потом — четыре, две и одна.

Я вытащил одну, с единорогом в розовых кустах, а потом — вторую, с кораблём в густом тумане. Девушка у окна и луна на фоне ночного неба, испуганный котёнок и взрыв. Всё, нижний ряд готов.

— Ты не принимаешь красоты, — размеренно сказал старик, даже не попытавшись глянуть на получившийся ряд, — Боишься любви и ненавидишь слабость. Давай дальше.

Ухмыльнувшись, я продолжил. Царь на троне и меч в камне. Рукопожатие и волк над забитой овцой.

— Жаждешь власти, полученной силой, и плевать хотел на дружбу. Ты — не очень хороший человек, воин.

— Откуда тебе знать? — Ну, да, у меня не так уж много товарищей. Я и сам могу справиться с неприятностями.

Оскаленный дракон и гриб ядерного взрыва.

— Ярость, с которой ты не можешь да и не хочешь справляться. Тащи последнюю карту.

Странно: колода в руках старика казалась такой пухлой, а вот уже осталась лишь одна карта. Крепость под проливным дождём.

— Нет выхода, воин. Ты не смог сложить пасьянс.

Дерьмо какое! — Я нервно сдвинул карты: — В чём смысл всей этой чепухи? Как можно выйти?

— Найти карту-призрак.

— Что?! Дед, да ты точно с катушек съехал! Я-то подумал...

Сплюнув, я перебрался на свободные нары и сел. Холодно, сыро, капли летят из окна, оседая на коже. Не знаю, как, но мне удалось задремать, прислонившись затылком к влажной стене. Приснился Костик. Товарищ выглядел сердитым и что-то резко высказывал мне. Попытался взять за грудки. Потом появилась Алевтина, и я проснулся.

Ничего не изменилось: камера, дождь за окном и косматый старик, перебирающий колоду.

— Расскажи про свою жизнь, воин. Где был, что делал?

— Жрать тут когда дают? — я не чувствовал голода, но и о прошлом разговаривать не желал. Слишком много там таких вещей, о которых не говорят с посторонними.

— Никогда, — спокойно откликнулся старик. — Почему ты здесь, воин?

— Не знаю. Какого чёрта ты привязался?

— Зачем ты здесь, воин?

— Ты прикалываешься, задавать один и тот же вопрос?

— Это — разные вопросы. Хочешь выйти наружу? Для этого нужно найти карту-призрак.

— Пошёл к чёрту!

Сумерки незаметно, прикрываясь струями дождя, вползли через окно и мало-помалу воцарились внутри. Всё исчезло, оставив только крошечное окошко, сереющее среди абсолютного мрака. Из звуков остался только шелест дождя, да удары тяжёлых капель о пол. Мой сосед сидел так тихо, будто его и не существовало.

— Дед, ты здесь? Ответь, чёрт тебя дерит!

— Здесь я, здесь. Хочешь поговорить?

— Не знаю. Блин, ну не сидеть же просто так!

— Хорошо, расскажи про свою жизнь.

И я психанул. Начал рассказывать про школу, про двор, про драки, в которых участвовал, про сильных врагов из соседнего дома, от которых огребал по самое не балуй. А потом вместе с Костиком ходил в качалку и готовился. В конце концов мы положили всех уродов, и нас загребли менты.

— Значит, все свои проблемы ты привык решать с помощью силы? Выходит, карты не соврали?

— А по-другому и нельзя, дед. Весь мир — против тебя, и ты против мира, в одиночку.

— А как же твой друг, Костя? Он — против или за?

Напряжение рассказа отступило, и я захотел спать. К нам так никто и не пришёл. Я повалился на нары и, охватив себя руками, заснул. Приснились струи дождя и вой приближающихся сирен.

Проснувшись, я первым делом огляделся: маленькое серое помещение, дождь за крошечным окном, неприступная стальная дверь и старик, раскладывающий пасьянс. Он что-то бормотал.

— Почему ты здесь, воин?

— И тебя с добрым утром, — я зевнул. — Вертухаи не приходили?

— Никто не придёт, — он хихикнул. — Зачем ты здесь, воин?

— Знаешь, это даже не смешно. — Я поднялся, проделал комплекс упражнений и умылся водой из лужи. Неужели уроды решили уморить нас голодом? — Ты сам тут давно сидишь?

— Целую вечность, — он внимательно рассматривал карты. — Ты ещё не передумал выходить на свободу?

— И для этого нужно найти долбанную карту-призрак? — Я хмыкнул и подошёл ближе: — Чёрт, а я думал, у тебя один набор. Ты их как — в рукаве прячешь?

— Садись, — он ловким движением опытного шулера смёл разноцветные прямоугольники, — тяни.

Скала и волны. Солнце и песок. Камень и череп.

— Недоступен и твёрд, как скала, — старик бормотал, нервно сплетая пальцы. — Внутренне опустошён и очерствел, подобно камню.

— Чувь, старый, полная чувь: неужели во мне не осталось ничего хорошего? Давай дальше.

Река и дамба. Сломанная стрела и глаз.

— Сам остановил свои чувства и утратил чистоту взора.

— Отвали! Как там найти твоего призрака? Ещё давай!

Серый и чёрный прямоугольники. Ну, понятно! Я даже не удивился, когда узнал, что впереди меня ожидают мрак и забвение. Что там на последней? Всё тот же замок в струях дождя.

— Почему ты здесь, воин? Зачем?

Кажется, у меня самого немного сорвало крышу. Я наорал на психованного деда, обзывая дурака последними словами. Потом, чтобы не придушить, подошёл к двери и начал колотить в неё кулаками. Бил, пока не лопнула кожа, и только тогда обратил внимание, что губы шепчут: "Прости! Прости!"

Дерьмо какое-то...

Я сел на край нар и уставился на кровоточащую ладонь. Облизнул ранку, ощутив на губах солёный привкус. Кровь. В моей жизни было так много этой субстанции, бесполезно истекающей из разорванных сосудов. И чувства, разные чувства. Радость и облегчение, если это — кровь врага. Бешенство, когда твоя.

— Расскажи про себя, воин.

Я зарычал от бессилия и ярости: не уйти, не убить. Не оставаться же один на один с трупом! А потом начал рассказывать.

Про девушек и женщин, оставшихся в прошлом. Кого я отбивал у знакомых, польстившись на красивую мордашку. Кого соблазнял деньгами, а кого — просто запугивал, пока они не соглашались пойти со мной.

— И ни одна, ни одна тварь, — я сорвался на крик, — не то что не любила меня, но даже не пыталась хранить верность! Только Аля...

Я осёкся, а старик с интересом уставился на меня.

— Кто это?

— Алевтина, сестра Кости — моего товарища. Она тоже была мне как сестра.

— А потом?

— А потом — суп с котом!

— Хочешь выйти отсюда?

— Дед, да завязывай ты со своими фокусами. Нет никакой карты-призрака, ни хрена нет. А ты — просто старый псих. Отстань.

Аля расцвела так неожиданно, что я и не поверил своим глазам, когда, вернувшись после очередной командировки, обнаружил в квартире Кости божественное создание, полное истинной кошачьей грации. И тогда же решил, что она станет только моей. Чего бы это ни стоило.

И всё получилось без особого труда.

Вроде бы.

Почему я не могу вспомнить? Мешает бубнёж соседа: "Почему ты здесь, воин? Зачем?"

Не знаю! Какая-то, мать её, ошибка. Так случается. А может, пересмотрели приоритеты, и теперь былые подвиги стали преступлениями.

Но вместо этого я почему-то ответил:

— Не помню, старик. Отстань ради бога!

Накатила жуткая апатия. Я сидел на нарах, смотрел за окно и терялся в серых струях дождя. Казалось, будто нет никого и ничего, кроме этих бесконечных струн, сшивших небо и землю. Хотелось вцепиться в них руками и рвануть изо всех сил. Возможно, именно тогда распадётся гнилая ткань и в прорехе я увижу...

Испуганные и укоряющие глаза Али?

Что происходит?

Я снова подошёл к двери и начал размеренно колотить в неё пяткой. Затылок, прижимающийся к гладкой стали, ощущал глухие удары, волнами исчезающие в бесконечности. Нет, ни хрена нет... Только эта проклятая комната, чокнутый сосед и дождь за окном.

Старик молчал, и я с ненавистью спросил:

— Что молчишь? Почему не задаёшь свои дурацкие вопросы?

— А ты готов отвечать? — с живым любопытством поинтересовался он. — Готов найти карту-призрак?

Я подскочил к нему и начал трясти, колотить о стену тщедушное тело, состоящее, как показалось, из одних костей, завёрнутых в ветхую ткань рубахи.

— Нет никакой карты! Нет, понимаешь?!

Я отшатнулся, когда он рассмеялся, а потом протянул колоду.

Photo by LJ.

— Тяни.

То ли стон, то ли волчий вой вырвался из моей глотки, но я коснулся холодных прямоугольников и потянул один на себя. Почему карты не повторяются? Ну, кроме той, верхней, с замком?

Багровая луна и туча. Молния и кратер. Разбитое яйцо и богомол.

— Ощущение приближающегося несчастья и туманное будущее. Привычка мгновенно реагировать на неожиданности, даже не задумываясь о последствиях, какими бы ужасными они ни были. Страх постоянных отношений. Воин, почему тебе так страшно жить? Может, тебе просто остаться здесь? Тихо, спокойно...

— Иди на хрен! Давай карты.

Пылающая бумага и болото. Голое дерево и ворон.

— Отказ от прошлого и неприятие совершённых преступлений. Воин, у тебя действительно отсутствуют обычные человеческие желания? Почему ты не хочешь стать обычным человеком, а не ходячим танком, защищённым от всего на свете? Тебе так страшно открыться?

— Вокруг одни враги!

— Ха! У тебя — один-единственный враг, и он совсем не снаружи. Бери карту.

Решётка, за которой тьма и окровавленный кинжал. Старик молчал, сосредоточенно изучая рисунки, а потом тронул карты. Его тонкие высохшие пальцы дрожали.

— Какой груз на твоём сердце? Что за чудовищное преступление ты совершил, воин?

— Ничего я не делал, понятно?! — Последняя карта с замком сама перевернулась и упала на пол. — Ничего!

Я сбросил и остальные карты к последней, заметался по камере, вцепившись пальцами в волосы. Карты-призрака не существует! Ничего не существует! Ничего! Разбежался и ударил плечом в дверь. Боль пронзила всё тело, и я сполз на пол. Почему так больно? Ведь болит нешибленное плечо, а что-то внутри. Что-то, словно огонь, сжигает внутренности и плавит разум.

— Почему ты здесь, воин?

— Я что-то сделал, что-то ужасное...

— Зачем ты здесь, воин?

— Не знаю, не могу понять.

Я забылся прямо там, под дверью, и во сне вновь видел дождь, серые тени домов вокруг и слышал звук приближающихся сирен. В кошмаре очень не хотелось оборачиваться, но я всё же повернул голову и увидел открытую дверь знакомого дома. Дома моего единственного друга.

Я вспомнил.

И проснулся.

Вновь наступил день, и струи бесконечного дождя серой пеленой застилали мир. Но это уже не имело значения. Потому что я вспомнил.

Костя позвонил и попросил прийти, поговорить. Судя по срывающемуся голосу, он узнал всё. Всё о том, что произошло между мной и Алей. А ведь уже прошёл целый месяц, и я успел обзавестись новой пассией, почти забыв о мимолётной интрижке.

Поэтому, когда друг спросил о женитьбе, я только рассмеялся. Он сначала не понял, а когда сообразил, ударил меня по лицу. И я сорвался. Приложил так, как бил только врагов на заданиях. Костя отлетел, задел головой шкаф и распластался на полу. Открытые глаза укоризненно смотрели на меня, но грудь не шевелилась.

Я оторвал взгляд от неподвижного тела и увидел Алю, испуганно застывшую в дверях. Что-то в её глазах словно толкнуло в грудь, вышибло на улицу под колючие струи дождя.

А потом смутные тени набросились со всех сторон, заломали руки и впихнули в крохотную комнатушку.

— Почему ты здесь, воин?

— Я убил своего единственного друга.

— Зачем ты здесь, воин?

— Чтобы научиться быть человеком.

Колода упала на влажный пол передо мной и чисто машинально я начал брать карты, раскладывая пасьянс.

Человеческое сердце и сверхновая. Птица между облаков и звезда в ночном небе. Светило, поднимающееся из туч, и солнечный зайчик на стене.

Осознание, надежда и шанс на спасение. Я сам откуда-то знал значение карт и не нуждался в комментариях старика.

Цветок в конверте и улыбка. Распятие и ладонь на голове повинного щенка.

Любовь и прощение. Я даже надеяться не мог, но всё же...

Замок под дождём и коленопреклоненная фигура.

Раскаяние.

Последняя карта лежала картинкой вниз, и очень медленно и осторожно я перевернул её. Кажалось, даже шум дождя отступил, оставив только глухие удары сердца.

Карта-призрак.

Седой старик с длинными распущенными волосами, упавшими на морщинистое лицо.

За спиной тихо скрипнули давно не смазанные петли. Я ощутил дуновение влажного ветра и услышал шлёпанье тяжёлых капель об асфальт. Потом встал и толкнул насквозь прогнившую фанерную дверцу. Такая не остановит даже ребёнка.

Это был тот самый вечер, когда я убил Костю. И место перед его домом. В дождливом мраке сверкали мигалки полицейских машин. Чуть помедлив, я отправился навстречу приближавшимся сиренам.

Махавкин Анатолий

<https://writercenter.ru/profile/fidelkastro/whois/>

Photo by LJ.

<https://www.flickr.com/photos/16536699@N07/page1>

О ноябре, вечности и дурных привычках

Кутман Евгения

Ennio Morricone
"Le Vent, Le Cri"

Горячий кофе обжёт руку, оставляя болезненный след. Чашка хрупнула об угол столешницы и ускакала вниз, превращая затёртый линолеум в мечту абстракциониста.

— Вот дерьмо! — Поджимаю губы и грохаю туркой по чугунной решётке плиты.

Дурная привычка — ругаться. Но соблюдать детские запреты — привычка еще более дурная. У чашки откололась ручка. Верчу два фарфоровых кусочка — большой и маленький, пытаюсь приложить один к другому. Зачем? Бессмысленная трата времени. Кидаю обломки в ведро и иду за тряпкой.

Горьковатый аромат щекочет язык, но кофе больше не хочется. Слово с разбитой чашкой пропало и желание. Надо переставить турку в раковину, протереть плиту. Но вместо этого достаю с верхней полки бокал, из холодильника — недовыпитое Шабли с огрызком сулугуни и подхожу к окну.

Четвертый этаж серой "панельки" не может похвастаться панорамным обзором. Кусок дороги мигает светофором и разбегается на перекрёстке. Мутным аквариумом вырастает остановка, с которой Стас ежедневно уезжает на свои мегаважные совещания. За остановкой начинается парк. Я знаю, что он большой. Помню каждую аллею, каждую скамейку. Но из окна видна только ограда и несколько потемневших деревьев.

Не выдерживаю, достаю телефон. Когда приходили последние сообщения? Вчера, позавчера? Надо взять себя в руки и выполнить обещанное — заказчик скоро потеряет терпение и потребует назад свой аванс. Надо взять себя в руки... В комнате ждут загрунтованные холсты на подрамниках. Их не видно с кухни, но, как и парк за окном, я легко могу представить три разноцветных прямоугольника у дальней стены.

Вино заканчивается предательски быстро. Отправляю остатки сыра обратно в холодильник, попутно провожу ревизию запасов. Не густо. Значит, придётся сделать то, к чему я готовилась несколько дней, — выйти наружу.

Одеваюсь нарочито медленно: руки дрожат. Чёрт, ещё же не вымыла турку? Радостно вжикает молния, куртка возвращается на вешалку. Стоп. Так дело не пойдёт. Дуб, орех, мочало — начинай сначала. Супермаркет в двух шагах от дома, пятнадцать минут туда и обратно. Нужно просто успокоиться и открыть дверь. Нужно успокоиться.

На улице прохожих мало — середина рабочего дня, спальный район. Сорок три шага до выхода из двора, девяносто семь до дороги. Если считать шаги, проще сосредоточиться, не поддаваться панике. Теперь самое тяжёлое — пешеходный переход. Окружающее пространство давит, торопит, зелёный человечек мигает, превращаясь в уродливую кляксу. Под раздражённое шипение колес заскаки-

ваю на край тротуара. На негнущихся ногах прохожу оставшийся путь до магазина, кляня улицу, водителей и свою самоуверенность. Что стоило позвонить Стасу, попросить купить продукты после работы? Так нет, хочется доказать — ему или себе? — что я не окончательно выжила из ума! Что могу выйти из дома, могу приготовить шикарный ужин. Могу заслужить восхищение, а не жалость! И потом, Стас всё равно не купил бы мне вино.

На кассе отбиваю молоко, хлеб, курицу и две бутылки Пино Гриджио — про запас. Начинается обратный отсчет: тридцать девять, девяносто семь, сорок три. Последние шаги стараюсь делать медленнее, но в результате чуть не бегу к подъезду, эстафетной палочкой выставив брелок домофона.

У лифта сталкиваюсь с незнакомцем. Высокий шатен в графитовом пальто и невозможно оранжевых кроссовках снова и снова нажимает кнопку.

— Похоже, не работает? — полувопросительная интонация, извиняющаяся улыбка.

— Работает, — бормочу, оттесняя парня. Не особо дружелюбно, но кто же улыбается незнакомцам? — Просто дом старый, иногда вредничает.

Шершавый кругляшок вспыхивает оранжевым. Не многовато ли оранжевого для одной лестничной клетки? Где-то вверху просыпается "монстр" и, скрипя "суставами", ползёт вниз. Скорее бы!

Взгляд незнакомца буравит ухо:

— Привет.

— Вы это мне или ему? — уточняю на всякий случай, кивая в сторону раскрывшегося лифта.

— Тебе, — смеётся собеседник.

Ненавижу, когда "тыкают" без разрешения, но сейчас сердиться не получается — — мешает странная мысль: может, мы знакомы? Заходим в кабину, молча жму "четвёрку".

— Одолжишь перфоратор? — доносится сбоку. — У меня есть чай.

Станный парень, странный разговор. Чувствую себя Алисой, встретившей Шляпника.

Арт Белка Елена

Проза. Мистика

— Для чая нужен перфоратор?
— Чай для тебя, — опять смеётся настырный тип. — Арендная плата за щедрость.

Лифт дёргается, останавливается, не давая возможности подумать над ответом. Оборачиваюсь на выходе:

— Откуда ты знаешь, что у меня есть перфоратор?

— Знаю. А разве у тебя его нет?

Скажи: "Нет", — бьётся в голове.

— Есть.

Щёлкаю замком, лезу под шкаф в прихожей. Незнакомец ждёт у порога.

— Вот, — протягиваю тяжёлую коробку.

Стас скажет, что я наивная дура! Скажет, что нельзя доверять первым встречным!

— Спасибо, — парень перехватывает ручку и отступает, пропуская вперёд. — Идём?

— Куда? — запинаясь у входа.

— Пить чай.

Старина-лифт распахивает нутро. Поднимаемся на девятый. Квартира Шляпника встречает дверь с разорванным кожзамом и белёсыми проплешинами синтепона.

— Здесь, кажется, жила старушка, — пытаюсь припомнить соседей по подъезду.

За дверью почти пусто, пахнет краской. В единственной комнате под свисающей с потолка лампочкой скучает стремянка. На лоджии — накрытый оранжевым пледом гамак.

— Что будешь: вафли или смородиновое варенье? — вопрос застаёт врасплох.

Люблю смородиновое варенье, но сейчас почему-то стесняюсь.

— Просто чай.

Кухня выглядит не так аскетично: плита, холодильник, стол с двумя стульями, электрический чайник. Чай не пакетированный — свежесваренный. Дую на кружку, собираясь с мыслями.

— Я, кстати, Лида. А ты?

— Ноябрь, — улыбается собеседник, намазывая вафлю вареньем.

Хороший бред заразителен.

— Где же остальные братья-месяцы?

Молчание и хруст вафли. Попробуем по-другому:

— Прости, но ты мне не нравишься! — подкрепляю решительность глотком чая. — Ты серый, холодный и дождливый. Лучше будь Июлем или Январём.

— Согласен. Но выбирать тебе, — и указывает взглядом в окно.

Смеюсь:

— Я что, могу назвать любой месяц? И на улице сразу пойдёт снег? Или зацветут подснежники?

— Возможно. Только перестань прятаться.

Почему-то его слова не кажутся шуткой. Почему-то они больно ранят. Странная игра надоедает. Отодвигаю кружку с недопитым чаем, встаю. Ноябрь крепко хватает за запястье.

— Лида, пожалуйста, послушай! — теперь его голос хриплый и отчаянный. — Ты застыла — ни вперед, ни назад! Держишься за прошлое, отталкиваешь будущее...

— Хватит! — вырываю руку и почти бегу к входной двери. Что делать, если она окажется заперта?

— Отпусти его! — слышу за спиной. — У тебя ещё есть выбор...

Открыто. Подхватываю ботинки и куртку, вылетаю в подъезд в одних носках. Ступеньки мелькают перед глазами, как и багровые цифры на стенах лестничных клеток. Царапаю ключом замок, хлопаю дверью и тяжело опускаюсь на пол.

Почему я решила, что Ноябрь будет за мной гнаться? Нет, неверный вопрос. Почему я вообще к нему пошла? Стас с ума сойдёт, если расскажу ему про встречу... Когда расскажу... Стас... Чёрт, ещё же нужно приготовить ужин! Взгляд останавливается на пакете в углу прихожей. "Хорошо, что взяла не замороженную курицу", — вздыхаю с облегчением. И вдруг начинаю безудержно хохотать, сбрасывая оцепенение.

Утро будит голосом Клауса Майне:

"...Is there really no chance
To start once again
I`m loving you..." *

Нащупываю телефон, тыкаю крестик и перекатываюсь на подушку Стаса. Вдруг получится подглядеть его сны? Вчера был какой-то идиотский день: разругались на пустом месте, разбрелись по разным углам. Столько лишнего наговорили! Надо мириться.

Блестят золотистые цветы на шторах, пропуская в комнату серый свет. Далёким приливом бормочет телевизор в соседней квартире. Вылезаю из тёплого кокона одеял и иду умываться. У стены напротив стоят три разноцветных прямоугольника. Когда были последние сообщения от заказчика? Вчера, позавчера? Надо взять себя в руки и выполнить работу! К тому же, аванс давно потрачен.

Надо взять себя в руки... Надо! Но только не сегодня. Временная индульгенция притупляет совесть. Одеваюсь, ползу на кухню за дозой "баварского шоколада".

— Вот дерьмо!

Горячий кофе обжигает руку, оставляя болезненный след. Чашка падает вниз, кружится по линолеуму, рисуя коричневатые разводы. Да что со мной сегодня не так?! Грохаю туркой по плите и иду за тряпкой. Смываю с пола кофейный авангард, поднимаю чашку. Облегчённо вздыхаю — целая. Достая с верхней полки бокал, из холодильника — невыпитое Шабли и подхожу к окну.

Снаружи сейчас всё монохромное: выцветшие дома, сизое небо, грязные лужи. Даже воздух какой-то серый, потерявший прозрачность. Такой становится вода, когда в неё падает капля чёрной краски.

Вино заканчивается предательски быстро — придётся идти в магазин.

На улице прохожих немного. Промозглый ветер срывает капюшон, нагло лезет под куртку. Супермаркет в двух шагах от дома, пятнадцать минут туда и обратно. Нужно просто успокоиться и считать шаги. Нужно успокоиться...

В магазине беру продукты и две бутылки вина — про запас. В подъезде сталкиваюсь с незнакомцем. Высокий шатен в графитовом пальто и невозможно оранжевых кроссовках ждёт у лифта.

— Привет, — смущённо улыбается парень. — Похоже, не работает.

Станный тип. Почему мне кажется, что он ждёт здесь именно меня? В конце концов, пакет не такой уж тяжёлый. И прохожу мимо лифта к лестнице.

"...I`m still loving you..." — разрывается будильник.

Горячий кофе обжигает руку.

В магазине беру молоко, хлеб, курицу и две бутылки Пино Гриджио.

Сорок три, девяносто семь, тридцать девять. И обратно: тридцать девять, девяносто семь, сорок три. Вдоль серой улицы, мимо серых людей. И я тоже становлюсь серой, растворяюсь в бесконечности ноября. Поскорее бы закончился этот чёртов день!..

Горячий кофе обжигает руку...

Хватит. Хватит! Я так больше не могу! Стас, пожалуйста, прости меня, но мне необходимо идти дальше!

Чашка падает вниз и разлетается вдребезги...

— Привет, — смущенно говорит высокий шатен в графитовом пальто и невозможно оранжевых кроссовках. — Лифт не работает.

— Работает. Просто дом старый, — жму на шершавый кругляшок кнопки, и тот тоже вспыхивает оранжевым.

Заходим в кабину. В голове пульсирует навязчивая мысль: я откуда-то знаю этого парня! Откуда? Не выдерживаю:

— Извините, мы не знакомы?

Господи, что я делаю! Пристаю в лифте к незнакомцу!

— Возможно. Я живу на девятом.

У него грустные ярко-серые глаза. Как серый цвет может быть ярким?

Лифт дёргается и распахивает двери. Четвёртый этаж. Мой этаж.

Арт Белка Елена

— Может... выпьем чаю? — слышу из-за спины.

— Может, лучше кофе? — отвечаю прежде, чем понимаю, что делаю.

Оборачиваюсь и получаю удивлённый, почти ошеломлённый взгляд. Почему-то вдруг становится легко и смешно:

— Тебя пугаю я или кофе?

Молчание, а затем незнакомец тоже начинает смеяться:

— Наверное... и то и другое...

Эпилог

Утро началось с солнца. Цветы на шторах бесстыдно заблестели, пропуская в комнату золотистый свет. Стас зажмурился и сильнее закутался в одеяло. Шторы выбирала Лида. Тогда, ещё до аварии.

Сколько прошло с тех пор — два месяца или три? Время слиплось в пульсирующий комок, поселившийся глубоко внутри, за сердцем. Стас не хотел ни о чем думать. Но прошлое раз за разом

одерживало верх, ввинчивалось в мозг назойливыми воспоминаниями.

Ноябрь — худшее время для ссор. Обиды, недомолвки, усталость. И какой-то пустяк — разбитая чашка — становится поводом для грандиозного скандала. Ведь так легко обвинить другого в том, в чём на самом деле упрекаешь себя. А потом — хлопнувшая дверь и запоздалое чувство стыда. И самая страшная ошибка — бездействие! Почему он сразу не пошёл за Лидой? Может, успел бы её догнать до перекрёстка. Или хотя бы окликнуть...

Стас перекатился по кровати, с силой растёр лицо ладонями. Странно, но сегодня впервые мысли о Лиде не вызвали обжигающей боли. Пульсирующий ком за сердцем начал таять.

Стас огляделся. У стены стояли забытые прямоугольники холстов. Лида в тот день как раз заканчивала работу над заказом, пошла на кухню сварить кофе...

— Прости меня. Прости! — беззвучно сорвалось с губ.

Стас встал с кровати и устроился прямо на полу, у картин. Коснулся гладких, давно высохших красок. На полотне справа сияло вечное солнце, зеленели поля и шумела речка. Слева огненными гроздьями падали осенние листья. А в центре шёл снег. Он покрывал ограду парка, темнеющие деревья. Картина могла бы остаться серой, практически монохромной. Если бы не два ярких пятна, две фигурки, уходящие по аллее: рыжеволосая девушка и высокий парень в невозможно оранжевых кроссовках.

---

* Scorpions "Still Loving You"

Кутман Евгения

<https://writercenter.ru/profile/EvaCreak/whois/>

Арт-манипуляция Белка Елена

<https://writercenter.ru/profile/miracles/whois/>

... У его мотоцикла

Валеев Иван

Шесть мотоциклистов двигались по Киевскому шоссе в сторону Москвы. Шоссе было пустынным (через пару лет оно забудет, что значит «быть пустынным»). Листья на деревьях по обеим сторонам дороги начали желтеть, хотя до первого сентября оставалось еще полмесяца. Днем по радио обещали грозу, но будет она или нет, и если будет, то где... кто знает?

Мотоциклисты торопились в "конюшню". Конюшней у них назывался большой сарай, стоявший на бывшей колхозной земле. Раньше в сарае держали сено, а теперь в нем образовалось стойло для двух десятков разномастных мотоциклов.

Впереди показались габаритные огни большегрузного автомобиля. Фура, не самая большая, зато двигавшаяся практически посредине меж двух полос.

Гиллан заголосил про «никто не получит мою тачку». Байкеры переглянулись. Может быть, в другой раз они и не стали бы так шутить с дальнобоем, но сейчас...

Никаких условных знаков, всего пара взглядов — и мотоциклы, прибавив газу, выстроились в две параллельные цепочки. А вы еще спрашиваете, существует ли телепатия.

Когда фары мотоциклов объявились сразу в обоих зеркалах заднего вида, водитель фуры занервничал. Тяжелый грузовик неуверенно вильнул из стороны в сторону, тут же выровнялся и взревел. Так, должно быть, ревели окруженные австралопитеками мамонты.

Мотоцикл, ехавший первым в правой цепочке, качнулся. Байкер — его называли Швед — выругался про себя. Слабость. Нельзя демонстрировать слабость, иначе сожрут. Свои же.

Он долбанул кулаком по кузову. Бессмысленно. Ну кто бы его там услышал? Джинсы? Ножки Буша? Но Швед продолжал лупить кулаком, пока не добрался до кабины.

Грузовик снова вильнул. Чуть-чуть. Швед обогнал его, а последний в правой тройке мотоциклист добрался до середины кузова.

Звали этого байкера Медведь. Почему — никто толком не знал. Среднего роста, худощавый, жилистый, всегда чисто выбрит и аккуратно подстрижен, в ленноновских круглых очках... Не похож ведь. По жизни — мажор, сынок небедных тогда врачей. Золотая молодежь, ему бы перебежаться года два-три, а потом залезть в костюм с галстуком и вперед, наводить мосты между СССР и Британией или там США.

Будь это кино, оба первых мотоциклиста обошли бы фуру одновременно. Такие финты красиво смотрятся на экране. Но это было не кино. Швед обогнал приятеля на корпус. Тот кинулся догонять, проскочив в опасной близости от переднего бампера. Фура снова вильнула. Водитель просто не успевал отследить маневры всех шестерых придурков, что решили поиграть с ним в салочки.

Медведь тоже не успел. Многотонный кузов легонько толкнул его в руку, мотоцикл закрутился и влетел аккуратно под задние колеса фуры.

Художник Лев Елена

Проза. Мистика

Этого не могло быть. По всем законам физики — не могло.

Водитель вжал педаль тормоза в пол и вывернул руль. Фура свернула на обочину, оставив на асфальте искореженную «ямаху» и ее седока.

Остальные мотоциклисты сначала не поняли, что случилось. Просто, когда две шеренги сошлись, оказалось, что у левого замыкающего нет пары.

Они затормозили и повернули головы. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как дверь кабины грузовика распахнулась, водитель свесился наружу — и его вырвало.

А потом раздался крик.

Он исходил из кучи перемешанных обломков человека и мотоцикла, перекрывая и шум двигателя грузовика, и рев мотоциклов, и даже «Звезду Автостреды».

Швед подкатил к кабине грузовика, выволочил из нее водителя и шваркнул его об асфальт.

— Нет! — стонал водитель. — Я не виноват! Он сам!..

Его стенания оборвал новый крик. Рев медведя на бензиновом ходу. Без слов, на одной-единственной жуткой ноте. Казалось невозможным, чтобы человек, испытавший подобное, мог оставаться живым.

— Скорую! — заорал Швед своим. — Живей! На заправку!

Один из мотоциклистов, тот самый левый замыкающий, сорвался с места.

Невысокий плечистый байкер — его звали Джимми — опустился рядом с Медведем на колено. Друзьями они никогда не были. Слишком уж разные и со слишком уж разных ступеней общества. Наконец-то это стало неважным.

Медведь на пару секунд умолк. Джимми поднял голову и сказал:

— Уходите!

— А ты? — спросил Швед, оставив в покое вяло шевелившееся тело дальнобойщика.

— Разберусь. — Джимми поднялся на ноги. — Уходите.

Швед подошел к нему, заглянул в глаза. Поморщился, когда Медведь снова закричал. Молча стукнул кулаком Джимми по плечу и вернулся к мотоциклу.

Машины сорвались с места. Место встречи можно было и не озвучивать.

Захотелось курить. Джимми вытянул из карма-

на пачку «Беломора», чиркнул спичкой по истертому боку коробка и сел рядом с Медведем.

Вечер тихой сапой выползал на шоссе из сырого осеннего леса. По Медвежью душу, сволочь. Дождася, когда остальные уедут, и...

Джимми осторожно поднес папиросу к губам Медведя, но тот, кажется, этого даже не заметил.

Одинокая капля дождя упала на руку Джимми. Дождь. Джимми снял свою фальшивую кожанку и осторожно укрыл ею Медведя.

Со стороны Москвы взвыла сирена.

— Держись, старик, — сказал он притихшему Медведю. — Держись. Сейчас приедет добрый доктор, и тебе полегчает, идет?

Белая машина с красными крестами пересекла двойную сплошную и остановилась на обочине перед фурой. Из нее выскочили трое в белых халатах. Один направился к Джимми с чемоданчиком в руке, двое принялись выволакивать из кузова машины носилки.

— Приветствую, — сказал человек с чемоданом. — Что тут...

Медведь не дал ему договорить. Санитары вздрогнули, едва не выронив носилки. Доктор поморщился и крикнул:

— Уберите куртку! Живо! — И обернулся к санитарам: — Застряли?! Быстрее, мать вашу!

Те опустили носилки рядом и вопросительно глянули на доктора. Он мотнул головой:

— Взяли!

— А... Может, его того?.. — неуверенно спросил один из санитаров, похожий на известного корейца.

— У него ЧМТ, не видишь, что ли? Взяли!

Джимми ничего не понимал. Он просто переводил взгляд с корейца-санитара на доктора, с доктора на Медведя, с Медведя на второго санитаря, деланно-равнодушного мужика лет под сорок, с красными слезящимися глазами. И только когда санитары наклонились к Медведю, он сообразил.

— Его же нельзя трогать!

— Вы заканчивали медицинский, коллега? — спросил доктор. Не дождался ответа и кивнул санитарам: — Живо!

Джимми не успел ответить. Медведь вскрикнул, а потом в нем что-то оборвалось — и голова откинулась назад. Пожилой санитар сплюнул на асфальт. Доктор присел рядом с Медведем, коснулся шеи:

— Бля. Все, отмучился...

Мысок тяжелого ботинка Джимми врезался доктору в ребра, повалив на мертвеца.

— Э! — рявкнул пожилой санитар. — Отойди!

Он привык иметь дело с разными пациентами и с их психованными родными. Но байкер был куда опаснее. Он вынул папиросу изо рта и вытянул руку. Папироса, прикрытая сверху ладонью, оказалась прямо над лужицей бензина, натекшего из «ямахи».

— Э-эй, парень, ты чего?! — завопил кореец. — Крыша поехала? А мы-то... Нас-то за что?!

Джимми смял папиросу в кулаке. В небесах полыхнула молния.

Семь человек вздрогнули и уставились вверх. Гром прокатился по крыше конюшни, пугающе громкий в непривычной тишине. Ни музыки, ни смеха, ни шума моторов...

Швед обвел взглядом собравшихся. Радиус, бледный, высокий и тощий, как семафор, скорчился на стуле, глядя в пол. Витек (почему-то никакой нормальной клички к нему не прилипло), стягивая в хвост длинные волосы, порвал резинку и теперь вертел ее в руках. Обычно поддатый Фредди мучительно трезвыми глазами гипнотизировал ополовиненную бутылку водки. В первый раз ему не хотелось выпить. Толстозадый Диплодок вытирал грязной банданой пот со лба. Маленькая Йоко сжалась, глядя перед собой сухими, пугающе большими глазами.

Время уходило. Надо было что-то сказать, но что?

— Мы не виноваты, — наконец выдавил он.

Стало только хуже. Йоко всхлипнула. Швед почувствовал себя на тонком-тонком люду. Одно неверное слово — и он провалится.

— Водила был бухой, — сказал Каин не очень уверенно.

— Пьяный? — тупо переспросила Йоко. — Дальнобойщик?

— Тебя там не было, — бросил Швед, почувствовав твердую почву. — Он вывалился из кабины и блевал. Если не бухой, то с перепоя. Твари! — рявкнул он, стукнув кулаком по колену.

Диплодок промолчал. По первоначальной версии, рассказанной буквально пять минут назад, все выглядело несколько иначе, но спорить он не хотел. Во-первых, его там тоже не было, а во-вторых... Швед явно накручивал себя, и давать ему повод для драки было глупо.

— Это им так не сойдет, — сказал молчавший до этого Радиус. — Не сойдет, нах...

Он закрыл глаза и потряс головой. Крик Медведя застрял в ней и никак не желал вылезать.

— Ну...

— Не нукай! — рявкнул Радиус на Шведа. — Или что? Или тебя там тоже не было?! Что, на тормозах спустим?

— А что мы можем?! — тоже закричал он.

— Устроим дальнобоям месяц развлечений! Останавливать их и...

— И как ты себе это представляешь? — спросил Швед, неожиданно успокоившись.

Уже было понятно, что предложение правильное. Иначе кто-нибудь припомнит ему, что именно он, Швед, как минимум совинновник, вместе с водилой...

— Разберемся! Главное — быстро. Вон на Йоко можно ловить. Тормознули, отметилили, уехали.

— Окей, — сказал Швед. — Я за!

Дверь в конюшню распахнулась. За разговором и шумом разгулявшегося дождя никто не услышал, как Джимми подъехал к сараю. Он молча вошел, хлопнул дверью и огляделся. Как в первый раз. Углядел на столе бутылку водки, плеснул в чей-то не очень чистый стакан, залпом выпил и швырнул стаканом в стену. Брызнули осколки.

— Все. Откатался Медведь.

Тяжелый туман прилипал к асфальту. Хомутов отпустил пару ласковых сквозь зубы и сбавил скорость до разрешенных ста двадцати, мать их так, километров в час. Здесь постов ГАИ обычно не бывало, но паршивая видимость и налетевшая из лесу мокрая листва заставляли блюсти ПДД куда надежнее, чем продавцы полосатых палочек. Даже несмотря на надбавку за срочность. От гайцов можно откупиться, а от дороги...

Радио затрещало. Сквозь привычное «Атас — эх, веселей, рабочий класс» Расторгуева пробился другой, неестественно высокий буржуйский голос. Хомутов выругался: английского он не разумел и не переносил.

Впереди на дороге замаячили четыре ярких огня. Хомутов потер переносицу и вгляделся. Два огня явно фигачили по его полосе.

— Сука незрячая! — процедил шофер сквозь зубы и надавил на гудок.

Фура взревела. Но на местоположении огней это никак не отразилось.

— Мать твою...

Это были мотоциклисты. Хомутов принял вправо. Про мотоциклистов начали ходить нехорошие истории. Будто бы какие-то парни в красных куртках уже успели отделать нескольких дальнобойщиков. И можно было бы не верить —

Проза. Мистика

что эти чипсы могут сделать многотонной фуре? — только вот одного пострадавца Хомутов знал лично и вкалывал сейчас за него.

Захотелось втопить. Хрен с ней, с дорогой, с гайцами, которых все равно нет, и со всем прочим...

Но Хомутов знал, что не сделает этого. Одно дело болтать в столовке с приятелями, как его достали эти мудаки и что бы он сделал, падались они ему, и совсем другое... Не сумеет он взять на себя ответственность за чужие жизни. Даже такие.

Фура сбавила ход. Мотоциклисты тоже притормозили и взяли еще правее.

А если сейчас газануть — и на встречу?..

Нет. Хомутов дал еще один гудок. С тем же результатом.

Фура выехала на обочину правыми колесами, потом колеса соскользнули с дороги в канаву. Кабину перекосило, и Хомутов нажал на тормоз.

По лицу лилась вода. Джимми удивился. Он же только что был в шлеме, откуда вода?

Джимми хотел вытереть лицо — и не смог. Пошевелил пальцами. Шевелятся. Покрутил кистью руки. Крутится. Потом попытался согнуть в локте. Не, не сгибается. Он удивленно посмотрел на руку. Запястье крепко сжимали чьи-то пальцы в черной перчатке.

— Бля! — сказал Швед. — Говорил, не надо его брать... У, мудила. Все, успокоился? — спросил он у Джимми.

Тот не ответил. Кто-то держал и вторую его руку. Радиус. А у грузовика, прислонившись к колесу, сидит водитель, и по лицу его...

По какому лицу? Нет у него никакого лица.

— Пусти, — сказал Джимми.

Горло болело. Слово ежа проглотил.

Швед разжал пальцы. Джимми огляделся в поисках шлема. Тот валялся на асфальте, и дождь смывал с него красную краску.

Очень похожую на кровь.

Джимми потрогал рукой горло.

— Э! — Швед толкнул его в плечо. — А ну, скажи что-нибудь!

Джимми вытер лицо. Он помнил, как они засекли фуру, как та съехала на обочину, как водитель, высунувшись из кабины, обматерил их и велел убираться с дороги, как Гиллан пел «Дым над водой»... так непривычно — не должны дальнотбойщики слушать подобную музыку... Так же непривычно, как красная куртка и красный шлем.

Потом на стекло шлема упали первые капли дождя...

А потом чувак, который монтирует киноленту жизни, пару раз щелкнул ножницами... И что происходило между этими щелчками, Джимми теперь может узнать разве что со слов приятелей. Только он не уверен, что хочет это знать.

— Ну?! — заорал Швед, выведенный из себя молчанием Джимми.

— Отвали от него, — сказал Радиус. — Не видишь, и так парню хреново.

Швед умолк, сжав кулаки. Радиус нехорошо усмехнулся.

— Э, ребят, может, ну его нафиг? — спросил молчаливый обычно Тим. — Поехали-ка отсюда.

Джимми никого не слушал. Он молча поднял с земли мотоцикл, уселся на него и дал по газам.

Очередного водителя они подловили на заправке. Случайно, вообще-то. Проезжая мимо, обратили внимание на большой рифленый кузов. Переглянулись, как тогда.

И пересекли шоссе.

Шофер вышел из туалета и уже подходил к кабине, когда заметил двоих парней в красных куртках и красных мотоциклетных шлемах. Они спокойно, руки в карманы, подходили к нему.

Шофер отступил было назад, но за спиной угрожающе рыкнул мотоцикл. Шофер дрогнул, беспомощно оглянулся. Кроме его машины, других на заправке не было. Помощи ждать неоткуда.

Он рванул к кабине. Не успел — байкер, что пониже, врезал ему в лицо полупрозрачным забралом шлема. На стекло брызнула кровь. Водитель упал на колени, схватившись за разбитый нос. Еще несколько ударов, и дальнотбойщик затах, скорчившись на земле в полуметре от кабины, где в кармане на дверце лежал старый верный разводной ключ, оставшийся со времен, когда он подрабатывал втихую сантехником.

Двое мотоциклистов быстро обогнули фуру и уселись на мотоциклы.

Через пару секунд мотор грузовика взревел. Байкеры остановились. Синхронно повернули головы.

Водитель все еще лежал на асфальте, даже не думая вставать.

Секунда или две, которых хватило на удивленные взгляды. Потом колеса грузовика пришли в движение. Машина стронулась с места, взяла немного влево — и прошла по шоферу, превращая живое в мертвое.

В конюшне на этот раз собрались все восемнадцать байкеров. Они расселись кто за столами, кто у стен или подпирающих крышу широких деревянных столбов, и слушали Шведа. Тот стоял, размахивая смятой в кулаке газетой «Комсомольская правда».

— ... Кто это был?! — спросил он наконец. — Кто вчера тормознул на киевке грузовик? Два трупа... Ну?!

— Да никто, — откликнулся Джимми. Судя по тону, ему уже надоело слушать крики вожака. — Договорились на киевку не соваться — вот и не суетесь.

— Но кто? Это же под нас кто-то работал!

— Да не психуй...

— А выйдут на нас?

— Кто выйдет? — удивился Диплодок. — И потом, ты же прочитал, что там был человек в черном...

— А ты сейчас в каком — в голубом, еб твою?! — заорал Швед. — Фуры-то не ничейные. Братки выйдут! Им ты тоже будешь говорить «не психуй»?!

Диплодок почесал в затылке. Братков он как-то в расчет не брал. А стоило бы...

— Не знаю, — сказал он наконец. — Приедут

базарить? А как они вообще узнают?..

— А ты подумай! Полстраны стукачей. Да стоит кого из огородников спросить — думаешь, на нас не покажут? За милую душу!..

— Тихо! — Радиус поднял руку и прислушался.

Сквозь шум дождя отчетливо доносился гул нескольких двигателей. Далекий, но приближающийся. Радиус подбежал к двери, выглянул наружу, охнул и сказал:

— Накаркал... Приехали, суки. Базарить...

К конюшне подъехали три разноцветных «копейки». Остановились, ворча. Яркие лучи фар уперлись в стену сарая. Двери всех трех машин почти одновременно распахнулись и из салонов выбрались пассажиры. Все — с оружием в руках.

— Бля... Не будет базаров... На пол, пипл!..

Братки действительно решили не утруждать себя разговорами. Они даже не стали подходить к конюшне.

Вместо них заговорили автоматы.

Швед бросился на землю. Джимми упал, опрокинув стол, и сжался за столешницей. Диплодок грузно повалился на спину, словив в грудь две или три пули. Каин сполз, цепляясь за столб, с дырой на месте левого глаза.

А потом, перекрывая шум стрельбы, за стенами конюшни взревели мотоциклетные моторы.

Стрельба на мгновение прекратилась, и кто-то из братков заорал. Громко и страшно.

Автоматы ударили вновь, но уже не в конюшню. И с каждым вторым ударом сердца стреляющих и кричащих становилось все меньше. Словно кто-то вбивал в стволы и рты заглушки, одну за другой.

Джимми приподнялся. Одумался, распластался как камбала, прополз к стене, выглянул в одно из проделанных пулями отверстий.

И снова лег на землю и зажмурился.

Автоматы умолкли. Раздался одинокий выстрел. Сухой, негромкий. Потом тишина.

По кухне плавал сигаретный дым. На столе стояла пустая бутылка водки, купленная у какого-то грузина-таксиста, и лежали четыре сырые сосиски. Каждая была доедена ровно до середины. На табуретке плесневел обкусанный батон белого хлеба.

Джимми сидел спиной к черному окну и глядел на часы. В стекло неумолчно долбил холодный дождь.

Байк-клуб в тот день и закончился. Раз и навсегда. Джимми одним из первых вышел на улицу. Надо было сбежать, но он, словно марионетка, совершил у «копеек» круг почета. Одна из машин

молчала с развороченным капотом, остальные все еще жгли бензин. И Джимми был уверен: никто из его приятелей не рискнет сейчас сунуться внутрь и заглушить двигателя.

Рядом с машинами лежали переломанные тела братков. Те выглядели так, будто попали под товарняк. Последний валялся на самом краю уезженной площадки перед конюшней, с пистолетом в сломанной руке, глядя залитыми водой глазами в черные тучи. Джимми встал на колени, разжал холодные мокрые пальцы и убрал пистолет в карман.

После того дня он не появлялся в конюшне недели полторы. Потом все-таки приехал. Оставил мотоцикл в леске, пешком добрался до сарая и заглянул внутрь. Сначала ему показалось, что он один.

«Он придет», — сказал снизу чей-то безжизненный голос.

Джимми отшатнулся, захлопнув дверь. Потом открыл ее второй раз. У стены, расставив полусогнутые ноги, сидел Радиус и смотрел в землю, в пространство между ботинками.

Так люди смотрят в собственные могилы.

«Он придет», — повторил Радиус, и Джимми увидел рядом с его левым ботинком тускло поблескивающий стеклянный цилиндрик.

«Господи, Рад...»

«Он обещал. После заката. Там закат? Скоро придет. Тебя он тоже позвал? Он собирался...»

Дальше Джимми не стал слушать. Мало ли что привидится после дозы.

А дойдя до своего мотоцикла, он сообразил, что больше никакого транспорта рядом не было. Выходит, Радиус доплелся сюда пешком. Когда же он вышел?..

По пути домой Джимми заглянул в магазин и с тех пор не просыхал.

Но сейчас пить не хотелось. И курилось чисто машинально, руки просто занимались привычным делом. Джимми очнулся минуты четыре назад, заслышав за окном рев мотоциклетных движков. И даже выглянул на улицу.

Они стояли внизу, черные тени, поблескивая хромированными частями механизмов. Или — тел.

... Он ведь должен был упасть. Просто упасть. Свалиться на дорогу. По всем сраным законам физики...

Джимми сидел, глядел на мигающие черные точки, отделявшие число «двадцать три» от числа «пятьдесят восемь» на экранчике дешевых часов, и слушал шаги. Кто-то поднимался по лестнице черного хода. Одна секунда — один шаг.

Шаги были слишком громкими. Такие мог бы издавать закованный в полный доспех рыцарь, если его снабдить двигателем.

А может быть, они вовсе не из подъезда доносились. Может быть, они были в голове Джимми.

Может быть.

Джимми не хотел этого знать. Он сунул руку в карман кожанки. Сжал небольшую шершавую ручку, коснулся указательным пальцем скобы. Холодный металл ткнулся под подбородок.

Универсальное средство от шагов в голове. Дай Бог, поможет.

Валеев Иван

<http://www.rulit.me/author/valeev-ivan>

Художник Лев Елена

<http://writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/>

Японский акцент

Бунингит

*И только в снах калейдоскопом —
Осколки моих жизней прежних.
Узор плетут из смыслов смежных,
В «сейчас» прокладывая тропы...*

22 октября, 2016 г.

Снова шелест крыльев. Ерунда какая-то. В последнее время часто просыпаюсь от шелеста крыльев. Рваный звук рождается не где-то вдали, а совсем рядом, будто пригревшаяся у меня на груди птица вдруг пугается и резко взмывает вверх.

Наспех умывшись и хлебнув из носика чайника вчерашней заварки, сажусь к компьютеру и, пока он оживает, пытаюсь выудить из дебрей сознания сон. По ощущениям — вязкий, гадкий, но суть вспомнить не могу. Только отдельные детали, зато отчетливые, будто пережитые мной в какой-то иной, параллельной реальности... Ритмичный скрип больших колес... Натужно работая плечами, я кручу их непослушными пальцами, заставляя двигаться инвалидную коляску... Еще обутые в уродливые войлочные полу-валенки мои ступни, которые являются не столько частью меня, сколько неподвижным элементом коляски. Дышать трудно, как ни стараюсь, не могу сделать глубокий вдох... Сиплые, отдающие свистом в грудной клетке, попытки заканчиваются мучительным кашлем. Видимо, кашель тревожит ту самую птицу. Шумно взлетев, она освобождает меня от мерзкого кошмара...

Это конец сна, последний уровень... Там было что-то еще, где-то на более глубоких слоях... Дребезжащая радио-сводка на чужом языке из допотопного приемника... Вроде бы во сне я понимал диктора, сказанное им меня сильно испугало... О чем он вещал? Нет, не помню, хоть убей... Еще глубже — обрывки совсем невнятной чепухи: выкрики, выстрелы, конское ржание... Какой-то хорунжий, казачий полк... Короче, бред. Ладно, проехали. Работы до черта, через три дня показ гайдлайна, а идей по логотипу пока никаких.

Логотип... Клиент серьезный, матерый, чепухой не отделаешься. С клиентами, слава богу, проблем у меня уже давно нет, всё же вхожу в десятку самых успешных дизайнеров, но именно этому хотелось бы угодить. Нужно выстроить бренд на трех китах: техно-прорыв, грань «реальное-фантастическое», японский акцент, как дань бизнес-партнеру. Цвета — черный и стальной. Не оригинально, но заказчик в этой точке уперся. Шрифт а-ля иероглифы отпадает, заезжено до тошноты. Никакой абстрактной геометрии, что-то символическое хотят, визуально-узнаваемое...

Художник Колесова Ульяна

Проза. Мистика

Привычная «прохладная» картинка заснеженной равнины на мониторе. «Sun Oct 22» в правом верхнем углу экрана приковывает взгляд. Появляется странное чувство, будто эту дату я уже видел вчера или позавчера. Дурдом. Тридцатник на носу, старею. В фитнес-клуб пора бы снова записаться... Встаю и, разминаясь на ходу, снова иду на кухню. Без двойного эспрессо с коньяком не обойтись.

Восемь тридцать. Как же спать хочется...

22 октября, 2016 г.

Восемь тридцать. Никаких сообщений. Папка входящих так же пуста и безмолвна, как снежная долина на экране компьютера. Даже от торговцев разных мастей, еще недавно заваливавших меня рекламой турпоездки, страховок, презервативов, — ничегошеньки. А ведь эта братия теряет надежду последней. Понимаю, что дело не в утрате надежды, а в дружном и единогласном признании того, что всё, чем они торгуют, мне больше ни к чему. Парадокс коллективного сознания.

«Sun Oct 22». Могу поклясться, что эту дату на мониторе я уже видел... Нет, не год назад, а совсем недавно... Может, во сне? Разве можно до такой степени втемяшить себе в голову ничего не значащую дату, чтобы она начала сниться? С ней что-то связано... Какой-то слом, смещение реальности... Бред, бред, хренов бред. Хотя в моем вывернутом наизнанку мире еще не такое случается...

Мне двадцать девять и еще совсем недавно я заканчивал институт и уже видел себя успешным дизайнером, крутым парнем без проблем. Все эти мечты — в прошлом. А в настоящем — «Неизлечимое дегенеративное заболевание центральной нервной системы»... «Поражение двигательных нейронов головного мозга»... Четыре года назад я даже не знал этих отдающих сырым склепом слов, теперь же они ежедневно служат объяснением, оправданием всего, что со мной происходит. А происходит то, чему место не в реальности, а в дрянной трагикомедии абсурда.

Эбонитовая палочка из суши-ресторана в зубах... Я вполне сносно научился нажимать ею на клавиши с тех пор, как пальцы перестали понимать мои намерения и начали беспомощно расползаться по столу. Симпатичная санитарка, которая меняет подгузники и смазывает пролежни, обдавая меня фантастическим запахом здорового женского пота. Её ничуть не смущает близость мо-

его лица к свисающим в вырезе ее блузки запретным плодам. С той же бесстыдностью она трясла бы своими пахучими прелестями, подмывая обгадившегося щенка...

Суть всего этого с позволения сказать бытия в одном — ожидании заключительной фазы под названием «полная атрофия дыхательных мышц». Недолго осталось, я уже... что-то вроде дырявого резинового мяча... Острый бронхит мог бы здорово ускорить. Выкатиться на балкон и надышаться холодным воздухом? Пока руки еще худо-бедно выполняют мои команды. Пальцы уже плюнули на это дело, ладони и локти все еще борются, но вот вот перевернутся на сторону врага, плечи пока еще в моем арсенале. И на том спасибо.

Шелест крыльев прямо у моего лица отвлекает от почти сформировавшегося намерения. Птица приземляется на мои колени, втягивает голову в плечи и замирает.

— Ну что, Триппер, снова пора вздремнуть? И чего тебе не улетается, а? Балконная дверь открыта. На кой черт я тебе? — моя гортань плохо справляется с речью, но птица меня понимает. Видимо, потому, что звуки моего голоса больше похожи на карканье, чем на человеческую речь.

Триппером зовут мою ворону, которая в прошлом году залетела ко мне в окно, да так и осталась тут, прижилась. Птица у меня непростая: трехлапая, мутант чертов. Из Чернобыля его что ли сюда принесло, не знаю. Две ноги нормальные, а между ними еще одна — скукоженная, недоразвитая. Согнута и к грудке прижата. Если бы не растопыренные когти, сразу бы и не обратил внимания. Имечко я ему дал то еще, да он не в обиде.

Два фрика в одной квартире — это слишком, конечно. Есть в этом некий злобный сарказм. Жесткий сюр. Особенно, если учесть, что птица, залетевшая в окно, — плохая примета, предвестник смерти. Оpozдал ты, братец, с вестью, мне доктор предсказал это задолго до тебя. Нет, ну смешно же.

— Опять не давал мне спать, урод ты колченогий.

Молчит. Днем он вялый, сонный, а ночью садится в изголовье кровати и глядит на меня. Пристально, требовательно. Гоголевский профиль его отбрасывает на стены многозначительные зубчатые тени.

А то вскочит прямо на грудь, и давай каркать, лапами перебирать, будто что-то сказать пробует. На этой почве у меня возникли «птичьи» сны. В каждом сне — вороны. И еще войны. С таким по-

гружением и подробностями, как будто фильмы просматриваю. Этой ночью снова ядерный гриб наблюдал. Словно гигантское дерево-альбинос выросло на горизонте за считанные секунды, как при замедленной покадровой съемке... Помню четкую мысль: это второй удар, что будет дальше? И жальщее чувство вины: где-то там, под дьявольским «деревом», мать... А я будто мог ей помочь, но не помог... Почему мать? Она у меня еще семь лет назад умерла от инфаркта, легко, без мучений...

Обрывки тревожных сообщений из радиоприемника... Что-то про бомбардировщик В-29 и про разрушенный завод... «Количество пострадавших пока не известно...» Женщина восточно-азиатской наружности в ретро-прикиде что-то возмущенно выкрикивает мне прямо в лицо... Сопоставив детали, прихожу к выводу, что события в моих снах как-то связаны с ядерными взрывами в Японии в сорок пятом.

А то еще снятся какие-то казаки с пулеметами, канонады, пожары... Хаотичный набор картинок из чужого прошлого, посланный не по адресу... Или не из чужого?

9 августа, 1945 г.

Радио работает с перебоями, никак не найду нужную волну. Телефон не соединяет. Зато в висках стучит телеграфная дробь. Тошнота резиновым пузырем колыхается у горла: это второй, что дальше? Мать нужно забрать, она там одна... От Сасебо до Нагасаки — полтора часа езды, но с поездами, говорят, перебои.

Жена вцепилась в дверную ручку так, что жила на запястье вздулась.

— Не пуцу! Мы не знаем, что там творится... У тебя дети... Что с нами будет, ты подумал? Подожди несколько дней, всё утрясется, вот увидишь! Разрушений, говорят, не так уж много. Глядишь, она сама позвонит завтра и скажет, что все в порядке. Ты ей все равно ничем не поможешь!

Ее малиновое платье в крупный, бессмысленно-оптимистичный горох мне вдруг кажется отвратительным. Линии выщипанных бровей, изломанные гримасой, делают лицо жены похожим на маску Но*.

Противно все: жена, переливающиеся стеклянные стрекозки, развешанные на стене позади нее, августовский равнодушно-солнечный полдень за окнами и я сам. Потому что молчу, потому что уступаю. Сдаюсь, прекрасно осознавая, что уступаю не ей, а своему липкому страху. С этого мо-

мента я буду чувствовать собственную вонь. Так смердит затравленная дикая собака.

С матерью действительно удалось связаться на следующий день. «Всё в порядке, сынок. Наш район почти не задело, только стекла повыбивало...» Умерла она через пять недель. Причина ее смерти, как и многих других смертей, выяснилась намного позже: слишком долгое пребывание в зоне заражения.

Кладбище не терпит масок, там они осыпаются с лиц, как высохший песок. Поэтому на могилу я всегда прихожу затемно, в сумерках не так заметно, что у меня больше нет лица.

Когда бы я не пришел, всегда встречаю у могилы мрачного, седого в лучах луны Ятагарасу*. Оборотень сидит сгорбившись на каменной плите и громко выкаркивает то, что мне и так известно. Знаю и другое: даже когда я уйду, птица не притронется к оставленному мною рису*.

Он теперь и по ночам прилетает, мой Ятагарасу. Расправляет крылья, вьется под потолком, острыми тенями, будто тушью, разрисовывает стены. Околдовывает, тянет за собой в паутину навязчивых сновидений. Рожденный от птичьего круженья легкий ветерок сменяется пронизывающей до костей зимней стужей, забирающейся под одеяло, за воротник пижамы...

Сегодня снился отец, молодой, как на фотографии, что сохранилась со времен войны. Нет, не нынешней, а той, где он воевал, — Маньчжурской. Таким я его и не помню, в 1905-м я только на свет появился, как раз после окончания войны. На фото одет он в широкую шинель с меховой поддевкой и высокие, выше колен, сапоги. Рука в кожаной перчатке опирается на рукоять катаны.

Во сне отец будто идет мне навстречу по полю заснеженному, за руку ведет мальчишку-китайца в грязном чанпао*. Кто это такой, и зачем он тут, не ясно... Другой рукой отец сжимает «Арисаку»*. Взгляд у него ледяной, будто не на сына, а на врага смотрит.

«Что ж ты, — говорит, — на чужой стороне воюешь?»

Тут мальчишка рукой взмахивает, и из широкого рукава его халата птица черная вырывается. И вроде на мгновение мне всё понятно делается, всё происходящее приобретает смысл, будто складываются все детали в одно целое, как бумажная головоломка.

А птица поднимается высоко-высоко, и затем, оставляя на белом небе темную спираль, начинает снижаться прямо надо мной. А я будто уже лежу

Проза. Мистика

на красном снегу. Двинутся не могу, только голову слегка приподнять удастся. Поднимаю и вижу, что вместо живота у меня — кровавое месиво. На него-то ворон мой и приземляется, растопырив когти на всех трех лапах...

12 января, 1905 г.

Пламя пожара рассыпается фейерверками, освещает железнодорожное полотно дрожащими сполохами. Наспех выстроенные заграждения не укрывают, наша колонна — как на ладони. Чукарин, сотник нашей казачьей дивизии, заправляет за ухо соскочившую дужку очков и смотрит на часы.

— Через минуту-две бабахнет. Вон ту бы линию складов успеть спалить, с пол-версты полотна попортить, и то дело. Станцию нам не взять. Пере-мудрил генерал-адъютант*, овчинка выделки не стоила. Налегке нужно было идти, втихую. Чую, скоро придется отступить.

Только он это сказал, гляжу, из-за холма, что справа от нас, мальчишка-китайчонок вынырнул. Глазенки — два черных лезвия. Увидел нас, да как сиганет прочь! Прямо к железнодорожной насыпи. Откуда ж он тут взялся, дьяволенок? Там вот-вот рванет...

— Эй, ты!

— Ты что, хорунжий, никак спятил! Чего орешь-то? — сотник дергает меня за рукав.

— Так ведь подорвется!

Гляжу я мальцу вслед и секунды отсчитываю. И чем дольше считаю, тем яснее, что успел бы остановить, но теперь уж не успею. А потом вижу, как выгнуло его, подбросило, будто воробья...

Закуриваю, а пальцы дрожат. У меня крестник Сенька точь в точь такой: легонький, скуластый, черноволосый... Мать у него из татар.

— Полно тебе, хорунжий, не раскисай. Где дрова рубят, там щепка валится. Не видел разве, из хунзузов* он, вражья кровь. Такой тебе во сне горло перережет и не поморщится.

— Мал он еще воевать-то, годков девять ему... было.

— Или шестнадцать. Ты на рост не смотри, местный народец мелкий.

Тут со стороны станции залп громыхнул. Засвистело, затрещало... Глаза залепило мокрой снежной грязью, плечо обожгло. В ответ застрекотал что есть мочи «Максимка», да тут же и затих. Видать, принял медную пулю наш бомбардир. Еще залп. Зарница осветила розовым небо, а оно вдруг как закружится...

Черным водоворотом, воронкой, вороньим гвалтом...

— ...Живой ли? Ишь, как его разворотило. Не, не жилец, отходит, сердешный. Слышишь, казак?

Слышу. Про кого разговор? Открываю глаза. Надо мной расплывается лицо сотника. Про меня, что ли? Да мне и не больно вовсе... Вижу, как он сплёвывает в сторону черно-красным. Затем голос его удаляется куда-то...

— Мать вашу, японскую... Вот так все и передохнем тут, в чужих снегах. Прощай, хору...

***

Тихо-то как. И белым-бело вокруг. Небо — фарфоровым куполом, земля — пуховым дымчатым ковром, и больше ничего. И никого. Куда ж все делись-то? Вроде я ранен был... Или я уж не на этом, а на «том» свете? Коли так, не страшно тут совсем, покойно, глазу приятно.

Что это за червоточинка на небе, будто кто кляксу чернильную посадил на бумажный лист? Зачем она здесь? Крошечная, а мешает, беспокоит, как грязное пятно на чистой совести... Ах, вон оно что... Никак, ворон на мертвечину летит. И тут нашел меня. Ну, здорово, чернявый.

Опускается на снег прямо у моей головы. Смоляной глаз глядит строго, будто выжидая... И отогнать не могу, тело будто задеревенело. Тут чертова птица дергает головой и клювом железным — тюк! Прямо в висок...

12 января, 1905 г.

...Чукарин смотрит на часы. Алые сполохи пляшут в стеклах его очков...

— Через минуту-две бабахнет. Вон ту бы линию складов успеть спалить. Станцию нам не взять...

Вроде это уже было, вроде я уже слышал эти слова его... или показалось?

Он говорит, а я уж отчего-то знаю наперед, что дальше худо будет, и от этих мыслей тошно и страшно мне. Воронье засуетилось. Перекаркиваются, будто за карточным столом ставки делают. Ставьте на меня, не прогадаете. Отсчитываю секунды, чую, не так много их осталось... И все же что-то еще успею, должен успеть... Что-то важное сделать... Будто важнее этого ничего у меня и не осталось...

— ...Скоро придется отступить.

Гляжу, из-за сопки мальчишка-китайчонок выбегаёт. Где-то я его уже видел: глазенки злобные, колючие, гляди, проткнут. Тощий, в халате стеганном с чужого плеча. Косичку ветер треплет... Заплечная палка наподобие меча, на рукояти подвеска постукивает... Пойдите, да как же это? Ведь я его помню... погиб он, я сам видел! А через пару минут вроде и меня настиг снаряд японский... Вспомнил, всё вспомнил! Успею! Всё одно, помирать!

— Ты куда, хорунжий, черт тебя... — шипит вслед сотник, но я его уже не слышу.

Еще сажени три, и догоню! Летит, что птица... Да стой же ты, чума китайская! Если за насыпь перескочит, несдобровать нам обоим. Почти у самой насыпи хватаю камень и швыряю бегуну под коленки, с пяти шагов, чай, не промахнусь. Есть! Падают. Настигаю, хватаю в охапку, и — на землю, успев накрыть собой... Вспыхивает, грохочет, мир затягивает в воронку...

«...Не, не жилец, отходит...»

«Вот ведь сорвиголова, пропал ни за что...»

«А пострел-то китайский целехонек...»

«Ни царापинки на шельме, улепетнул и «спасибо» не сказал...»

Что ж, и то дело.

Тихо. Светло. Небо — что купол фарфоровый, земля — словно пуховая шаль без конца и края... Видать, не зря говорят: «Пусть земля будет пухом». Так и есть. Лежал бы здесь целую вечность, как в детстве на перинке взбитой...

Господи, отродясь чистоты такой не видал. Ни пятнышка, ни помарочки...

9 августа, 1945 г.

Из радиоприемника — только невнятные шорохи, телефонная связь с Нагасаки не работает. Зато в висках не унимается телеграфная дробь: это второй удар, сколько еще будет? Жива ли мать? Если жива, забрать бы ее... Чем скорее, тем лучше.

Жена загородила собой дверь. Лицо, перекошенное страхом, похоже на бледную театральную маску...

— Подожди несколько дней, всё утрясется, вот увидишь! Если что и случилось, чем ты ей сможешь помочь? С твоим здоровьем, сам знаешь... Что с нами-то будет, ты подумал? Да и с поездами, говорят, перебои...

Отдираю ее побелевшие пальцы от дверной ручки.

— Съезжу на станцию, посмотрю. Если через час не вернусь, значит с поездами всё в порядке.

Трусливая надежда на невозможность уехать поочередно то успокаивает, то вызывает жгучее отвращение к себе. Руль велосипеда вихляет под руками, словно иллюстрируя шаткость моей совести.

Поезда ходят, хотя предупреждают о возможных осложнениях на конечном участке пути. Следующий — через сорок минут. Еще есть время подумать. Сажусь на скамью и закрываю глаза...

...Густо падает снег, перекрашивая желто-зеленый август в белый январь. Или это пепел? Поседевшее солнце больше похоже на тусклую луну.

Пытаюсь хоть что-то разглядеть в шевелящемся пушистом мареве и в конце концов замечаю, что сквозь него медленно начинают проступать две мужские фигуры. В одной из них по прихрамывающей походке узнаю отца. Он в сером плаще и фетровой шляпе. Таким я его видел в последний раз, за несколько дней до его смерти. Кто с ним рядом, я не знаю. По виду — китайский крестьянин лет пятидесяти. Подойдя ко мне, китаец кланяется и что-то беззвучно бормочет... Словно благодарит.

Отец улыбается и хлопает меня по плечу. Хочу прикоснуться к его руке, но вдруг понимаю, что это вовсе не рука его в черной перчатке, как мне сперва померещилось. На плече моем сидит Ятагарасу. Вздрагивает, вертит сине-черной головой. Щекой ощущаю тепло и упругость его перьев.

— Никогда не теряй его из виду, — шепчет отец. Затем он в знак прощания чуть приподнимает шляпу и вместе со своим спутником начинает медленно удаляться, пока не исчезает совсем в снежно-пепельных хлопьях.

Птица внезапно срывается с моего плеча и устремляется в сторону, противоположную той, где скрылись отец с китайцем. Вдруг понимаю, что это действительно важно, не упустить его! Разворачиваюсь и бегу за вороном. Пока не поздно, пока еще могу различить его темный силуэт, стремительно растворяющийся на матово-белом фоне, как исчезающие на свету чернила...

...Металлический скрежет выдергивает из забытья. Открываю глаза и вижу подошедший к платформе поезд. Прямо передо мной, на крыше вагона, — черная птица.

Художник Колесова Ульяна

Поднимаюсь на подножку. Сомнений и страха больше нет, их сменили покой и ясная, как вернувшееся августовское небо, мысль: теперь всё будет хорошо.

22 октября, 2016 г.

Кофе, как ни странно, не помог. От коньяка и вовсе развезло. Очнувшись, понимаю, что уснул прямо на столе, лбом на кнопке пробела. Хорошо, что я не в «Ворде», а то бы страниц сто «исписал». Спал крепко, и снова снились странные вещи, но сон скорее приятный. За окном ворона раскаркалась, разбудила на самом интересном месте, сволочь... Эх, жаль, нет такой программы, которая бы сны записывала. Так бы подключил какие-нибудь

датчики к башке, соединил с компом, и дрыхни. Проснулся, — у тебя готовый текстовый файл, всё описано в деталях. А то, помню, что наконец-то снилось что-то славное, любопытное, но восстановить всю цепочку событий никак не удастся. Опять с кем-то воевал, вроде ребенка спасал... Потом ехал куда-то на поезде или электричке... Старой, похоже, еще довоенного образца. Рядом со мной — узкоглазая старуха. Перепуганная. Сидит неподвижно, вцепившись в ручку старинного кожаного чемодана. А мне отчего-то так хорошо... А самое главное, больше никакой инвалидной коляски...

Нет, ну что-то же должна означать вся эта муть? Или не должна? Черт, точно, пора спортом каким-нибудь заняться, сидячая работа до добра не доведет.

Ворона так и не улетает, села на ближайшую к моему окну ветку и орет, безмозглое существо. Кому орет? Такое ощущение, что лично ко мне обращается. Блин, три лапы у нее что ли? Нет, не может быть... Из-за веток так показалось, наверное. Во, разбудила, наорала и улетела, чертовка.

Кстати, где-то мне попался образ трехногого ворона. В комиксах японских, кажется. То ли оборотень, то ли мифологический персонаж... Ну-ка, поглядим, что «Гугл» говорит...

Ага. «Трехлапый ворон — символ солнца в китайской мифологии. В Японии также считается священной птицей. Три ноги олицетворяют триединство неба, земли и человечества. В синтоистской мифологии трехлапый ворон — посланник богов, предвестник, «Указывающий путь».

А что? Чем не эмблема компании? Все аспекты отражает, японский акцент — налицо, визуальный ряд — мощнейший! Глубоко, символично, запоминаемо. И на черно-стальную гамму, кстати, идеально ляжет! Так, что у нас с изображениями... М-м-м, символ использует сборная по футболу. Ну и ладно. Где она, эта сборная? В Японии, не в России. Кроме того, организация не конкурирующая, отрасль принципиально другая. Стилистику поменять, силуэт более пластичный... Историко-философский аспект добавить... Уже знаю, как сделаю. Ну, птичка, спасибо, помогла!

Сообщений-то наприходило! Как всегда, больше половины рекламных: турпоездки, страховки, презервативы... Откуда у них мой адрес? Недавно же поменял. Удалить всё нахрен. Хотя, вот это интересно: «Экономичные путевки в Токио... Тридцатипроцентная скидка». Давно хотел побывать в тех краях. Девчонки там, говорят, красивые. Почему бы не сделать себе подарок к тридцатилетию? Юбилей как-никак.

* Но — японский традиционный театр масок.

* Ятагарасу — трехлапый ворон, герой японской мифологии.

* Миска с рисом — По японской традиции при посещении кладбища, на могиле близкого человека принято оставлять миску с супом или рисом.

* Генерал-адъютант — Имеется в виду П. И. Мищенко, руководивший операцией в порту Инкоу во время русско-японской войны.

* Хунхузы — члены китайских организованных банд, действовавших на территории Манчжурии.

* Чанпао — традиционный китайский стеганный халат.

• «Арисака» — Модель японской пехотной винтовки, использовавшейся в Русско-японской войне.

Бунингит (Ульяна Колесова)

<http://www.shannonassociates.com/julianakolesova>

<https://writercenter.ru/profile/Buningit/whois/>

Сломанный фенакистископ

SEN

Фенакистиско́п (от греч. «обманщик» и «смотрю») — лабораторный прибор для демонстрации движущихся рисунков, конструкция которого основана на персистенции — инерции человеческого зрения. Изобретателем фенакистископа считается Жозеф Плато. «Аппарат состоит из картонного диска с прорезанными в нем отверстиями. На одной стороне диска нарисованы фигуры. Когда диск вращают вокруг оси перед зеркалом, то фигуры, рассматриваемые в зеркале через отверстия диска, представляются не вертящимися вместе с диском, а, наоборот, кажутся совершенно самостоятельными и делают движения, им присущие».

(Жозеф Плато, 1833 г.) [Википедия]

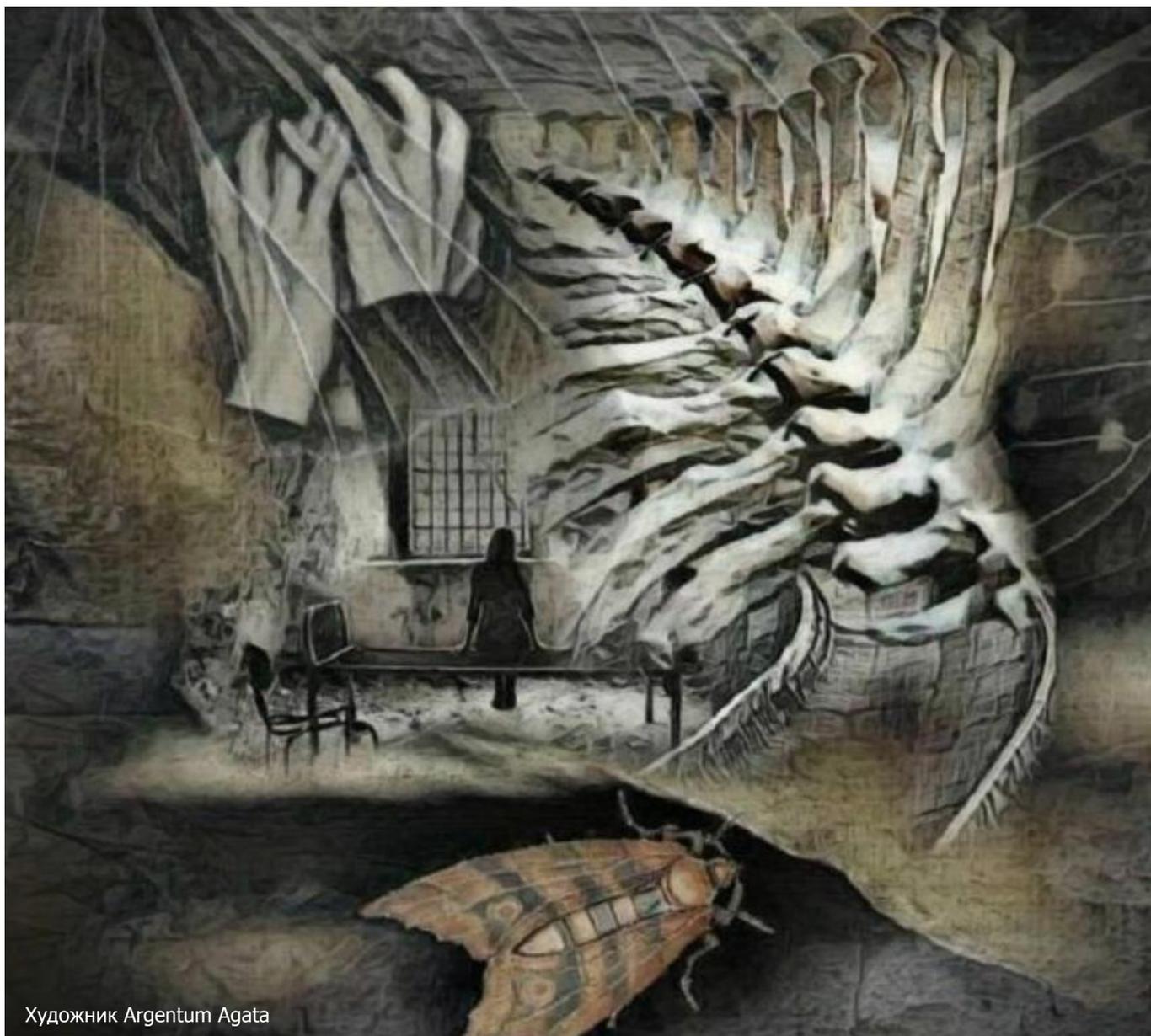
Нервы натягиваются сильнее, отдаваясь болью в черепной коробке. Бледное, нежное тельце мозга содрогается, как желе в банке. Мышцы сведены судорогой в учтивой улыбке — фальшивом оскале, успешно скрывающем искажённую гримасу отчаяния. Черёда разных, но по сути одинаковых людей, зацикленных на своём имидже и статусе, погруженных в лицемерии и самолюбованиях, проходит мимо, сливается в мелькание картинок фенакистископа, одновременно приближая конец рабочего дня и усиливая головную боль до нестерпимой.

Две круглые спасительные таблетки. Поспешные сборы, остывающая после дневного солнцепёка улица. Удары крови в висках — удары трамвайных колёс в такт. У порога квартиры обнимает притихшая тьма, впускает в стылое утро, отбирает боль, одаривает покоем с избытком: бери — не жалко. Зажжённый свет ото-

двигает мрак в закутки, сгущает смоль теней, но не может совсем рассеять чернильную пелену, выброшенную на мебель, стены, пол. Бесполезно бороться с тьмой-хозяйкой, давно приложившей заботливые руки везде и всюду. Бесполезно бороться с усталостью. Выключаю свет, тяжело обрушиваюсь на постель.

Сон поглощает жадно, словно только того и ждал. Нагоняет грязно-серый туман и вонь палёной плоти, машинной смазки, разогретого металла, расплавленной пластмассы. Крики-хрипы звучат приглушённо, определить их источник невозможно, и начинает казаться, что доносятся они отовсюду, даже из моего нутра. Тошнота по полам с отвращением захлёстывают и медленно, неохотно отпускают. Страх на миг вцепляется ледяными зубами в позвоночник и, пощекотав спину, сменяется тупым безразличием.

Художник Argentum Agata

Туман сгущается, стекленеет — и, растрескавшись, разваливается на крупные осколки, что кромсают кожу, выворачивают наружу трубки сухожилий, мягкие волокна мышц, оплетённых сетью вен и капилляров. Обнажаются белые кости. Быстро темнея, они осыпаются пеплом, который кружит, будто хлопья снега.

Завидное постоянство подобных снов уже становится привычным. Непривычным оказывается держать в руках кружку, по которой разбегается узор глубоких трещин. В точности как остеклевший туман, молочно-белый фарфор намеревается рассыпаться на осколки, которые наверняка пожелают врезаться в плоть, раскромсать её до самых костей...

...но не рассыпается. Время отматывает фильм на сотню кадров назад и притворяется, что ничего не было: кружка стоит целёхонькая, паря горячим

утренним кофе. Глаза обмануть просто, но я знаю: в молочной глубине остались следы разрушения. Потому так боязно прикоснуться: вдруг трещины проступят изнутри, вскрыются, как лёд на реке, и тёмно-коричневая жидкость вырвется из плена, изольётся на стол бурным потоком, затопит тишину угрюмым, нестерпимым зловонием грязно-серого тумана...

Дневная суета быстро притупляет остроту восприятия, и мысли округляются, катятся разноцветными шариками в разные стороны — ни один не поймать. Монохромная пустота. Разум чист, безразличен и мёртв, как прах в погребальной урне. Безразличен до тех пор, пока в его покой не врывается без спроса крупноячеистая, ржавая панцирная сетка. Белое пятно за ней — ситцевое платье в мелкий синий цветочек, с оборками по подолу и рукавам. Розовые сандалии поверх чи-

Проза. Мистика

стых носочков на ногах-спичках. Руки — ещё тоньше. Голова окружена ореолом светлых волос, кое-как собранных в две жиденькие косички. Высокий лоб, румяные щёки и сосредоточенные, внимательные бледно-серые глаза. Споткнувшись об этот взгляд, разум конвульсивно вздрагивает, тарыхтит и заводится, будто старый мотор. Запечатлевает на матрице памяти картинку стоп-кадром, лихорадочно гравирует мелкие детали.

Зачем? Ответ находится не скоро. Порывшись в заплесневелом архиве прошлого, отыскиваю его в самом пыльном дальнем углу, под грудой ненужного хлама. Подтверждение — вот оно: фотокарточка с тусклыми цветами под сепию. Миловидная молодая женщина с опрятно уложенными локонами, одетая в простое тёмное платье. Мужчина средних лет, усатый и добродушный, слегка полноватый, в джемпере поверх рубашки, мятых брюках. Меж ними — девочка лет пяти в клетчатом сарафане, с празднично-пышными бантами на голове. Взгляд её — внимательный и серьёзный. Следуя инстинктивному порыву, оборачиваюсь. В зеркале отражается тонкое лицо с тусклыми, усталыми глазами. От прежней пытливости осталось так мало — ничтожные крупички.

Считается, многие дети хотят поскорее вырасти и стать взрослыми. Не помню, чтобы в моих мечтах встречалось подобное. Не помню ни единой детской мечты — они словно испарились или же оказались погребёнными под насущными заботами, незначительными, никому не нужными. Такие важные, серьёзные, взрослые дела оказались лишь показной суетой, не имеющей ни смысла, ни целей.

Надеваю маску приветливости, преодолевая отвращение и потаённый страх перед врастающей намертво лживой личиной, заменяющей моё настоящее лицо. Настоящее... А какое оно — настоящее? Вдруг это тоже маска, давно ставшая кожей?

Сжав зубы до боли, продолжаю улыбаться, пока мадам в соболином манто и вульгарном костюме от кутюр разносит официанта, принёсшего совсем не то, что она заказывала. Официант попеременно то краснеет, то бледнеет, крепко стискивая в руках пустой поднос, и униженно гнёт спину. Извиняюсь перед мадам долго и длинно, как полагается по этикету «клиент всегда прав», и обещаю десерт за счёт заведения.

Конфликт улажен, но в душу будто выплеснули ушат помоев. Слышу, как на кухне шеф-повар громоподобно орёт на су-шефа за испорченную свиную рульку. При упоминании мяса к горлу подступает тошнота: память услужливо предоставляет запах палёной плоти и вывернутые наизнанку волокна мышц, сочащиеся алой, свежей кровью.

Клиенты — все как на подбор нервные и капризные. Запахи вместо аппетитных всё больше отдают железом и тухлой рыбой. Директор ревизорствует, беснуется по поводу и без. Премии в этом месяце не видать никому, зато штрафы и выговоры розданы почти каждому. В уличных толпах равнодушия и мелочного раздражения больше обыкновенного; очередь в магазине слишком длинная и нетерпеливая; соседи в доме чересчур шумные, несмотря на поздний час; от успокоительного нервы только сильнее раздражаются и оголяются. И вслед за нервами сдаётся иммунитет.

Провожу два дня в постели, в ознобе и жару, метаниях по простыне, под скомканным одеялом.

Гротескные скелеты ржавых остовов, обращённых кривыми зубьями в багровое небо, обугленные кости, курганами вырастающие из земли, безымянные кресты над разверстыми беззубыми пастями могил — голодных, жаждущих гнилых и свежих трупов, всё равно каких. Опережая смрад гари, приходит туман. Рисует стену — длинную, как Великая Китайская. Вплетает в монолит камня лица, руки, ноги, торсы, вывернутые под таким углом, чтобы узор — чудовищный по сути, но удивительный по замыслу — создавал композицию цельную, единую и причудливо-замысловатую. Аккуратно препарированные внутренности старательно вписаны меж тел и их частей. Большая фантазия больного художника — моя и чужая одновременно. Ни принять, ни отвергнуть.

Ночь. В окно светит луна. Мучает жажда, но подняться и дойти до кухни, чтобы наполнить давно опустевшую кружку, нет сил. Подрагивая и дыша с присвистом, смотрю в холодную полосу на полу. Краем зрения улавливаю чьё-то присутствие. Там, за узким прямоугольником, выделяется силуэт бледный, маленький, в светлом платье с оборками по подолу и на рукавах. Встречаемся взглядами. Кажется, она хочет что-то сказать, но вместо этого просто исчезает, отшвыривая моё сознание обратно в калейдоскоп сменяющих друг друга кошмаров.

Организм ещё долго пытается прийти в норму, но вместо долгожданного выздоровления наваливаются усталость и опустошённость. Холод — внутри и снаружи.

Город покрыт серостью, унылой и тоскливой: чёрные окна, залитые водой дороги, угрюмые прохожие. Крыши теряются в рваных низких тучах, фонари не разгоняют вязкий, въедливый сумрак. Дождь идёт почти безостановочно, словно хочет устроить второй всемирный потоп.

И посреди всего этого вдруг возникает она. Её белое платье, лёгкое и воздушное, будто сияет мягким лунным светом. Подхожу, остаиваюсь, склоняю над ней зонт.

— Привет.

— Привет, — её голос тих и звучит словно издалека.

— Потерялась?

Она неуверенно мотает головой.

— Проводить тебя домой?

Круглое, почти ангельское лицо, становится грустным и, кажется, чуть испуганным.

— Я не знаю... — она запинается, потом произносит: — Я не помню, где мой дом...

В замешательстве смотрим друг на друга — и теперь, только теперь замечаю, что волосы и одежда её сухие, будто и нет дождя, и не стояла она всё это время без зонтика. Догадка осеняет медленно, с наслаждением садиста, вонзающего остриё ножа в жертву, но я не пугаюсь и не удивляюсь, словно всё правильно, и иных разгадок быть не может.

Спрашиваю:

— Почему я?

— Помню тебя, как ты стояла за забором и смотрела. У тебя были очень грустные глаза...

Обмениваемся невысказанными мыслями.

— Идём ко мне, — говорю наконец.

Она улыбается и кивает.

Молчим всю дорогу. Её светлое лицо обращено вперёд, и только изредка она поворачивает голову, смотрит в сторону, словно заметив там что-то — в такие моменты по её лбу пробегают волны морщинок, но вскоре и они сглаживаются, бесследно пропадают, как ничего не значащий морок.

В этих мимолётных и напряжённых попытках вспомнить мне чудится пугающее дежавю, и внутри откликается сходное — дрожащее, маленькое и хрупкое, надломленное. Пытаюсь отогнать это непрошенное чувство, призвав обратно привычное тупое безразличие — не выходит. Пульсируя крас-

ным, настойчиво вертится обрывок мысли: «Ты должна...» Что должна? Не понимаю, не могу уловить. Окончание ускользает, как призрачные морщинки с призрачного детского лба.

Четырёхстень. Квартира-студия, небольшая, в кофейно-бежевых тонах, с пятнами алого. Минимум мебели, тонкий слой пыли на окнах. Девочка — я так и не удосуживаюсь спросить её имя — осматривается с интересом. Проходит кругом и замирает напротив картины. Наклоняет голову то вправо, то влево — изучает.

— Это мотылёк?

В серо-коричневом нагромождении полос, кругов и неопределённых, безымянных фигур мне всегда виделась только необязательная часть интерьера. Пытаюсь различить мотылька, но безуспешно.

А она, не дождавись ответа, задаёт другой вопрос:

— Ты живёшь одна?

Киваю.

— Одиноко, наверное?

— Нет, — понимаю, что это не совсем правда, и поправляюсь: — Иногда.

— Когда иногда?

— Во снах, если приходят кошмары.

— Когда страшно?

— Не столько страшно, сколько перестаёшь чувствовать себя собой.

Она смотрит удивлённо, с любопытством:

— Это как?

— Сложно объяснить. Вроде ты, а вроде и не ты, кто-то чужой.

Она молчит, задумчиво глядит сквозь картину. Может, ищет там более вразумительный ответ. Мои же мысли начинают путаться, свиваться в клубок. В давно отлаженном механизме чётко прописанного сценария жизни тоже что-то запутывается и сбивается. Слабоуловимо, на короткое мгновение, но этого оказывается достаточно.

Надевать маску приветливости с каждым днём становится всё невыносимее. Она пускает крохотные корешки, которые буравят кожу острыми иглами, впиваясь глубже и глубже. Однажды я не смогу снять маску: она прирастёт намертво, навсегда. И хоть кромсай ножом, хоть вытравляй кислотой — бесполезно.

Днём мои силы пожирает работа, ночью — хаос абсурда, цирк уродов, театр апокалипсиса. Девочка, если не блуждает где-нибудь, сочувственно смотрит на меня прозрачными, не по возрасту мудрыми глазами. Только что она может сделать?

Проза. Мистика

Фенакистископ ломается, и теперь его вращение то запинаясь, застывает статичной картинкой, то несётся вперёд с безудержной скоростью, то позволяет внедряться в круг уродливым обрывкам видений, осколкам кривых зеркал, в которых всё искажается до неузнаваемости. Существующая где-то внутри меня крепостная стена истирается, истончается до плёнки — и лопаётся. Границы больше нет. День или ночь — не важно. Монохромная сцена, поставленная на нескончаемый повтор дублей, обрывается внезапно. Вместо ресторана — пасмурная квартира, вместо кошмаров — сны наяву.

Пол застилает серый туман. Низко клубящийся, он не желает уходить ни со сквозняком, ни с утренним солнцем. Ползёт, подчиняясь только ему одному ведомым законам. Прячет под собой кубический рисунок линолеума, медленно растворяет его, превращает в стекло — тонкое, хрупкое. Однажды оно не выдержит, покроется трещинами и обрушится, увлекая меня вместе с осколками вниз, в бесцветную бездну.

Небо опережает стекло в хрупкости: сменив лазурь на лилово-алую окраску, покрывается чернёным кракелюром. Под ним, словно клочья ваты, пропитанные кровью, неспешно плывут облака. Фасады домов и асфальт оплавляются, и многослойные натёки застывшей лавы калечат геометрически правильные линии и формы.

Люди — восковые куклы с туго натянутыми на яйцевидную болванку кожаными мешками взамен лиц: без глаз, носов, ртов. Сквозь воск плоти просвечивают трепещущие внутренности, нанизанные на пористые, обуглено-ржавые кости. Улыбки с плакатов — оскалы; голоса — дикая какофония. И повсюду — неослабевающий, въедливый запах горелой плоти, пластмассы, машинной смазки, разогретого металла.

Прежними остаются только моё отражение в зеркале и девочка. Она не меняется ни лицом, ни сутью. Уязвимая, маленькая, часто сидит обняв колени тонкими ручонками и следит за полуметровым, серо-коричневым мотыльком, недавно окуклившимся из геометрического хаоса мазков. Она почти всегда молчит, а если и говорит, то шёпотом, как сейчас:

— Знаешь... Я их нашла.

— Кого? — догадка уже скребётся в дверь, но понимание, как обычно, запаздывает, будто за гипнотизированное круглыми зрачками на крупночешуйчатых крыльях.

Она отвечает ещё тише, извиняющимся тоном:

— Родителей.

Мотылёк шевелится, поскрёбывая зубчиками лапок по шероховатой поверхности холста. Зрачки на крыльях и антенны-пирамидки подрагивают.

— Это хорошо, — слова даются через силу.

— Сходишь со мной?

Мотылёк в несколько махов перелетает с полотна на штору. Ткань струится, как загустевшая кровь.

— Да.

Мы бредём по улице до остановки, втискиваемся в автобус. Путь — пытка. Всюду восковые куклы — живые анатомические модели, наполненные гнилью, которая разлагается в желудках и кишках. Сосуды с кровью, напряжённо раздувающие лёгкие, конвульсивно отбивающие нескладный ритм сердцами. Старую не смотреть, уставившись в заплесневелый потолок или прохудившийся пол, но дурнота всё равно усиливается, застилает сознание вихрящимся багрянцем.

Отпускает только за облезлыми решётчатыми воротами. Девочка идёт по колее, глубоко врезанной в глинистую почву автомобильными шинами. Справа и слева — кривые ряды оград, плит и крестов. С круглых фотографий глядят мертвецы. Спокойные или улыбчивые, без масок или кожных мешков вместо лиц. Настоящие.

Свернув с колеи, петляем между старыми соснами и оградами. Эхо голосов из прошлого разносится над лесом памятников. Смысла в нём не уловить, только отдельные бессвязные слова.

Останавливаемся у трёх деревянных крестов: два побольше, один поменьше. На табличках имена и даты, последние числа пугающе идентичны: один день, месяц, год.

Осторожно спрашиваю:

— Как давно ты узнала?

— Вскоре после нашей встречи, — отвечает виновато.

— Тогда почему?.. — не договариваю, но она понимает.

— Не хотелось бросать тебя. Оставалась, сколько было можно.

— Спасибо.

Молчим. Хочется спросить, как это случилось, в тот последний день, но язык не поворачивается. А она опять угадывает мои мысли и, без лишних предисловий, рассказывает прерывистым, чуть дрожащим голосом:

— Мы шли домой, из зоопарка. Я ела клубнич-

Художник Argentum Agata

ное мороженое, подтаявшее и вкусное... очень вкусное... — она запинаясь, будто вспоминая сладость лакомства, которую не может почувствовать сейчас и, наверное, не сможет больше никогда. — Мама спросила, что я хочу получить в подарок на день рождения. Я давно хотела щенка... — она снова умолкла, и выражение муки на мгновение искажает её белое, чистое лицо. Переведя дух, продолжает торопливее, словно боясь сбиться: — Вдруг бабахнуло так громко, как залп салюта. Я испугалась, прижалась к маме. Кто-то закричал. Мама схватила меня за руку, папа указал в сторону магазина, и мы побежали. Опять несколько раз гроыхнуло. Папа вдруг споткнулся и упал. Мама и я остановились. Салют взрывался и взрывался... Мама бросилась к папе, но покачнулась и тоже начала падать... Потом я почувствовала сильную, горячую боль в животе. Всё закружилось, и стало темно. Мне было уже не больно, но очень страшно...

Она умолкает. А я пытаюсь нарисовать в воображении из этих неумелых штрихов ясную картину случившегося. Сквозь грубый эскиз проступает догадкой смутное воспоминание о слышанной однажды новости: обезумевший игроман принял прохожих за толпу зомби, а реальность — за компьютерную стрелялку. Неужели...

Нервный сгусток толкается в солнечное сплетение и застревает в горле. Я смаргиваю, но событийное полотно по-прежнему стоит перед глазами — слишком чёткое, слишком детальное.

Голос девочки заставляет вздрогнуть:

— Как думаешь, я встречу там маму и папу? Или там тоже будет страшно и темно?

Мой ответ звучит беспомощно и жалко:

— Никто не знает наверняка.

— Пусть там не будет темно, пусть там будут... — бормочет словно заклинание. Поднимает голову, улыбается растрескавшемуся небу, потом мне: — Спасибо. И пока.

— Прощай, — то ли мой шёпот, то ли шелест травы от набежавшего ветра.

Одинокий вороний крик.

Ухожу не оглядываясь, стараясь не замечать стоящих у своих могил мертвецов, боясь увидеть их живые лица, встретиться с безмолвной мудростью в их глазах. Ухожу торопливо, чувствуя, как позади напирает плотная, почти осязаемая мгла.

Ограда — плотина, которая сдерживает ту силу, что поднялась и восстала. Вдыхаю облегчённо, но тут же понимаю, что спасение — временное. Это уже началось, и любая задержка — только короткая пауза, передышка перед новым

Художник SEN

броском. Это не остановить: оно разрастётся, расширится и охватит собой всю землю. И не будет больше разницы между живыми и мёртвыми, потому что не останется ничего.

Автобус плетётся слишком медленно. Анатомические модели пыhtят от пыльного, ржавого воздуха, обливаются смрадным потом от духоты и тесноты. Я стараюсь не быть. И это мне удаётся до того момента, когда визг тормозов и резкий

толчок не переворачивают реальность вверх дном. Секунды растягиваются неимоверно, мысли же ускоряются и становятся такими отчётливыми, что мгновенный испуг затухает, задавленный их ясностью.

Плотина прорывается: где-то там, у кладбищенской ограды, и здесь, внутри, в памяти. Катушка с лентой воспоминаний проматывается назад, до тех кадров, на которых прежде

спотыкалась и застревала — и начинает показ фильма, запрещённого цензурой строгого внутреннего психолога.

Из алой мглы проступает хищный блеск двух стеклянных желтоватых глаз металлического монстра, несущегося с диким рёвом, вихляющего, пьяного. Занос — удар — тишина. Багряная капель. Пальцы — белые, дрожащие — обхватывают тонкую руку бессильно, едва-едва, расслабляются и остывают медленно, очень медленно. Улыбка и безмолвная мольба в остановившемся взгляде. Родное, милое с пелёнок лицо омыто дыханием смерти.

Смутные силуэты. Притворство разума — словно ничего и не произошло. Первый самообман.

Запах водки на кухне, тихое бормотание по ночам и пустые, стеклянные глаза на небритом, тоже родном лице. Непонимание — пропасть, растущая год от года. Отчуждение. Потом — далёкая и чужая война, ставшая вдруг слишком близкой. Цинковый гроб. Горе и боль пропадают в бездонной пропасти отчуждения — и словно не случилось ничего.

Обычная жизнь: экзамены, защита диплома, переезд и работа, работа, работа...

Прорыв в замкнутом круге будней. Подземка. Душный смрад, плотные чёрно-серые клубы дыма, предсмертные крики, кровь вперемешку с колючей стеклянной крошкой, трупы, рваные клочки плоти. Выжить — чудо. В голове пусто, только гудит грохот взрыва, скрежещут сминаемые вагоны. Тело не чувствует порезы и ушибы, тело хочет жить, поэтому повинуется инстинкту и бросается прочь, подальше от безумия мясорубки.

И снова притворство. Второй самообман. Последний. Ящик Пандоры начинает трещать по швам: в нём слишком тесно всему, что в него вложено. Добавить ещё немного — и он не выдержит: расколется, распадётся...

Фильм показан, катушка памяти останавливается. Алая мгла рассеивается, и я вдруг оказываюсь на улице, в толпе мешкоголовых анатомических моделей, которые, словно повинуюсь

невидимым течениям, стремятся в потоках мимо — как рыба, плывущая на нерест, как подгнивающая с головы рыба, с энтузиазмом обрекающая себя на неминуемую гибель. Вливаюсь в один из потоков, и он несёт меня куда-то сквозь вязкий смог, по оплавленному асфальту, в трещинах и жилах которого пульсирует красноватое и горячее. Чёрные уродливые натёки трансформируются в не менее уродливые ступени. Пороги запертых дверей — один, другой... Глухой перезвон ключей. Тишина. Время, обратившееся в стекло.

Вздрагиваю от прикосновения крыльев. Чешуйчатые зрачки смотрят прямо в душу — требовательно, вопрошающе. Ткань шторы кровавым водопадом стекает в клубящийся грязно-серый туман. А там, за пыльным окном, мутирует небо, покрывается язвами проказы. Трещины кракелюра растут и раскалывают лиловый пластик на гигантские чешуйки тяжёлого, неповоротливого ящера. Чудовище вздыхает, и дыхание его поднимает с горизонта стену алой мглы, которая растёт, ширится, приближается, снося все плотины и уже не останавливаясь ни на миг...

Скоро, совсем скоро этот мир получит сполна — отмучается в последней агонии, сгорит, истлеет. Мир, в котором вера, надежда, любовь — только красивые слова, на деле же — три могилы с деревянными крестами. Но теперь и они, окропленные алой мглой, сгниют, обратятся в прах — и не останется ничего.

Мотылёк взмахивает крыльями: он ликует, он нетерпелив.

Высыпаю в ладонь горсть таблеток. Вода из молочно-белой кружки. Немного усилий — и всё. Пыльца с коричнево-красных крыльев осыпается дождём, отмеряя крупницы времени. Всё медленнее и медленнее, пока не замирают в воздухе невесомыми пылинками. Пол со звоном распадается на осколки, и я падаю в бесцветную бездну. Потом — только тьма, и больше ничего.

SEN

<https://writercenter.ru/profile/KuraiAkuma/whois/>

Художник Argentum Agata

<https://writercenter.ru/profile/argentum/whois>

Зауэр Ирина

Сонет с янтарём

Янтарь в ладони крошится. Пора.
Там спал мой бог, способный видеть дальше
Застывшей, как смола столетий, фальши
О злобе зла и доброте добра,

О снах что просто сны, пока «вчера»
Не добредет до осени ближайшей,
И кто-то скажет, что «пора, но жаль же»,
И пепел янтаря отдаст ветрам.

Проснись, мой бог. Или меня во сне
Увидь не той, кем быть не стоит мне,
Как злу – добром, как богу – спать пореже.

Но, как и осень, сну я подчинюсь,
Увидишь новой, значит, изменюсь,
И мой янтарь меня уже не сдержит...

Художник LAURI BLANK

Баллада о лодке

Что Стикс под землей, во тьме, вы верите?
Я — не очень.

Строками в пустом письме исчезли бессонниц ночи,
Свои, но чужие дни, где смысла — одна щепотка...
А впрочем, не так. Из них хорошая вышла лодка.

Плыву. Не спрошу — куда. По облачному — до края.
Незнание — не беда, я верю, пока не знаю,
Пока еще помню — там был берег, родник у рощи.
И кто-то сказал: «Вода — забыться. Так будет проще».

И помню, как уронил протянутую мне кружку.
Я сам по себе забыл считавшееся ненужным
И нужного целый ком, и разного — понемногу.
... Что помню — в руках веслом. Плыву — ну и слава богу.

Какому — вопрос решен. Здесь — только один, что прожит.
Он смотрит со всех сторон и все что угодно может:
Стать морем из облаков, и вечностью, и закатом.

... Ни близко, ни далеко — есть «нынче» и есть «когда-то»,
Усталость неловких рук, закат как из сардоникса...
И мысль — не пойти б ко дну!

... А есть ли оно — у Стикса?...

Зауэр Ирина

<https://writercenter.ru/profile/Lita/whois/>

Художник LAURI BLANK

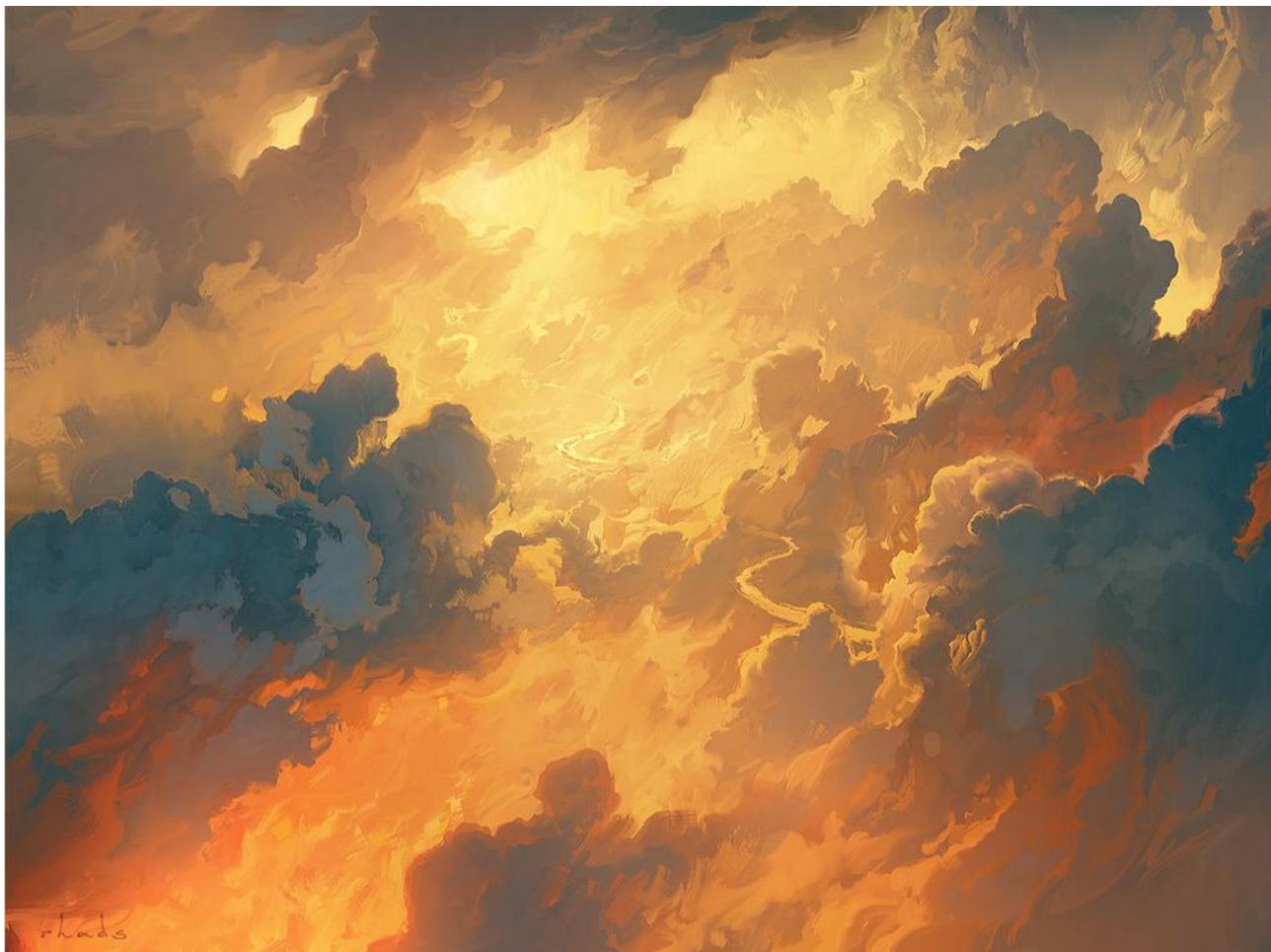
<https://blankstudio.com>

Германюк Ирина

Мокрая музыка

Как пахнет дождь! И торжествуют тучи,
Облизывая каплями асфальт.
Смешенье звуков музыки певучей:
Узнаешь в них гитару, скрипку, альт...
Ударом молний эхо разразится
И звуки обретают новый тон.
То грозно дышит вдруг, то веселится —
То вдруг тромбон, а то — аккордеон.
Свирелями защелкают по веткам
Дождинки — прямо в сети пауков.
Эх, чудились далеким нашим предкам
В звучаньях этих голоса богов.
Но снова небо ясно распахнется
И станет тихим, сбросив мокрый груз.
Лишь где-то заразительно смеется
Испачкавшийся в луже карапуз.

Художник RHADS

Вечер

Как не люблю чужих я городов —
В них каждый дом колоч пятью углами.
И виснет над колючестью домов
Пронизанное небо проводами.

Жизнь городов по-своему кипит,
В них до испарин движутся события.
И даже ночь как будто бы не спит,
Не находя надежного укрытия.

В них утра не лучами входят в дом,
А звуками колес и расстояний...
Дни оставляют ворох — на потом
Незавершенных дел и обещаний.

Ну как мне в этот шумный диалог,
Как в этот концентрат многоголосья
Вплести мой одинокий монолог
Не прощенной никем заезжей гостью?

Все в этих мне пространствах поперек,
Все будто вспять — мне непонятным ходом...
Но, знаю, ждет и так же одинок
Тот город, из которого я родом.

И пусть он тоже встретит суетой
И хаосом, который неминуем,
В нем каждый угол мягок под рукой,
И каждый взгляд витрины предсказуем.

Беседа

О боли говорят чувствами.
О смерти говорят ранами.
Словами помолчим грустными,
Друзьями посидим старыми.

Печалиться мой друг нечего,
Глазами расскажи главное.
О жизни говорят вечное,
А вечности хотят странные.

Рукою прикоснусь ласково —
Придумаю судьбу добрую.
О счастье говорят сказками,
А правду говорят горькую.

А, правда, говорят лишнее?
Все, кажется, больны нуждами!
Да лишь бы говорить искренне...
Да лишь бы говорить с нужными...

Германюк Ирина

<https://writercenter.ru/profile/germanyuk/whois/>

Художник RHADS

<https://www.deviantart.com/rhads/>

Бродский на диване

Янина Желток

История эта произошла летом во время студенческих каникул. Тогда и я и мои приятели были еще очень наглые, веселые, ничего не боялись, за слова свои почти не отвечали. Как-то захожу в гости к одному моему товарищу и вижу: около кресла валяется томик Бродского. Первый том двухтомника. Говорю:

— Дай почитать.

Он говорит:

— Бери, только с возвратом.

Я отвечаю:

— Конечно, пренебреженно!

Ясно, что не отдала. Зеленая книжка эта до сих пор у меня. Так что, если ты читаешь мои слова, друг юности, Бродского могу отдать. Особенно, если второй том скачет по первому. Или возникли какие-то другие родственные тайные сентиментальные чувства.

Этого отличного, толстого, в зеленой обложке Бродского я читала дома, лежа на диване. На том самом узеньком-преузеньком детском еще моем диванчике.

Читала с начала в сторону конца. Последовательно и не сбиваясь — в хронологическом порядке. А на улице лето, каникулы. Лето летит стремительно, и если вовремя не заметить его, оно может исчезнуть. А чтобы заметить по-настоящему, нужно отправиться на юг. Там лето четкое и выраженное. (Если ты на севере, надо на юг, а если на юге, лучше на север). И вот я лежала на диване, читала Бродского, а на полу уже ждал собранный рюкзак, в сумке трепетал билет на поезд.

Переворачиваю страницу и вижу начало стихотворения: «Воротишься на родину. Ну что ж». Прочла и думаю: "О! Класс! Оставляю книгу открытой на этой странице, а когда приеду, узнаю, о чем мне хотел рассказать поэт".

И я поехала на юг, оказалась первый раз в Одессе, потом была в Крыму и где-то еще, и еще...

Недели через три мой поезд мягко подошёл к перрону Курского вокзала. Поезд привез меня в столицу утром и так рано,

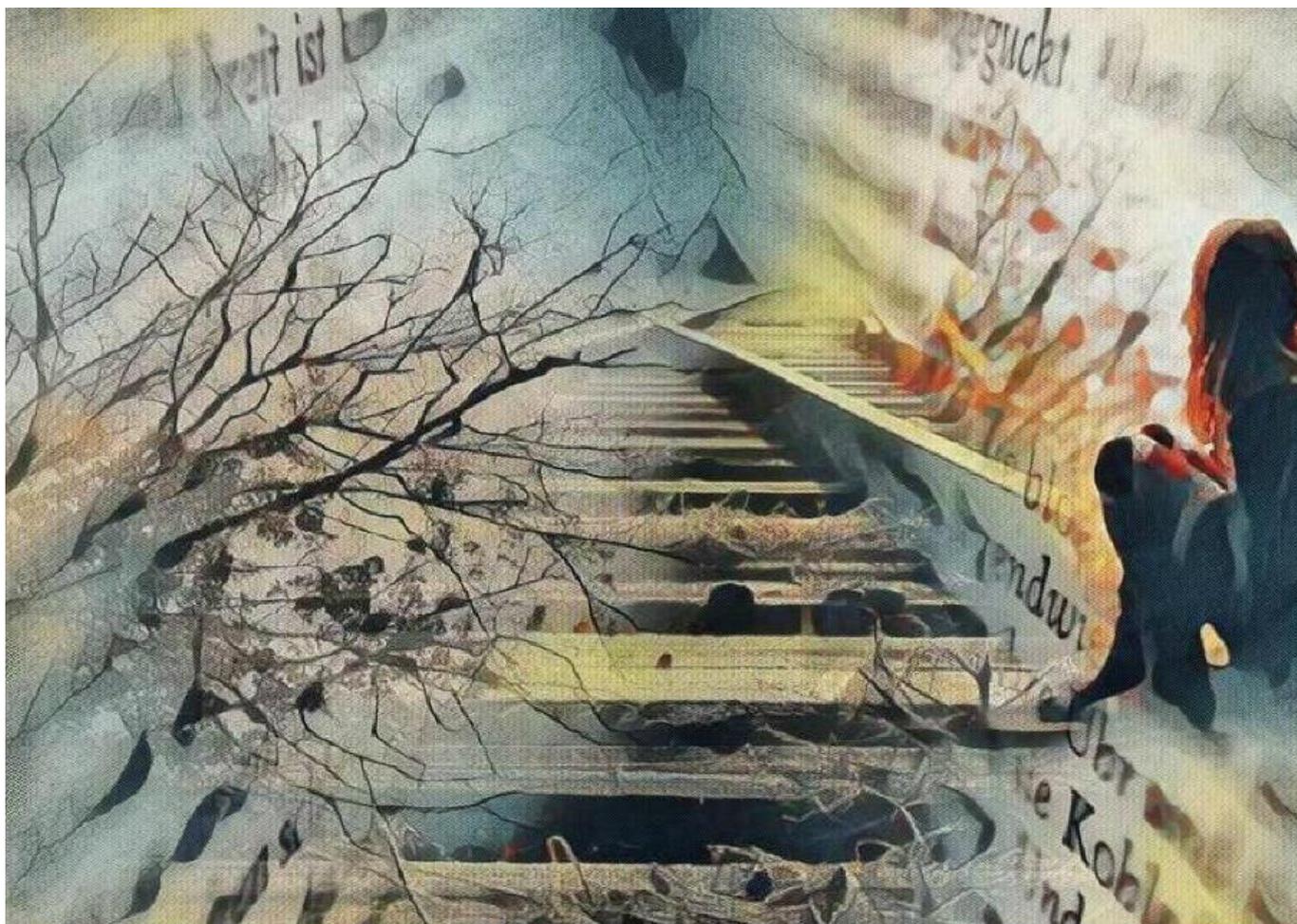
что метро было еще закрыто. Я решила под негорячим утренним солнышком пройтись от Курского к станции Таганской. Я шла с моей ношей по Садовому кольцу, рассматривая каменные дома сталинской постройки и вспоминая людей, которых я встретила в пути. Я была слегка влюблена и все же понимала, что мое возвращение неизбежно, что надо учиться дальше, это важно. Что надо постараться скорее настроиться на учебу и думать о том, как я выучусь, стану взрослой, совсем самостоятельной, а в новое путешествие поеду уже после института. Когда-нибудь поеду. И все равно в моих мыслях колыхались волны, куда-то плыли водоросли, пахло морем. В центре Одессы ночью слышались нежные разговоры, и все еще летела, посверкивая, монетка, которую я бросила в воду на Большом Фонтане, бесконечно вращалась и переворачивалась в воздухе. Я шла и сочиняла письмо новому другу, понимая, что и новый друг и я, такая, какая я была, остались в прошлом, и письмо, если я его напишу, а он его получит, только напомнит ему о нас таких, какими

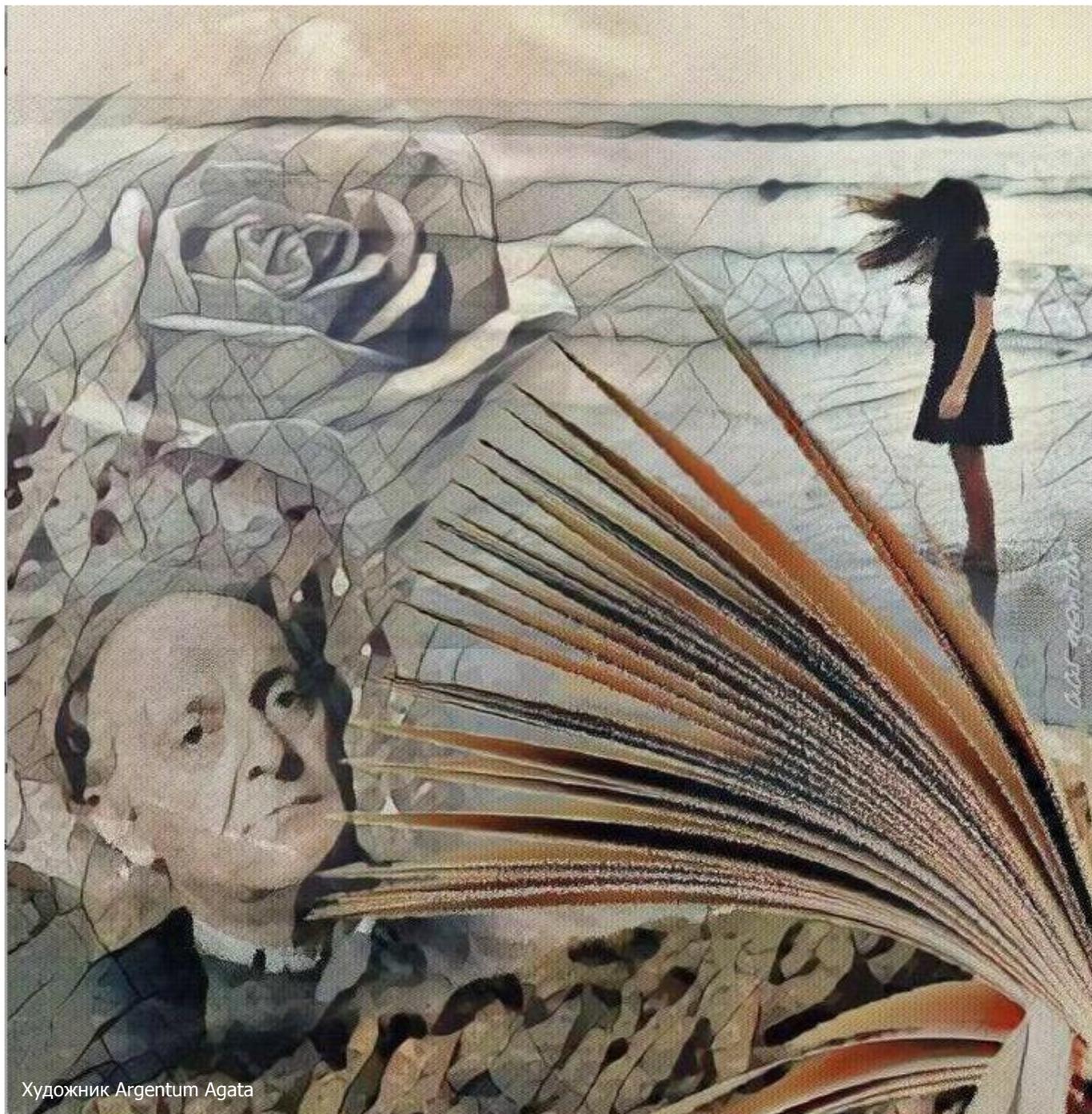
мы были тем летом и больше никогда не будем. Письмо как кусочек рефлексии. Рефлексирующий мотылек. Улетел, и не поймаешь. "Все улетело, все улетело", — думала я.

А из рюкзака время от времени слышалось тихое бульканье: за спиной у меня ехала бутылка красного вина, которую я купила, уезжая из Крыма. Я пришла, родители мои как раз собирались на работу, я поздоровалась и спряталась у себя. Чтобы не мешать им завтракать и чтобы не нужно было ничего рассказывать. А что рассказывать? И так все понятно. На моем диване лежала книга. Бродский! Закладка на стихотворении «Воротишься на родину». Ух ты! Я даже забыла, что оставила себе такой привет. Я открыла книгу и начала читать:

Воротишься на родину. Ну что ж.
Гляди вокруг: кому еще ты нужен?
Кому теперь в друзья ты попадешь?
Воротишься, купи себе на ужин

Художник Argentum Agata

Художник Argentin Agata

Какого-нибудь сладкого вина.
Смотри в окно и думай понемногу:
Во всем твоя одна, твоя вина,
И хорошо. Спасибо. Слава Богу.

Как хорошо, что некого винить,
Как хорошо, что ты никем не связан,
Как хорошо, что до смерти любить
Тебя никто на свете не обязан.

Как хорошо, что никогда во тьму
Ничья рука тебя не провожала,
Как хорошо на свете одному
Идти пешком с шумящего вокзала.

Как хорошо, на родину спеша,
Поймать себя в словах неоткровенных
И вдруг понять, как медленно душа
Заботится о новых переменах.

Все, что я прочла, было про меня. Ночной отъезд и прогулка от вокзала, неоткровенные слова и мысли. Намек на неизбежные новые повороты сюжета. И даже бутылка вина. Как будто это писала я. Или будто сам Бродский шагнул рядом со мной от Курской до Таганской по Садовому кольцу. Или летел рядом в образе ангела с крылышками, покуривая сигаретку. Это было удивительно. Разве так бывает? Чудо поэзии. Вечером мне позвонил тот приятель, что дал книгу. Обрадовался, что я вернулась, и спросил, прочла ли я Бродского. Я сказала, что читаю, что книга удивительная и в ней полно совпадений. «Что ж, давай приезжай и расскажешь, — ответил он, — заодно книжку отдашь». Я ответила: "Конечно, привезу, отдам непременно".

Тем вечером мы распили бутылку красного сухого из Крыма. Я смотрела на моего умного и красивого товарища и думала: "Какой же ты классный! В этом городе тоже есть хорошие пацаны". От вина это чувство усиливалось. А он смотрел на меня. И тоже что-то молча про меня думал. А томик Бродского я забыла дома; подумала, собираясь, что отдам в другой раз, я не дочитала, и он так и остался лежать у меня — Бродский на диване.

Янина Желток

<https://writercenter.ru/profile/jelto4ek/whois/>

Художник Argentum Agata

<https://writercenter.ru/profile/argentum/whois/>

Холодная весна

Евлампия

— Не скажешь, что весна началась, — Надя оторвалась от экрана и утонула взглядом в серой свистопляске за окном.

Ему всегда хотелось узнать, о чём она думает в такие моменты, когда застывает, глядя в никуда, как будто видит сон наяву. Но в мысли, увы, не заглянуть, остаётся смотреть издали, мечтать и даже не надеяться. Попытался заняться работой, но глаза сами вернулись к любимому лицу.

Профиль — не идеальный! Нос вздёрнутый, тонкая морщинка в углу не пухлых губ, лоб, подходящий для мыслителя с портрета, а не для девушки, упрямый подбородок. Но сколько он ни пытался, так и не нашёл более красивого лица. Снова поймал себя на желании прогнать из жемчужной глубины глаз вселенскую печаль. Чтобы было, как раньше, чтобы золотые искры играли под ресницами, озаряя лицо чудесным ореолом внутреннего света.

Реальность вторглась в мечту, как всегда бесцеремонно, гремя дверями и улыбаясь обезьяньим лицом.

— Вы обедать собираетесь?

Оба неохотно оторвались от созерцания.

— Идите. Мне что-то не хочется, — вымученно улыбнулась Надя.

— Надежда Васильевна, что за выдумки! У нас работы куча, — обвёл он заваленные карточками столы, — и для этого нужны силы.

Это был запрещённый приём. Он знал, что она переживает, потому что не может выполнять работу так же, как и раньше. Но не мог позволить ей остаться голодной.

— Яна Алексеевна, — обратился он к вошедшей, в очередной раз подавив желание ударом стереть идиотскую ухмылку с её лица, — помогите Наде добраться. Мне нужно сходить к машине.

Яна понимающе округлила густо накрашенные глаза и усиленно заулыбалась, открывая розовую полоску дёсен над мелкими редкими зубами. Она так энергично кивнула, выражая согласие, что тощий хвостик взметнулся над головой подобно чёрной змеюке, изготовившейся к броску.

Долго смотрел им вслед, пока не убедился, что добрались благополучно. Скользкие больничные полы любили преподносить неожиданные сюрпризы. Об этом он снова вспомнил, теряя опору при входе в крошечную комнатку, служащую им столовой. Спасая цветы, упал на колени, зацепив сидящую возле входа Надю, и уронил на неё пару букетов.

Охнул, но не от боли, испугался, что сделал больно ей.

— Смотрите, кто пришел! — как всегда невпопад захлопала в ладоши Яна Алексеевна.

— Надежда Васильевна, а почему перед вами мужчины падают на колени, засыпают цветами, а

Арт Белка Елена

нам ничего не достаётся? — неожиданно поинтересовалась Марина Михайловна, Надина соседка по столу.

Народ рассмеялся, Надя тоже. Пока веселились, он собрал цветы. Поздравил коллег с наступающим праздником и подарил всем по хрупкому нежно-жёлтому букетику. Раздавая, мечтал вручить всю охапку Надежде, присовокупить своё сердце и умолять о прощении.

Но вместо этого занял место рядом с Яной Алексеевной и терпел бурю восторгов, что не могли не вылиться из неё, как лава из жерла кипящего вулкана. Наливая ей чай, жалел, что нельзя вместо молока добавить цикуты, но продолжал улыбаться и поддакивать, даже не стал отодвигаться, когда она привалилась к плечу, мешая есть.

Старался вести себя естественно, как положено бойфренду, но в чём-то всё-таки

Проза. Реализм

проколоса. Об этом узнал позже. Змея умела не только греметь, но и жалить, впрыскивая под кожу хорошо испытанный яд.

— Интересно, как Надя теперь относится к снегу? Ну, после того случая? Считает ли она по-прежнему, что снегопады — это погода для влюбленных? — изображая невинность, спросила Яна Алексеевна в своём кабинете, куда он вынужден был пойти, чтобы помочь унести подарки.

Ярость погрузила его во тьму, полную багровых всполохов и биения крови в ушах. Очнулся, когда особо громкий хрип прорвался в сознание. Увидел синюшно-красное лицо с вытаращенными, испуганными глазами, свои изодранные ядовито-синими ногтями руки. Испугался только, когда понял, что ему ничуть не жаль. Отбросил потрёпанную пассивку и выскочил на заваленный снегом задний двор.

Стоял, разглядывая пушистый белый ковёр, который расстелила на прощанье уходящая зима. Невидимые из-за снега вороны устроили перекличку, попутно выражая своё недовольство пурге. Их резкие вопли напомнили ему голос Яны Алексеевны. Поняв, что нигде не найти покоя, решил вернуться к работе.

— Прости, — только и сумел прошептать он, заметив, как сильно побледнела Надя, когда он вошёл в кабинет. Глядя в её синие от страха глаза, решил, что разгневанная подружка исполнила угрозу. Рассказала Наде правду.

Когда понял, что дело в исцарапанных руках, долго смеялся. Повезло, что непогода разогнала даже самых стойких пациентов, иначе жалоб не удалось бы избежать.

Пока Надя обрабатывала ранки, наблюдал за её лицом. Как всегда, испытывал дикое чувство вины, восхищение и щемящую нежность. Хотелось поцеловать каждый шрам на левой щеке, сказать, что они не только её не портят, но даже делают красивее. Пообещать, что он сделает всё возможное и даже больше, чтобы избавить её от следов аварии.

Промолчал, чувствуя, как вина, подобная мокрому липкому снегу, сдавливает грудь, мешает дышать, вытягивает жизнь. Оставляя только ненависть — к снегу, к несчастной девчонке, которая любой ценой хочет удержать его возле себя, к самому себе.

Сколько раз за этот кошмарный год он проклинал себя, сжимая нелюбимую в объятиях,

мечтая сделать что угодно, лишь бы избавиться от вечно улыбающегося лица?

Если бы он только знал, что, послушав её однажды, попадёт в кабалу — навсегда.

— Андрей Николаевич, вы же не выгоните нас на улицу в такую погоду? — спросила Яна Алексеевна, глядя на сплошную белую кашу за окном.

Они втроём сидели в столовке и пили чай с трюфелями. С теми, что он втайне от Нади купил и спрятал на антресолях, куда они закидывали подарки от пациентов. Купил, потому что знал: Надя такие любит. Ему нравилось смотреть, как она берёт их тонкими, как у ребёнка, пальцами, вдыхает сочный аромат шоколада и, слегка закинув голову, откусывает малюсенькие кусочки. В этот момент ему хотелось прижаться губами к её губам и заглянуть в затянутае дымкой восторга глаза...

Не первый уже раз он подавился из-за бесцеремонности коллеги.

— Что Вы имеете в виду? — спросил он, когда прокашлялся.

— Отвезёте нас с Надеждой Васильевной по домам? Вам же всё равно по пути, — активно улыбаясь, ответила она.

Только у Яны Алексеевны получалось улыбаться именно так — активно. Выглядело это так, будто улыбка пыталась убежать с лица и спрятаться, а хозяйка подхватывала её и растягивала снова. И так сотню раз за минуту.

— Если у меня получится отчистить машину от снега, отвезу, — согласился он, стараясь сделать это как можно более безразлично, хотя сердце вдруг подпрыгнуло в груди и говорить стало трудно.

Надя жила дальше Яны Алексеевны.

«Если согласится, сегодня же ей всё скажу», — решил он, сам ещё не до конца зная, что значит это «всё».

Признаться он хотел давно. Да и возможности были, всё-таки они проводили по шесть часов в одном кабинете. Но не получалось.

Стоило только приблизиться к ней на шаг, как волна безумного волнения охватывала его и слова исчезали.

Да и слова эти, когда он мог их сложить в предложения, пугали своей сериальной затасканностью и обыденностью, совсем не отражая того, что он хотел сказать.

Если б можно было подойти, прижать её спину к своей груди, сжать ладони в своих и не говорить

ничего — он бы так и сделал. Стоял бы и слушал, как бьётся её сердце, согревал дыханием озявшие плечи, вдыхал аромат её кожи. Но для этого ему нужно было поверить, что она хочет того же, а не получалось.

В каждой её улыбке, в каждом движении, в каждом новом платье — искал подтверждения. И находил — особенно утром, когда они оба приходили на работу за час до приёма, смущаясь, переодевались, а потом долго пили кофе, молчали или перебрасывались короткими фразами. По утрам она всегда выглядела бледной, поэтому румянец, расцветающий на коже, был более заметен.

Сова от природы, он полюбил утренние часы настолько, что пробуждение в пять утра перестало казаться ему пыткой.

Надя оторвалась от кружки с чаем и улыбнулась им обоим, как малым детям.

— Меня подвозить не надо, я хочу сегодня погулять.

Чувства, вызванные этим заявлением, ударили по нему, как снежок, метко пущенный из-за угла.

Смешались разочарование, удивление и восхищение. Надина способность совершенно непредсказуемо реагировать на самые обычные вещи повергала его в онемение, очень близкое к восторгу.

Глядя на озадаченное лицо Яны Алексеевны, нижняя челюсть которой непроизвольно выдвинулась вперёд, он чуть не рассмеялся: она напомнила ему озадаченного мопса.

— Гулять?! В такую погоду? — «мопс» вытаращил глаза и сделался похож на иллюстрацию базедовой болезни.

— А почему бы и нет? Там очень тепло. Просто снега много, как в сказке... — выдохнула Надя, глядя в окно, и замолчала. — Самая лучшая погода для влюблённых, — добавила она, поднимаясь со стула. Быстро ополоснула свою кружку, спрятала в шкаф для посуды и вышла, оставив их обдумывать сказанное.

Избавиться от Яны Алексеевны не удалось, хотя он намеренно задержался на работе, в надежде, что она его не дожждётся.

А потом...

— Убил? — шёпотом спросила она.

«Этого не может быть!», — стучала в голове единственная мысль.

Он совершил преступление, пусть и

непреднамеренно. Самонадеянность, как летняя резина на льду, подвела его. Слишком поздно заметил он человека на пешеходном переходе.

Можно оправдывать себя ураганом, можно льдом, на котором машина вертелась, словно запряжённая свинья, можно женщину, которую ему пришлось подвозить. На секунду отвлёкся на руку, что бесцеремонно оказалась на его коленке и... едва заметное движение перед бампером... Удар! И страх — густой и липкий, как патока.

— Этого не может быть! — думал он, глядя в глаза спутницы, и видел там отражение собственного ужаса.

— Гони! — завизжала она.

И они помчались прочь, прежде чем он успел понять, что делает.

— Этого не может быть! — повторял про себя как заклинание, когда остановился возле дома Яны Алексеевны

— Я никому не скажу, — перед тем как выйти, пообещала она, сложив руки, как будто собиралась молиться. Он не ответил.

— Этого не может быть! — шептал он, изучая бампер машины. На удивление, на нём не осталось ни вмятин, ни повреждений, только алая полоса чуть пониже фары.

Невидимый крупье сдал карты. Принимая игру, он ещё надеялся, что можно проиграть не слишком много.

Размер ставки выяснился на следующий день, когда он пришёл на работу и не услышал родной до боли голос и не увидел глаз цвета моря под солнцем. Коллеги дружно ругали нелюдей, которые, сбив человека, оставляют жертву без помощи.

Началась новая жизнь. Он приходил на работу и видел пустой стул, проклинал себя и метался. Без Нади жизнь рассыпалась на мелкие детали — он никак не мог их собрать.

Вот он стоит, прижав лоб к чугунному забору, и снег падает за воротник халата.

Впихивает деньги в сумку Надиной тётки, а она испуганно смотрит на него и говорит, говорит, говорит, но он ничего не понимает.

Подставляет руку навстречу толстой игле, через которую аппарат с противным писком вытягивает кровь.

Поджигает в бокале зеленоватую жидкость и смотрит, как корчится пламя.

Все эти воспоминания смешиваются в странный коктейль, имя ему — ужас.

Надя выжила.

Но страх не желал отпускать того, кто попал к нему в рабство. Всего лишь пара слов, и колесо закрутилось снова, и он вместе с ним.

В день, когда Надю перевели из реанимации, Яна Алексеевна призналась в том, что давно не было секретом. В любви. Только теперь у неё появились новые доводы. Поэтому и призналась, что была уверена в том, что он не сможет отказать. Ведь это означало, что Надя узнает, кто сидел за рулем автомобиля, который её сбил.

Вот тогда и постиг, что такое ненависть. Но держался, пытался объяснить, надеялся. Напрасно!

А самое обидное было в том, что он не мог обвинять женщину, которая увивалась за ним со второго курса. Понимал, почему она поступила так. Понимал, что сам виноват. Понимал, что заслужил наказание. А принять не мог!

Единственным спасением сделалась работа, а когда Надя появилась снова — работа стала в радость. Вот только Яна Алексеевна ни на секунду не давала забыть, что он находится в её власти.

Остаток дня прошёл в тишине. Переговаривались только коротко и по делу, никто их не отвлекал, не заглядывал, не задавал глупые вопросы. Когда бумажная волокита закончилась, он унёс карточки в регистратуру.

Этим, конечно же, должна была заниматься Надя. Но когда она на костылях вернулась на работу, ему пришлось пригрозить собственным увольнением, чтобы начальство согласилось на подобную «авантюру» — он взвалил эту обязанность на себя, чем вызвал немало сплетен и ярость Яны Алексеевны.

До конца рабочего дня оставалось совсем немного, но он решил не откладывать разговор, чтобы не давать себе шанса снова поддаться страху.

Из-за трясущихся рук дверь получилось открыть не с первой попытки. Надя прибрала на столах и собирала вещи.

Не говоря ни слова, он достал с антресолей бутылку подаренного пациентами коньяка, открыл её и налил себе полную кружку.

— Будете? — спросил он Надю, что смотрела на него округлившимися глазами.

— Наливайте, — согласилась она, от чего он чуть не выронил пустую кружку.

— За три года я ни разу не видел, чтобы вы выпивали, — прошептал он, плеснув ей чуточку коньяка.

— Я просто хорошо скрывалась, — улыбнулась она, и в глазах её заплясали знакомые лукавые огоньки, которые сменились слезами, стоило ей отпить.

— Я хотел поговорить... — решил он, после того как она залпом проглотила два стакана воды.

— Обязательного сегодня? — перебила его она. — Я обещала тётушке не задерживаться. Она собралась в гости, но обязательно хочет убедиться, что я вернулась домой. У неё до автобуса останется мало времени.

— Я могу подвезти вас домой, — предложил он, внутренне проклиная себя за выпитый алкоголь.

— Хорошо, — согласилась Надя, — тогда, может быть, поговорим у меня дома? Тётушка уедет, а Васька нам не помешает.

— Васька? — переспросил он.

— Кот наш. Не бойтесь, он уже старенький. Так что? Едем?

Они быстро собрались. Единственное, что его удивило, что Надя даже не спросила про Яну Алексеевну, которая до этого дня каждый день ездила вместе с ним. Но он списал это на суматоху.

Он отвёз Надю домой, потом её тётушку на автобус, потом заехал в магазин, купил кучу подарков и долго стоял под дверью, не решаясь нажать звонок.

Надя сразу же открыла двери, как будто сидела тут же, на скамеечке возле входа, и ждала. Ещё более хрупкая и непривычно беззащитная в розовом домашнем платье.

Молча приняла подарки. Пропустила его в свою комнату, но сама осталась в дверях, настороженно за ним наблюдая. Сначала он не понял почему.

Рисунки. Комната небольшая — сразу у входа пианино. Вся стена над ним — в рисунках.

Розы на подоконнике их общего кабинета. Синичка, что любит заглядывать к ним в окно. Руки, что-то выводящие в карточке — с удивлением узнал в них свои. Те же руки с чайным пакетиком. Фигура человека, задумчиво глядящего в окно — он. Чувствовал, что Надя за ним наблюдает, но продолжал изучать рисунки, изо всех сил сдерживая улыбку, боялся, что она неправильно поймёт.

Потом тональность рисунков резко изменилась. Закружился в фантастическом танце вихрь, разрывая реальность на мелкие осколки. В них, как в кривых зеркалах, отражалось его лицо, размытое пеленой снежинок — испуганное, беспомощное, жалкое.

Тишина между ними звенела. Можно было услышать шум воды в чьей-то ванной, гомон воробьев за окном, сухой речитатив телевизора, шуршание терзаемой оберточной бумаги, когда он смотрел ей в глаза.

— Ты знаешь? — еле смог выдавить он.

— Теперь ты тоже, — порозовев, опустила она глаза.

Евлампия

<https://writercenter.ru/profile/Evlampia/whois/>

Арт Белка Елена

<https://writercenter.ru/profile/miracles/whois/>

Как найти небо

Германюк Ирина

Хмурая погода не веселит...

— Мама, а где небо?

— Как, где небо? Вот же оно, ты на него смотришь!

Даша шагала неспеша. В ее медлительности просматривалась скука и нежелание продолжать прогулку. Но вот она остановилась и снова спросила: «Мама, где небо?»

— Ну вверху же, над головой! Куда ты смотришь?

— Вверх смотрю, — ответила Даша.

— Вот вверху — это небо!

— Нет. Не небо... Это фто-то чёрное.

— А разве небо выглядит иначе. Какое оно?

— Небо голубое. Идём искать!

И, набравшись решимости, мы пошли искать голубое небо. Однако ни в соседнем дворе, ни возле магазина ничего не менялось.

— Пропало, — заключила Даша.

Пропавшего неба было жаль, но развеять грусть нам помогла незапланированная встреча. Совсем низко на ветке дерева сидел дятел. Он тараторил так настойчиво и увлеченно, что наше присутствие и болтовня его нисколько не смутили.

Даша видела такую птичку впервые и поиски голубого неба на какое-то время пришлось отложить.

— Тятив... тучит... вот тафк «тук-тук»... тучит па дереву... тук-тук... — Даша тараторила не меньше дятла. Птичка, которая так резво бьётся головой о твёрдую поверхность, явно вызвала в ребёнке недоумение и, вместе с тем, самый что ни на есть живой интерес.

«Даша! Нельзя бодаться! Нельзя бить лбом стену! Даша, перестань стучать книжкой по голове...». — Дома ребенок активно осмысливал увиденное и смаковал эмоции: «Я дятив! Мама, я дятив, смотри».

— Даша, нельзя стучать головой!

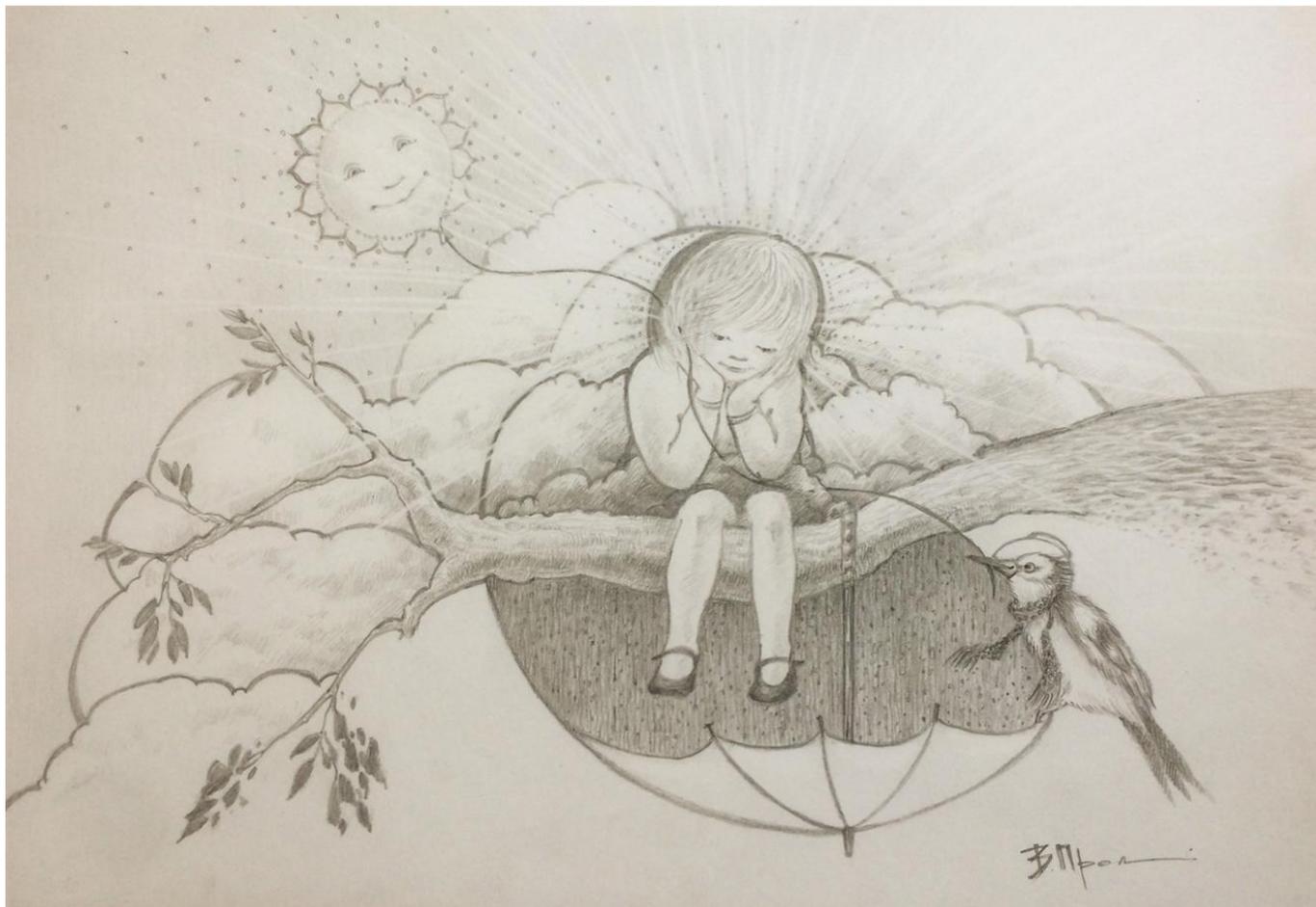
— Всиравно, всиравно фтучу! — И, наклоняясь головой к полу, Даша убедительно демонстрировала, как она умеет это делать.

Небезопасная птица однако, думала я, пресекая детское озорство. Потом мы рисовали птиц, смотрели мультфильмы про птиц, искали в книгах стишки о птицах и снова рисовали... угадайте кого.

«Дятив» стал событием дня.

Уже перед сном запал наконец-то стих. Завершая последний вечерний ритуал, мы ещё какое-то время изучали с ребенком фотографии в комнате на стене. Два больших плаката с фотографиями о ярких моментах из жизни Даши до двух лет прочно вписались в интерьер.

Художник Пролесковская Валентина

Вот мы рассматриваем: «Дася пигаает а лузе» — прыгает по луже, вот она «миеться» — смеется, вот Даша «гутит» — грустит, «нюхаит цитоцик» — нюхает цветочек, «ест касету» — ест конфету... А вот... И тут вдруг ребёнок вспоминает про потерянное днём небо, которое теперь так привлекательно выглядело на летних снимках.

— Небо... вижу... голубое... Нафла! Вот тут небо, Дася, мама... Мама касивая!

На летней фотографии вспышка эмоций. Глубокий голубой горизонт, сочное солнце и мы — я с какой-то совсем ребяческой и безмерно искренней улыбкой, сияющими глазами и переполохом на голове и она — хмурая, хитрая и довольная — мелкая ещё совсем, у меня на руках.

— Да, Дашенька, мама счастливая.

А голубое небо в эту ночь осталось у нас в комнате и тихонечко посапывало рядом...

Для тех, кто еще не стал взрослым

Даша рассуждает о возрасте: «Я маинькая. Я буду басяя. Ты будишь васти и тоже станишь маинькая».

Я ловлю ее слова и думаю, как это должно быть хорошо, расти-расти и потом снова стать маленьким. Я не очень люблю взрослых. Сама не умею быть взрослой. Но по мере взросления ребенка приходится.

Иногда ко мне приезжает мама. Хотя с появлением Даши все родственники приезжают, скорее, к ней, чем ко мне. Но мама — это другое.

Мама всегда привозит сумку с подарками: вкусности, полезности, бытовые мелочи, приятные сувениры. Даша знает, что для неё в этой сумке непременно припрятана конфета или игрушка, или «фто-то ищё».

Когда я была маленькой у меня была огромная коробка с игрушками. Она хранилась в шкафу и упомнить, что именно хранится в коробке, я не могла. Одни игрушки предназначались для игр повседневных, другие — отпра-

Художник Пролесковская Валентина

лялись в коробку. Время от времени я открывала шкаф и запускала руку на самое дно, хватала первое, что попадалось и... на мгновение замирала, предвкушая момент удавления какому-то из воспоминаний, связанных с давно забытой безделушкой. Всегда радовалась.

Когда приезжает в гости мама, её сумка напоминает мне эту детскую коробку. Никогда не знаешь, что появится в маминых руках в следующий момент — сдобная выпечка, новая футболка, браслетик, кружка, домашние конфеты, новый чай с особым ароматом, что-то из кухонной утвари... Что бы это ни было, это всякий раз одинаково радует, вызывая в душе какие-то совершенно детские эмоции и уже взрослое смущение, — когда хочется ответить тем же, но ты не знаешь как.

В этот раз мама подарила мне платье.

Я никогда не любила такие фасоны. Примерила — красота! Мне нравится. Понимаю, что взрослею. А сама всё равно как ребёнок радуюсь. Всё в маминой сумке — это маленькие истории маминой большой любви. Это моя ностальгия по детству, по моему шкафу с коробкой, по моей комнате с кроватью у окна, по моим детским платьям... По тем рассветам, когда вместе с мамой я вставала засветло, чтобы пойти в сад за малиной; по тем маминым туфлям, которые были, казалось, на сто размеров больше меня, но зато на каблуках, а значит, очень подходили мне, 6-ти летней девочке, и я надевала их и щеголяла по улице... Это ностальгия по субботам и воскресеньям, когда мама пекла вкусные слоёные рулеты и лепила целую гору пельменей... По аромату её духов, который всегда оставался на её легком шарфике... По тем ощущениям, которые можно почувствовать только в детстве.

Даша, конечно, не знает о том, что я чувствую. Ей, как всякому маленькому человеку, просто нравится получать подарки. Я — не понимаю пока, что чувствует моя мама. Все сумки в моём гардеробе и хозяйстве предназначены пока только мне, кроме одной, той, с которой

мы с ребёнком ходим на прогулки. Иногда Даша в неё заглядывает в надежде отыскать сладости. Иногда находит. Но это совсем иначе, чем ждать маму в гости. Ведь на самом деле ты ждёшь не подарков; каждый раз ты встречаешь на пороге своё детство, обёрнутое в красивую упаковку праздника. И никто не может его создать для тебя так, как делает это она...

Но ты растёшь, взрослеешь, потом даже начинаешь стареть... приезжаешь к маме сама. По возможности тоже привозишь гостинцы. И чем больше ты вкладываешь в эти незамысловатые вещи, угощения, сувениры, тем выразительнее даёшь понять, что ты уже не ребенок. А значит, каждый раз, навещая родителей, привозишь с собой им немного взрослости. А они вздыхают, о том, как же быстро летит время. Как многое хочется ещё успеть...

У нас под столом стоит большая плетёная корзина. Мы держим в ней Дашины игрушки, которые она не востребовала, но иногда что-то оттуда достаём. Игрушек становится всё больше, а значит, однажды она почувствует ту радость новизны от когда-то любимых вещей, которая хорошо мне знакома.

Однажды я вырасту и стану взрослой и буду приезжать в гости к Даше с подарками. Я хочу, чтобы она вспоминала свою корзину или любую другую коробку из нашего с ней детского времени, радовалась любому пустяку или не пустяку, который я привезу, и чтобы она всегда понимала, что без меня эти подарки ничего не стоят и никогда не порадуют. Потому что на самом деле, конечно, ждать она будет не их, а меня. И даже не меня, а себя маленькую и своё детство, которое не закончится до тех пор, пока будет мама.

Германюк Ирина

<https://writercenter.ru/profile/germanyuk/whois/>

Пролесковская Валентина

<https://www.instagram.com/v.prol/>

Жа краю ночи

Кроатоан

*Испепели меня, черное солнце
— ночь!
Марина Цветаева*

***

В воспаленных глазах моих сонм отражений. Там зеленовато-желтая пена собирается меж отполированных морем камней, исчезает под очередной ленивой волной и образуется вновь, скапливаясь в омерзительные липкие сгустки. Там, в десятке футах от берега, разверзается бездна — черная, пугающая, алчущая, — а с юга мало-помалу наползает плотная пелена аспидно-серого тумана. В ушах же у меня до сих пор звенит безумный хохот, невнятные выкрики, бессвязные бормотания. Я слышу, как вхолостую щелкает боек старого револьвера, слышу глумливое эхо в заброшенном здании школы — будь то надрывный звонок или же суетливый топот детских ножек по обшарпанным ступеням, будь то едва уловимое позвякивание уцелевших стекол в окнах или же пронзительный скрип ржавых дверных петель. Готов поклясться, что различаю, как шуршит на ветру пожухлая трава, и как хрустит гравий под подошвами ботинок... бесчисленного множества пыльных, заношенных ботинок! А еще голоса, голоса, да... Я жду, и мое ожидание не напрасно. На остров медленно надвигается ночь.

На остров медленно надвигается ночь.

Медленно надвигается ночь...

***

Но сначала был рассвет.

Он заключался в стеснительно-игривой улыбке, в лукавых ямочках на щеках и во влажном розовом язычке, мелькавшем меж жемчужно-белых зубов; в земляничном дыхании молодой жизни. Он таился в полном коварства взгляде, сквозил в чарующих переливах голоса, витал в будоражащем кровь и сознание пленительном аромате волос. Я же всеми силами сторонился этого наваждения, важно вещал об эпохе Ренессанса, переходил к классицизму и караваджизму, к барокко и рококо, и далее — к романтизму, импрессионизму и символизму. То и дело запинался, сконфуженно косился на часы... Я заносил пометки в журнал, задавал вопросы, между тем неустанно о чем-то рассуждал — например, противопоставлял манеру письма либо же выискивал сходство в работах да Винчи и Боттичелли, Микеланджело и Рафаэля, Джорджоне и Тициана, — но думал я совсем о другом. Понимал это, когда в минуты уединения отрешенно рассматривал вневчувственные, если не сказать андрогинные образы на полотнах маньеристов, перескакивал с них к легковесным, точно воздух, танцовщицам Дега, цеплялся взглядом за гротескный натурализм Бальдунга и — мысль моя

Художник Лякичева Ксения

постепенно обрела форму, плоть — спешил укрыться у прерафаэлитов, затеряться в знойных фантазиях Гогена. Я упивался плавностью линий «Махи обнаженной» Гойи и тщился постичь волнуемый секрет модильяневских женщин, но все чаще и чаще я возвращался к Ренуару; удивленно, даже испуганно вглядывался в его «Портрет Жанны Самари». Изумительное сходство! Нет, ну разве такое возможно?

Так или иначе, но уже тогда я осознавал, к чему все клонится, всячески избегал этого и вместе с тем... — да, страстно желал, чтобы это произошло!

И это произошло. Впоследствии я неоднократно вспоминал наши с ней тайные свидания — эти полные запретной страсти встречи, вобравшие в

себя всю прелесть ее томных вздохов и громких криков, ее мутных от блаженства глаз. О, это восхитительное тело! Я крепко сжимал его в объятиях, нежно гладил, яростно мял, неистово целовал, жадно глотая источаемый им сок... Снова и снова проникал я в нее, упиваясь ею, словно живительным источником. «Моя Жанна, моя Жанна, моя, моя, моя!..» — заклинал я, покоряясь власти блаженного помрачения. А позже, в моменты отдыха, я наслаждался солоноватым привкусом ее пота на губах и терпким ароматом нашей любви, заполнявшим мою спальню; тонул в разметавшихся по подушке огненно-рыжих локонах; слушал ее размеренное дыхание, когда она засыпала.

Проза. Сюрреализм. Постмодернизм

И среди вязкой, как патока, нашей с ней неги одна странная мысль не давала мне покоя: отчего-то мнилось, что во снах своих она бродит по некоему попури из «Сада земных наслаждений» и «Воza сена» Босха, дивится на причудливых созданий, сад сей населяющих, скромно тянется к налитому яблоку на ветвистом древе познания добра и зла... Сдаваясь на милость Морфею, я будто присоединился к ней, со звериной ненасытностью грыз даруемый ею плод, при этом равнодушно наблюдая, как вдали, в небесах, бесчисленные насекомоподобные твари отчаянно борются с архангелами. То была жестокая война, но каким-то образом нас она не коснулась. Мы являлись первыми, но уже утратившими невинность людьми, грешниками, встречавшими свой единственный и последний рассвет в раю.

Но постепенно солнце достигло зенита. Ослепленный, я не желал замечать этого. Глупец! Будучи визуалом по натуре, привыкший лишь созерцать, я наивно полагал, что можно сохранить мгновение, превратив его в вечность — в еще один величайший шедевр, слепок, которым я смогу ублажать свое чувство прекрасного всякий раз, как мне вздумается. То была дивная гармония жизненных красок, и я не ошибся, когда уверовал, что любовь моя сродни движению кисти в руке гения, творящего очередное великое. Но, как выяснилось, живопись эта — наша с Жанной живопись! — вылилась не в просто пейзаж на холсте реальности; то оказался целый триптих, — и мы плавно перешагнули с левой его створки к центральной части. Разразившийся скандал ознаменовал наступление полудня. Дальше?

А дальше последовали ее слезы, бесконечные маловразумительные объяснения, жалкие оправдания, никому не нужные сожаления, бессмысленная гнусная ложь, как следствие, мое позорное увольнение. Чудом избежав наказания, я все равно угодил меж двух огней: с одной стороны осуждающие, полные презрения взгляды общественности, а с другой — пустота спальни, норотившая свести с ума. Наскоро побросав вещи в сумку, я приобрел билет на самолет, вытерпел несколько утомительных часов и... очутился в Токио. Я давно мечтал о Японии: о ее воздушной монохромности, сотканной из тишины и запредельного спокойствия, ее многовековой мудрости и умения принимать себя, как неотъемлемую часть природы. Долгое время готовился к этой поездке и даже представить себе не мог, что предполагаемое изначально паломничество в конечном счете обернется

побегом. Мне хотелось увидеть нечто другое, принципиально отличающееся от той пестроты, что я привык наблюдать дома; нечто бесплотное, едва осязаемое — захваченное врасплох мгновение из мира туманов и дождевых капель, в лучших традициях суми-э выведенное на шелке разбавленной водой тушью. Я жаждал впитывать, словно губка, эту нежную восточную палитру, сделаться частью ее, стать ею, навеки позабыв свое прошлое и самого себя... Вместо этого наткнулся лишь на людей с одинаковыми лицами, которые заполнили собой все. Я буквально захлебнулся в этом брейгелевском столпотворении, полностью растворившись среди незнакомых улочек и неизвестного мне языка, но... так и не обрел желаемого. Воспоминания преследовали меня: то и дело грезилась рыжая прядь, до боли знакомая улыбка, полные неутолимого желания глаза. В городской какофонии я отчетливо различал, как она зовет меня, как смеется. На манер охотничьего пса я жадно втягивал носом воздух и среди напластований различных запахов — в большинстве своем миазмов рафинированной повседневности — улавливал благоухание ее разгоряченного страстью тела. Вконец отчаявшись, я пустился во все тяжкие: словно беглый преступник следовал от одной префектуры к другой, пока однажды, в каком-то захолустном, вызывающем гадливое чувство баре уже где-то на окраинах Нагасаки, не повстречал Ли.

Ли представлял собой более широколицую и узкоглазую версию сатира с полотен Якоба Йорданса — такой же грязно-серый, жилистый, со скрюченным, покрытым коркой прыщей носом, жиденькой бороденкой и заостренными нечищеными ушами. Порочная физиономия его была вся изъедена оспой, изо рта невыносимо несло гнилью, а в полупьяном взгляде проскальзывала недобрая искорка. Настоящего его имени я так и не узнал, потому, на весь непродолжительный период нашего с ним знакомства, он был для меня просто Ли.

Этот пройдоха сразу же меня заметил, подсел и бесцеремонно улыбнулся, обнажив черные пеньки зубов. Заговорщически подмигнув, он нагнулся ко мне и на отвратительном английском осведомился, не желаю ли я девочку? Может, мальчика? Может, что-то еще?

— Что-то еще, — скривившись, отозвался я.

— Например?

— Хочу что-нибудь увидеть. Нечто другое... — Тут я задумался, а когда мысль более-менее сформировалась, прошептал: — Хочу туда, где совсем нет людей.

Не померещилось ли мне, но собеседник мой побледнел, как если бы испугался чего-то. Это длилось лишь миг, потом он, овладев собой, прищурился и скользнул своим полным злой иронии взглядом мне в самую душу; уже тогда стервец знал, чем меня заинтриговать.

— Есть такое место, — наконец сказал он.

Я отвернулся, скопился на редких посетителей бара: пропитые, с клеймом вырождения на опухших лицах, они молча рассматривали днища своих полупустых кружек. Настоящие человекоподобные монстры с морщинистой, коричневой от загара кожей, торчащими в разные стороны сальными патлами и длинными изгрызенными ногтями на огрубевших пальцах. Скрюченная и пахнущая скотиной, эта падаля человечья словно бы вырвалась с полотен все того же Босха или Дюрера, если не сказать Бэкона, единственно ради того, чтобы заполнить земной сад, распять на кресте добродетель и погрузиться в пучину мерзостной суеты. И не видно отныне им конца и края! Куда ни глянь — повсюду они! А у меня если и осталось что, так это гнетущие воспоминания о Жанне Самари, бывшей моей Жанне Самари...

Таковой оказалась центральная часть триптиха: лишь бесконечная толпа деградантов, месящих покрытыми струпьями ногами некогда благородную почву и обращающих ее в мертвую зловонную жижу. Таков был день.

Я уставился на Ли.

— Что за место?

— Хасима, — пробормотал он. — Денег требуется.

— Там нет людей?

— Там никого уже нет.

Наверное, после этих его слов день стал плавно перетекать в вечер. Мы же на дребезжащей «той-оте» покидали Нагасаки, устремившись куда-то на юг. Но перед этим Ли кому-то звонил, о чем-то договаривался, называл цену и терпеливо смотрел на меня.

— Оно хоть того стоит?

— Вы все увидите, но... сначала я получать разрешение.

А чуть позже был старенький рыболовецкий катер с облупившейся на бортах краской, и малахитового цвета воды Восточно-Китайского моря — такого же, как все те моря, коими я любовался на картинах русского пейзажиста Айвазовского, — и еще легкая качка, и занудная лекция Ли. Его акцент оказался настолько чудовищным, что волея-неволей я был вынужден додумывать многое в его

речи, мысленно заменял слова и целые предложения; сам же Ли будто утрачивал свою человечность в моих глазах, все больше превращаясь в клишированного литературного персонажа. И вот он вещал о какой-то Гункандземе, она же, как я сумел понять, Хасима. То был крохотный остров в нескольких милях от западного побережья Японии, который полтора столетия назад прибрала к рукам одна известная японская компания с единственной целью — добывать там уголь. Со временем остров получил огромное промышленное значение, помимо шахт на нем появились военные заводы, а в годы Второй Мировой в качестве рабочих там использовали пленных корейцев и китайцев, многие из которых остались на Хасиме навечно. В течение нескольких десятилетий Гункандзема являлся одним из самых густонаселенных мест на планете, пока в 1974 году компания не закрыла шахты ввиду истощения последних. Плюс на смену углю пришла нефть. Так остров полностью опустел.

— Люди говорить, — задумчиво произнес Ли, пощипывая свою жиденькую бородку, — что компания рыть шахты глубиной в километр. Может, больше. А еще люди говорить, что неспроста компания так поспешно сворачивать добычу. Уголь вовсе не кончатся, не-е. И вовсе не в нефти дело. Они что-то находят в недрах земли. Что-то жуткое, древнее, спящее... — Он внимательно посмотрел на меня. — Уж не знаю, будить они это или нет, но оно их серьезно пугать. Да-да, очень пугать! Мне все известно: мой дед работать на Хасима...

Я лишь пожал плечами. Меня мало заботили душещипательные семейные истории, как и всевозможные глупые байки — я в них никогда особо не верил. Но вот мысль о брошенном острове не оставляла ни на секунду. Напряженно вглядываясь в темный ребристый силуэт Гункандзимы, четко прорисованный на горизонте и чем-то напоминавший крейсер, я дожидаться не мог, когда уже вступлю на эту заповедную землю.

А еще через пару минут тусклое послеобеденное солнце вырвалось из-за плотного скопления облаков, и Хасима предстал передо мной во всем своем великолепии; от открывшегося зрелища у меня буквально захватило дух. То был настоящий плавучий город с высокими, дымчато-серого раскрошившегося бетона обрывами в море, — неприступная для штормов и тайфунов крепость, брошенная и позабытая. Я стоял на носу катера, вяло прислушиваясь к сомнамбулическому бормотанию Ли, и ненасытным взглядом воспаленных от мор-

Проза. Сюрреализм. Постмодернизм

ской соли глаз изучал пепельного цвета пятиэтажные здания с черными провалами окон, и бункерообразные сооружения, несущие на себе печать упадка и опустошения, и редкие деревца, яркими вердепомовыми мазками проглядывающие тут и там, и расположенный на единственном холме маяк... Картина, по колориту своему воистину достойная кисти Эль Греко!

— Спящий дракон, — шептал у меня за спиной Ли, умело подводя утлое суденышко к причалу. — Сколько жизней он пожирал... сколько душ навсегда томиться в его утробе... Люди говорят, что остров надо оставлять в покое. Нельзя делать из него памятник и прочее. Нельзя водить сюда много туристов. Остров — отдельно, туристы — отдельно. Иначе мертвые не находят покоя. Иначе древнее зло просыпается, жаждать еще и еще...

Постепенно до меня начал доходить смысл его слов. Я повернулся и внимательно посмотрел на своего спутника в этом царстве уныния — лишь теперь понял, что не знаю о Ли ровным счетом ничего. Почему-то меня нисколько не смутило это открытие. Напротив! Где-то в глубинах своей измученной страданием души я догадывался, что на закате моим провожатым — моим личным Хароном или, если так можно выразиться, моим Вергилием — должен был стать именно такой персонаж, как Ли. И размышляя об этом, я невольно вспомнил строки из Данте:

Ond' io per lo tuo me' penso e discerno
che tu mi segui, e io sarò tua guida,
e trarrotti di qui per loco eterno;

ove udirai le disperate strida,
vedrai li antichi spiriti dolenti,
ch'a la seconda morte ciascun grida;

e vederai color che son contenti
nel foco, perché speran di venire
quando che sia a le beate genti.

Видимо, почувствовав на себе мой взгляд, Ли с прищуром зыркнул на меня, угрожающе прищипнул, после чего сплюнул в мутную зеленоватую воду за бортом; вновь обратил ко мне свое широкоскулое, темное от загара и испещренное оспой лицо. Тогда-то я и ощутил в нем некую доселе неуловимую перемену. В один миг Ли перестал быть хитрым сатиром со старинной картины, таким плутоватым дельцом, нагревающим руки на бестолковых европейцах, алчущих примитивных удовольствий среди чуждой им культуры. Теперь

он обернулся жутким чертом, который после долгих странствий по саду земному наконец возвращался в преддверия преисподней.

— Очень давно не бывать здесь, — сообщил Ли, пришвартовываясь. — Очень и очень давно...

— Я тоже.

Наверное, в тот момент, когда я соскочил с неустойчивого борта катера на бетонный, облепленный у самой кромки воды вязкими водорослями, причал, мой триптих вступил в свою завершающую стадию.

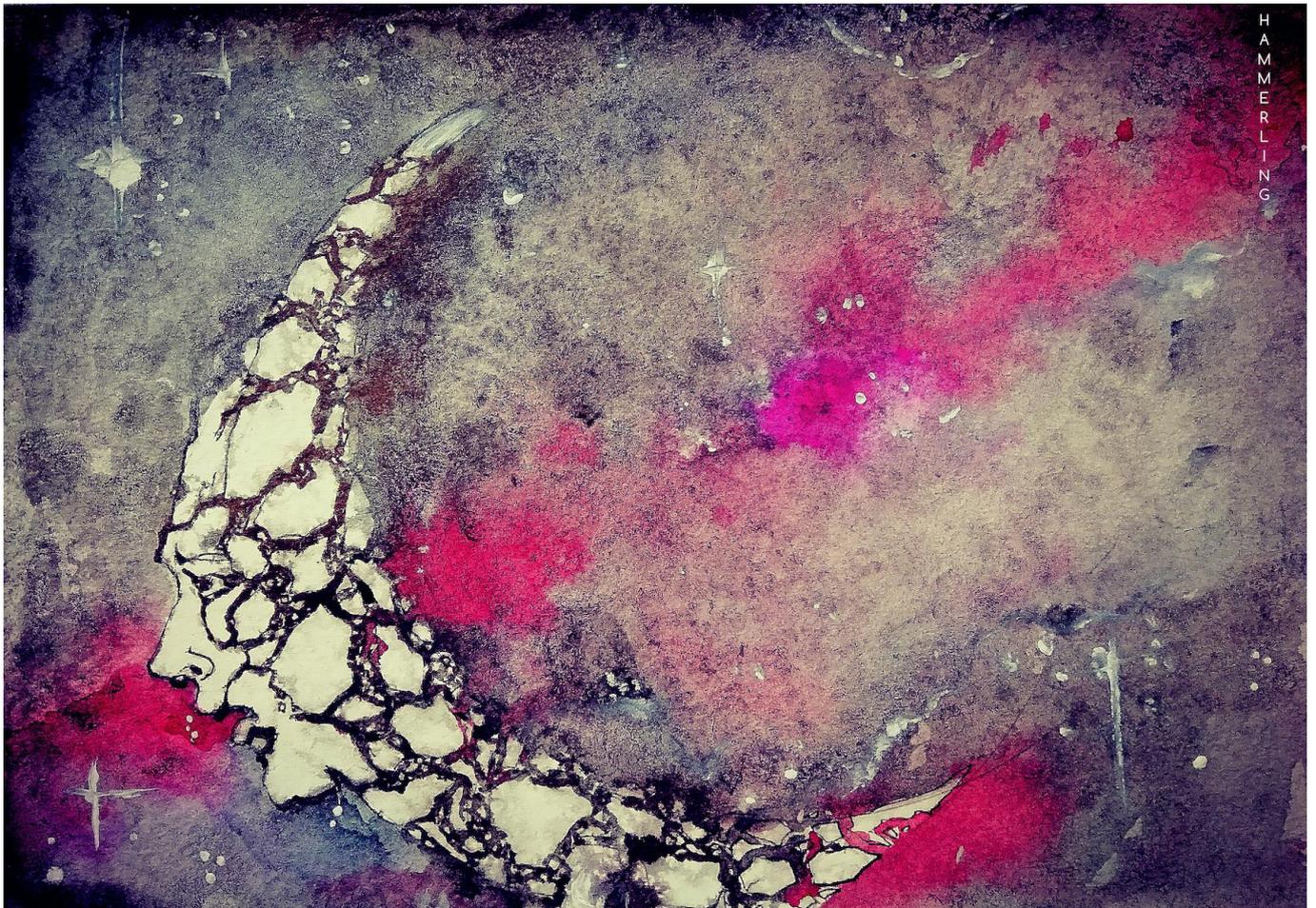
Сезанн однажды сказал, что величественные пейзажи всегда похожи на видения, и чтобы постигнуть пейзаж, мы должны отказаться от всякой определенности — временной, пространственной, объектной; но такой отказ затрагивает не только предмет созерцания, он в равной мере затрагивает нас самих. Сезанн утверждал, что в пейзаже мы перестаем быть историческими существами, то есть существами, которые сами могут быть объективированы; мы исторгнуты из объективного мира, но также и из самих себя. Это Сезанн называл чувствованием. И вот перед неким метафизическим зрителем открывалась правая створка, на которой можно было лицезреть закат во всем его макабрическом великолепии. Я и был тем зрителем! Один только я — никого больше! — смотрел на то, что и породил; то, что подводило черту под всеми этими бессмысленными метаниями, всей этой глупостью, сокрытой в извечном поиске некоего недостижимого счастья, обители абсолютной благодати, названной Эдемом или, иначе, любовью. Еще не проникнувшись всей глубиной ситуации, я уже знал, что постепенно оставляю этот мир, что каким-то чудом я умудрился пересечь «Сад земных наслаждений» Босха, нанеся поверх картину своих чрезмерно идеалистических, а потому изначально обреченных скитаний, своих чувств. Теперь же передо мной расстилался музыкальный ад, лишенный, однако, всякого намека на музыкальные инструменты.

Но это только пока, ведь кошмарный пейзаж — этот апофеоз бытия человеческого! — не был окончен, лишь сформировалась его основная идея; у меня же в запасе имелось еще несколько часов...

Интересно, а как зазвучит музыкальный ад, когда партитура будет дописана?

...И это время я потратил на то, чтобы обойти Гункандзиму, исследовать этот остров вдоль и поперек, насладиться его кладбищенским духом, его атмосферой тотального увядания, насытиться им до того, как черным покрывалом все окутает гря-

HAMMERLING

Художник Лякичева Ксения

душая ночь. Так я оказался в самых недрах покинутого города, среди антрацитового цвета стен и пугающих, словно застывшие в безмолвном крике беззубые пасти, окон. Оказался в пустынных коридорах, где эхо долго игралось с протяжными завываниями ветра или же с пронзительным хрустом обкрошившейся шпаклевки на полу, а еще с голосами, что не всегда принадлежали нам с Ли. Оказался в заваленных всевозможным хламом комнатах, подсобках и залах, молчаливо вбиравших нас в себя и демонстрировавших свои никому не нужные тайны. Оказался в подвалах, где тьма была столь плотной, что невольно складывалось впечатление, будто ее можно потрогать руками, сжать посильнее — так, что вязкой грязью она потечёт меж пальцев. Переходя из одного помещения в другое, я невольно вспоминал леденящие душу полотна Фюзели — ждал, когда же из очередного темного угла на меня с диким ржанием ринется призрачный конь или выпорхнет демон... В трепещущем свете фонаря я с любопытством рассматривал пожелтевшие от времени и непогоды фотографии, валявшиеся среди прочего сора; рассматривал запечатленных на них людей, их рыбы лица и натянутые улыбки, ощущая, как за спиной у меня толпятся пугливые тени

— те, что некогда были этими самыми людьми. Зачарованный, я пробирался по затхлым, вполне годным для очередного жуткого пейзажа Бекшински, проходам между домов, поднимался и спускался по бесчисленному числу обшарпанных лестниц, отворял скрипучие, вздувшиеся от влаги двери, которые не отворяли уже много лет...

Петляя по импровизированным кругам этих адовых декораций вечности, я старался не слушать взволнованных предостережений тащившегося за мной по пятам Ли, старался не замечать его бледного, утратившего былую самоуверенность лица: он больше не выглядел, как сатир или черт, лишь как сбившийся с дороги бродяга, ненароком забредший в Пандемониум. В те же редкие мгновения, когда Ли отворачивался, привлеченный странным шорохом или тихим вздохом очередной тени, я бросал осторожный взгляд в сторону маячившего за окнами багряного заката. Я знал, что когда солнце полностью погрузится за линию горизонта и наступит ночь — все закончится: тот невыносимо долгий путь, что я проделал от полного запретной страсти рассвета до нынешней юдоли скорби и одиночества, наконец-то будет завершен.

Проза. Сюрреализм. Постмодернизм

А потом каким-то невысказанным образом я потерял Ли. Он просто исчез! Секундой ранее покорно плелся за мной следом, лепеча о том, что пора возвращаться, что Хасима не место для романтических прогулок под луной и прочий вздор, а мигом позже словно растаял в сгустившемся мраке. Хитросплетения пропавших пылью коридоров и многолетняя тишина заброшенных человеческих жилищ проглотили его, пропустили сквозь себя и выплюнули на крышу здания школы, где он громко и надрывно смеялся, устремив куда-то в сумерки взгляд обезумевших глаз.

Мне пришлось преодолеть несколько лестничных пролетов, после чего долго пробираться по окутанному мглой и угрожающе скрипящему чердаку, прежде чем я оказался рядом с Ли. В руке он держал не пойми где найденный старенький револьвер, сам же не переставал улыбаться.

— Я встретил своего деда, — сообщил Ли, слегка отдышавшись. — Видеть его близко-близко! Он звать меня с собой. Звать на дно шахты, где он теперь жить. Он говорить, что там все они жить. Он говорить, что там есть сам Бог. Мертвый Бог любви! Вот что они откопать! Вот что так пугать их! Теперь они все жить там. И мой дед тоже! Там и для меня находить место! Для всех нас находить много-много места! Бог любви не спящий, я ошибаться! Бог мертвый! Он умирать давным-давно... Ха-ха! Ха-ха-ха!

Не прекращая хохотать, Ли приставил револьвер себе к виску и неустанно щелкал спусковым крючком, снова и снова прокручивая пустой барабан.

И глядя на этого свихнувшегося забулдыгу-китайца, бог знает что забывшего в Японии, я вдруг понял, что это не столько он был моим Хароном, моим Вергилием, сколько я его. Все это время Ли терпеливо дожидался меня, чтобы именно я проводил его к мертвому острову из полузабытых детских снов; острову, куда рвался сам, по своим, совершенно отличным от его причинам.

И вот тогда, повернувшись лицом к последним отблескам заката, уставившись на это загустевшее кровавое марево, я подумал о тех причинах — я подумал о моей Жанне Самари, о ее стеснительно-игривой улыбке, о лукавых ямочках на щеках и о влажном розовом язычке, мелькавшем меж жемчужно-белых зубов, о земляничном дыхании ее молодости. Я вспомнил наш с ней рассвет, пленительно-жгучий, полный запретного наслаждения; вспомнил переливы ее сладострастных стонов и ее пересеченный шелковистыми прядями, мутный от блаженства взгляд...

Художник Ляичева Ксения

Все-таки как же моя Жанна была похожа на Жанну Самари кисти Ренуара: те же глаза, тот же овал лица, те же огненно-рыжие локоны и та же мечтательная влюбленность, запечатленная во всем ее облике! При том между ними имелось и одно существенное отличие, ведь Огюст Ренуар изобразил зрелую женщину, в то время как у моей Жанны едва наступило менархе. Я не имел права любить ее, не смел вожделеть ее юного, еще не познавшего мужских ласк тела, но и противостоять этому внутреннему зову я был не в силах. Будучи всего лишь ее учителем, я пытался претендовать на большее: стать не только наставником, но и другом, любовником. И она сжалась надо мной. Моя новоявленная Венера, разметав пену дней, она подарила мне первый в моей жизни рассвет, гаммой и чистотой красок не уступающий шедеврам мастеров рококо; она сделалась моей личной Евой в саду земном, и вместе мы познали упоительно-чарующую прелесть греха...

Увы, как я уже сказал, наша с ней живопись породила целый триптих, где ей было отведено место лишь в самом начале. Мне же предстояло пройти его до конца — до своего логического завершения. И встретить этот финал я мог лишь строчками из Катутла; вздохнув, как если бы обращаясь к моей Лесбии — к Жанне! — я прошептал:

— *Nobis cum semel occidit brevis lux, nox est perpetua una dormienda...*

***

Я жду, и мое ожидание не напрасно...

...И когда солнце окончательно умирает, в воспаленные глаза мои закрадывается тьма. Там больше нет отражений — нет сгустков ядовито-желтой пены, нет полированных морем иссиня-черных камней, и ленивых изумрудного цвета волн, их омывающих, тоже нет. Бесследно исчезает и алчущая беспросветная бездна, и плотная пелена аспидно-серого тумана на юге. Отныне я ничего не вижу, я слеп, а потому спокойно закрываю ненужные мне глаза. Теперь лишь слышу, как равномерно бьется мое немолодое сердце, и как тихо перешептывается с ветром прибой. Слышу, как шуршит пожухлая трава, и как хрустит гравий под подошвами ботинок... бесчисленного множества пыльных заношенных ботинок! А еще голоса, голоса, да... Готов поклясться, что различаю, как где-то в темных недрах шахт сдавленно хихикает Ли...

Это и есть истинная музыка! Слишком долго я занимался пустым созерцанием, теперь настала пора слушать! И я слышу, как...

...на остров медленно надвигается ночь.
На остров медленно надвигается ночь.
Медленно надвигается ночь...

Кроатоан

<https://writercenter.ru/profile/Kroatoan/whois/>

Лякичева Ксения

https://vk.com/kaia_hammerling

Поэзия

Белка Елена

Просто зима

Никакого предательства: раз — и застыло
всё вокруг. Будто в сказке. Деревья и лужи.
Я закутаю сердце теплее и туже,
впрочем, поздно всё это — зима наступила.

Не спасает глинтвейн, даже пассы руками.
Сердце мерзнет от снега и сильного ветра.
Зимний день растянулся на сто километров
и глядит прямо в душу твоими глазами.

Через сон и сугробы ужасно нелепо
я бегу босиком, невзирая на ветер.
Где-то там, на пределе, в метельном просвете
я пытаюсь поймать уходящее лето...

За окном свежий снег вновь скрывает изъяны
пустырей, крыш домов и ушедших любовей.
Никакого обмана, подлога и боли —
снег укроет ушибы и старые раны...

Из жизни пистолета

Исаченко Виталий

Помнится, приперли нас в задымленный пороховыми газами подвальный тир. Штук не менее сотни новья вповалку в огромном деревянном ящике. Трое тащили. И все как на подбор офицеры. Ага. Если не ошибаюсь, старшим был капитан.

Отстреливал же нас подполковник. Этаким солиднейший пузом мордovorot.

Я лежал ближе ко дну. Так что очередь на мое пуляние предвещала быть длинной-предлинной...

Арт Белка Елена

Подполкан палил на полную обойму, после чего всякий раз пристально всматривался в мишень через бинокляр и раздраженно скидывал очередной пистолет на бетонный пол, нещадно матеря нашего конструктора, его маму и каких-то безымянных оружейников в совокупности с их якобы некогда имевшими с ним — лихим воякой — фантастически изощренный секс тоже безымянными матерями, бабушками и прабабушками.

Надо отметить, мы — пистолеты Макарова — как никакие иные были систематически хулимы как конструктивно неудачные! Ага. На особку доставалось за якобы никудышную кучность боя!

Уже ближе к вечеру отстрелявшись из меня, подполковник (вопреки худшим ожиданиям) не скинул мое разогретое пороховыми газами тело на бетон, а, задумчиво вынув опорожненную обойму, вполне даже корректно возложил на лакированный тирный барьер.

— Сухопузov, — долго помолчав, прогудел подполкан.

— Да, Ненил Ненилович! — с неким подобострастием отозвался комендант стрелкового тира.

— Отстреляй-ка, дружище, этого со своей свежей руки. Покажись-ка мне, что бой на диво отмененный!

— По-моему, Ненил Ненилович, классная машинка! — выпулив из меня пару обойм, восторженно объявил Сухопузov. — Шьет в яблочко!

Из меня палили допоздна довольно-таки многочисленной офицерской компанией. И на трезвую голову, и под водку, и под пиво, и даже под кальянно дурмящее разум сено... И все, за малым исключением, остались довольны.

Так я прошел кастинг на роль штатного оружия генерал-майора погранвойск Барьера Кохановича Безграничного.

Чистил меня всегда пригенеральский офицер по особым поручениям старший лейтенант Шалашовкин. Часто и до тако-о-ой(!!!) степени скрупулезно! После всякой гигиенической процедуры я чувствовал себя до изнеможения отмывшимся в пятизвездочной бане чистоплотнейшим мачо.

Генералу ж моя стерильность была, как говорится, до лампочки. Месяцами напролет из кобуры не вынимал. Кстати, кобура оказалась на диво уютной! Говаривали, что была пошита из кожи какого-то застреленного при переходе госграницы иль китайского, иль финского шпиона. Уже позже я дотумкал, что сие было брехней, сфабрикованной ради тривиальной хохмы.

Помнится, я, экстренно вынутый из кобуры, узрел троих сладко дрыхнувших в широченной кровати: по центру — полуобнаженную целлюлитно рельефную пузом пухляцких форм бабенцию, бок о бок же с нею по обе стороны — атлетически сложенных чернявых молодцов.

Генерал, передернув мой затвор, дрожащей рукой первым делом нацелил ствол на женщину. Я ж, готовый без промедления навывлет прошить греховодницу девятимиллиметровой пулей, напрягся!

"В-верка — с-с-сука-а! — нервозно массируя пальцем мой спусковой крючок, в сердцах прошипел Барьер Коханович, — и какого хрена я на тебе женился?!"

В конце концов, так и не отважившись на тройное убийство, генерал Безграничный сдавленно захныкал, суетливо сунул меня в уютную кобуру и... на цыпочках удалился из спальни.

Я пришел к выводу, что мой хозяин типичный компромиссно ориентированный импотент.

Наступил период, когда на меня положил глаз генеральский внук-пятилеток Остап. При всяком удобном случае этот дурно воспитанный идиот норовил вынуть меня из кобуры и поиграться моим смертоносным телом.

Я опасался, что этикие забавы не к добру... как словом, так и делом: несносный Остап однажды застрелил из меня соседскую кошку!

Инцидент, дело ясное, замяли, но впоследствии Барьер Коханович в свой семейный круг меня не допускал, всякий вечер запирая в служебном сейфе, в коем я и скучал нудно ночами напролет.

Однажды посередине знойного лета прибывшему с инспекцией на южную госграницу генерал-майору Безграничному приспичило потяжелому. Надо отметить, не в штабе, а на околице погранзаставы. И Барьер Коханович (вопреки десятилетиями сложившемуся стереотипу) экстренно присел в многоочковом солдатском нужнике, и-и-и!.. И я, выскользнув из халатно незастегнутой кобуры, шлепнулся в фекальную массу!

Маялся обмундированный в общевойсковые защитные комплекты цельный взвод... Дело было нудное и неимоверно отвратительнейшее!

Выловил же меня ефрейтор Колыхайло, в качестве призовых заполучивший за этот подвиг,

Проза. Сюрреализм. Постмодернизм

как и было обещано, внеочередное увольнение и где-то с десяток банок козлячьей аргентинской тушенки.

Меня проливали из пожарного ствола в собранном и разобранном видах и пропаривали в скороварке. Меня драили всяко-разным тряпьем, не скудно сдобряемым парфюмерией и ароматизированными целебными маслами. В конце концов я был обильно покрыт элитной оружейной смазкой и окурен экзотическими восточными благовониями!

Ан... генерал-майор Безграничный, коему я был предъявлен на предмет возвращения в качестве табельного оружия, наотрез от меня откrestился, категорично заявив, что говенный пистолет ему и на дух не надобен!

Наступили тягучие годы опалы, на протяжении коих я чах от невостребованности в арсенальном оружейном ящике бок о бок с сотоварищами.

Мой новый хозяин, оперуполномоченный Красномордского городского отдела внутренних дел лейтенант Дериглоткин Валерий, отправляясь на антикриминальные мероприятия, всякий раз вынимал меня из кобуры и засовывал за пояс своих вечно не отутюженных брюк. Упираясь стволом в костлявый пах, я буквально угорал от вонизма долговременно немытого тела! Зачастую вплоть до потери сознания!

Кстати, этот невероятно нечистоплотный полицмент наплевательски относился и к моей гигиене, ухаживая за мною редко и абы как.

Однажды в ходе спецоперации по задержанию какого-то криминального авторитета я допустил первую и последнюю в своей жизни осечку, а не отличавшийся расторопностью лейтенант Дериглоткин, заполучив ручной мясорубкой по темечку, рухнул в беспамятстве в покрытые мраком придорожные лопухи.

Опер выжил, но стал заговариваться, неся несусветную чушь. Больше он меня никогда в душегубные брюки не засовывал. Вскоре же мой нечистоплотный хозяин был признан негодным для полицейской службы по психиатрической линии.

Отвалявшись в горотделовской оружейке с пару месяцев, я был тщательно вычищен и отправлен в областной центр, где меня, наспех отстреляв в подвальном тире, в числе иных моих бэушных собратьев по бросовой цене сбагрили

Арт Белка Елена

через комиссионный отдел оружейного магазина в частную охранную организацию "Берегиня".

И пошел я по рукам! Лапал всякий кому не лень! Более того, мною открывали пивные бутылки, кололи орехи и даже однажды по ходу пикника на даче главбухши пришпандорили на пару довольно-таки внушительных гвоздей обратно к скамейке в пьяном угаре оторванную от нее сосновую доску!

Вот тогда, отремонтировав скамью, охранники решили популять по накопившейся по ходу гулянки порожней алкогольной и продуктовой таре.

Я отстрелялся восхитительнейше(!!!), обретя тем самым пылкого поклонника в лице гендиректора ООО "Берегиня" Сергея Матвеевича Оттопыренного, коий уже через день задокументировал меня в качестве своего табельного оружия.

Вкоре я был доставлен к ведущему областному оружейному мастеру Иосифу Виссарионовичу Вассерману, досконально меня обследовавшему, в нескольких местах малость подреставрировавшему и капитально косметически подновившему!

И вот... с неких пор приглянулся я тестю своего нового хозяина — гендиректора "Берегини" Оттопыренного. Поднасев на зятка, некогда председатель пригородного плодоовощного колхоза "Красный помидор" орденоносный Никодим Кузь-

мич Неубейко все-таки уломал его на периодическое использование меня в качестве забойного огнестрела.

Чаще всего старый пень арендовал мою персону по установившимся осенним морозам, когда сельчане приступали к массовому умерщвлению домашней живности.

Порой за день мы с подслеповатым Кузьмичем отстреливали до десятка голов, главным образом специализуясь на поросятах и на молодняке крупнорогатого скота. Так как от фермеров и индивидуалов, желавших воспользоваться экзотической для села пистолетной услугой, отбою не было, чета Неубейко чуть ли не ежедневно была при свежем мясном и при выпивке. Последнее, правда, Марья Петровна категорически не употребляла, чем несказанно радовала дюже охочего до увеселительных напитков супруга:

— А ежели бы ты у меня была выпивохою, — частенько говаривал до одури рачительный Кузьмич, — тогда бы да-а-а! А так... Хватает мне и... еще остается!

— Ежель бы я была выпивохою, — как правило, задумчиво вторила Марья Петровна, — я б тебя еще по молодости за скверность характера до смерти сковородкой забила.

— Что да-а, то да-а-а... Нисколечки не сумлеваюсь, — радушно улыбаясь, всякий раз соглашался Кузьмич. Соглашался и добавлял примерно следующее: — Ты ведь, помнится, во хмелю дюже хулиганистая! Потому и не употребляешь.

— Ву-умны-ый ж ты у меня как ву-утка-а! — как правило отпускала один из своих излюбленных шуточных комплиментов Марья Петровна, на что Кузьмич реагировал залившимся смехом.

Однажды пуржистым декабрьским вечером, под самогон налупендившись мясной жарехи, разомлевший от кухонного зноя Неубейко, распеленав меня из панбархатной кумачовой тряпицы, воодушевленно объявил:

— А почиш-щу-ка я скотобоя! Как ты на это смотришь, Марья Петровна?

— Положительно смотрю, — одобрила драившая сковороду супруга.

— От и ладненько! — возликовал Кузьмич и принялся игриво целиться из меня в кухонную утварь.

— Не балуй! — попыталась осадить шалуна Марья Петровна. — Раз в году даже полено стреляет!

— Не бойсь, — успокоил Кузьмич и перенацелил мой ствол на супругу. — Я по пистолетам то-о-от еш-ще спец!

После сего заверения я ощутил нажим на свой спуск и оглушительно грохнул!

Марья Петровна, как мне покажись, даже и не охнула! Иль охнула?! А вот Кузьмич, выдержав затяжную паузу, выронил меня на линолеум и завыл осатаневшей белугою!

Прозябаю в качестве орудия преступления в прокурорском сейфе. Не кривя душой, преподаннейшее существование! Скорей бы суд!

И надо ж было старому склеротику по окончании скотобойства после вынимания обоймы не выщелкнуть патрон из патронника! Дошалил, однако! Наповал через мой ствол угробил Марью Петровну! Вот тебе и Неубейко... Эх, моя бы воля, непременно б тогда дал осечку!

Как вспомню тот роковой вечер, так покрываюсь испариной, что для незащищенных смазкой трущихся поверхностей коррозионно чревато.

Честно говоря, на диво славной была Марья Петровна, земля ей пухом. Вторую этакую, пожалуй, и днём с огнём не сыскать! Не прощу себя до самой утилизации, хотя и по человеческим законам абсолютно неповинен.

И куда после суда над Никодимом Кузьмичем? Чую, придется коротать свой век в качестве вещдока в заточении! Засунут в обшарпанный, затхлый сейф-ветеран и... забудут. А вспомнят по истечении срока давности при подготовке очередной утилизационной партии на сталелитейный комбинат; на котором, думается, как по гимну юдээмовцев — юных друзей металлургов:

"Э-э-эх-х, переплавка, переплавка, перепла-авочка-а!

В печи марте-еновской даж гвозди жи-и-идкие-е!
Потек сопле-ею раскаленной холоди-ильник!
С ним в том бульо-оне куски "Кама-А3а"!.."

Исаченко Виталий

https://writercenter.ru/profile/isachenko_lich/whois/

Арт Белка Елена

<https://writercenter.ru/profile/miracles/whois/>

Жа краю

Дёмин Михаил

Последние лучи заходящего солнца освещали крышу небоскреба.

Она стояла на самом краю — в шаге от вечности, к западу от заката.

Волосы ее ласково развевал ветер, и девочка, высоко подняв, раскинула руки. Слово живой крест, словно символ этого безумного мира.

Я вбежал в последний момент и увидел ее такой, прежде чем она упала. Не успел — так бывает. Подойдя к парапету, перелез через него, посмотрел вниз — не знаю зачем, но губы сложились в невольную улыбку. Наверное, издержки профессии. Я шагнул следом...

Тьма и тени в ней. Звон и накатывающий лавиной свет. Вдох-выдох, мир рассыпался и собрался перед глазами вновь. Почти идеальный выход.

Сев на постель, посмотрел направо: она так и лежит, все еще красивая; кажется, задремала всего на полчаса, только вот для ее близких половина часа растянулась на три года. Кома. Я долго смотрел в стену. Как там у одной русской группы: белые стены, белый потолок? «В комнате с...» Точно! «Наутилус».

Псевдосигарета с ментолом и ладаном. Глубокий затылок. В наушниках заиграло. Проверенным движением нажимаю стартер. Пошел вход. Комнату озаряют сотни стремительных вспышек. Я закрываю глаза...

— Брюс Уэйни?... Специалист по решению экстренных ситуаций?

Как же много их здесь собралось, и голова

так болит — ноет прямо нестерпимо. Обычно при входе в чужое сознание такой боли нет, хотя в нашей профессии без исключений никак.

— А вы и вправду Кэтмен? — жметесь, связанная по рукам и ногам, девочка.

— Да, — бодро отвечаю я ей, а затем добавляю, оглядев окружающих нас врагов: — Сдавайтесь!

— Ты смотри, и меня совсем потерял. — Загримированный мужик, больше похожий на клоуна с окровавленным оскалом и грустными глазами, смотрит немного небрежно.

— Ты — совесть? — кривовато усмехаюсь в ответ.

— Нет, я — страх!

— А тот бугай? — кивком показываю на накаченного культуриста.

— Знакомся. Слева направо: гнев, боль, неуверенность, ярость и стыд.

— А этот? — указываю на стоящего поодаль парня.

— Этот? Этого мы не знаем, — глядя на утонченную фигуру в стразах, медленно произносит клоун.

— Я — полный песок! — с гордостью говорит незнакомец и, достав из-за спины ручной пулемет, расстреливает всех только что названных субъектов.

Одна из пуль и мне досталась.

Играет бодрая музыка. Какой-то марш. Неужели, «Non, Je Ne Regrette Rien»? Открываю глаза: потолок не плывет, но голова болит — первый признак, что надо отдохнуть. Но какой

Художник SEN

Проза. Сюрреализм. Постмодернизм

там отдых! Конкуренция! Что это за полный пессимизм, что ему надо? Или это не еще один новый контактер, а защитный механизм погруженного в кому сознания? Пациентка не хочет просыпаться? Обычно коматозники мне всегда помогали. Они же хотят вырваться.

Я встал с кровати, подошел к этой спящей царевне. Серьезно посмотрел на красивое юное лицо. Плавные линии, не лишённые внутреннего изящества. Девушка как будто улыбается. Улыбка Моны Лизы. Таинственная и свежая. А может, мое больное сознание, искореженное каждодневными погружениями в чужие умы, просто играет со мной? Игры разума? Сейчас даже кажется, она смеется задорно, будто говорит: «А ну-ка, разбуди меня! Может, я та самая, настоящая?» Мне захотелось погладить русые волосы, просто сказать что-то доброе, ободрить.

Но вместо этого я лишь осмотрел висок. Второго нейродатчика не было — значит, конкуренция отпадает. Можно расслабиться, а то силы совсем покидают. С трудом переобучаюсь: третьего входа сознание может и не выдержать, потом придется лечиться самому. Вместо этого лучше прогуляться, подышать свежим воздухом.

Захотелось выйти на площадь. За больничными и жилыми корпусами разглядеть свежесть горизонта, а потом пройтись по набережной, наблюдая пустынно-одинокие волны. Или просто хотя бы посидеть на скамеечке в больничном двореке, слушая голоса гуляющих, крики ребятшек, гоняющих мяч. Но у дверного проема ноги подкосились, и я передумал.

Усталость невыносима; достав из кармана энергетик, запиваю капсулу водой со столика и ложусь на кровать прямо в одежде. Тьма накрывает, как цунами. Жаль, что каждый раз, хоть со снотворным, хоть без оно, меня ждет только чернота — никаких красивых снов. Максимум их обрывки, потаенные осколки. Никаких фантазий. Тьма, уступающая место свету.

Такие у меня сны — полное отсутствие, вернее. И, очнувшись, я не рад этому. Можно было бы сразу дать третий вход, но я передумал. В конце концов, сейчас или чуть позже, девушке будут ставить нейроконструктор. Слабая надежда, что он сработает, тоже существует. Как говорится, подождем. Она проснется. Так или иначе. Думая об этом, я рассеянно уставился на босую белую ножку, выглядывающую из-под одеяла. Надо же, палец шевелится! Уже есть результат?! Когда позванные мною родители, бук-

вально живущие в соседней палате, забежали, девушка уже открывала глаза.

Всё, как люблю. Красиво. Хэп.

С ощущением хорошо проделанной работы я вышел из реабилитационной больницы. Маленький дворик уютно дохнул в лицо теплотой. Глаз радуется. Красивые деревца, качельки, девочка, стоящая и смотрящая на меня... Я замер. Девочка! Та самая! Что стояла на парапете. Начал протирать глаза. Не верилось. Никак! Никак этого не может быть.

«Это другая девочка, только похожа», — услужливо подсказало внутри. Ближе, еще ближе подошел к ней, почти подкрадываясь. Она вдруг засмеялась — задорно, звонко. И, показав на меня пальцем, побежала. Я побежал следом. Догнал только в каком-то колодезном тупичке, грубо схватил за плечо и почти крикнул в лицо:

— Да кто ты такая?!

— Ты — это я.

Девочка смотрит на меня, и мне страшно.

— Да бред!!! — эхом разносится вопль.

Вспышка света, руку свело, словно от удара током. Больно. И темно, а еще сыро, душно, страшно и просто паскудно до тоскливости от ощущения жуткого одиночества. Но все это быстро пропало, все чувства куда-то делись. Остался лишь холод. И он нарастал, пока я ворочался, тяжело возвращаясь в себя. Наконец удалось открыть глаза.

Я лежал на асфальте, а небеса плакали надо мной.

«Простуда!» — первая мысль оживающего организма.

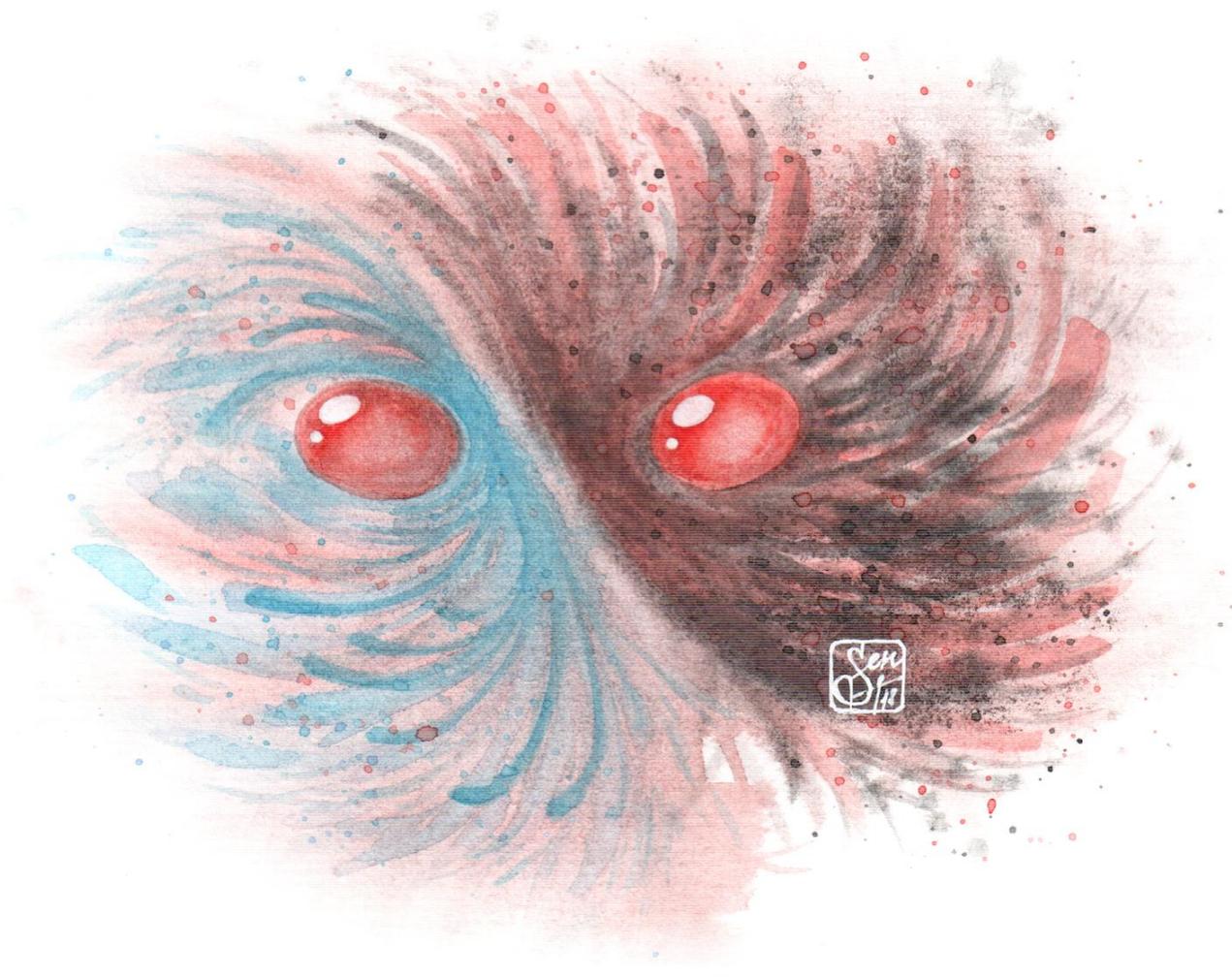
Насквозь мокрый и обессиленный, я попытался опереться о землю, но ладони только скользили — сквозь пальцы протекала вода. Пытаясь найти точку опоры хотя бы в словах, я забормотал:

«Дождь только начался...»

С трудом встав, почему-то не удержался и плюхнулся в грязную воду. Как в хорошем боевике, воды было по щиколотку.

Захотелось остановиться, перестать бороться, просто закрыть глаза и остаться в почти бушующем потоке.

«Иди ко мне», — тихий шепот прозвучал в чернеющем небе, а может, только в моей промокшей голове? Сумерки поглощали без остатка все силы, волю, желание жить. Но я встал. Любопытство ведет нас, когда умирает даже надежда. На автомате, на рефлексках выбрался на дорогу. А там никого — ни машин, ни людей.

«Он только начался, сейчас закончится...» — растирая коченеющие руки, продолжал бормотать под нос, сам не понимая смысла сказанного, только чтоб двигаться вперед, чувствовать, что жив. И совсем, конечно, не заметил, когда и как, рядом пристроившись, возник медленно движущийся параллельным курсом черный «Мерседес». Наконец движение сбоку привлекло мое окоченелое внимание. Я и машина синхронно остановились.

Дверца распахнулась. В красивом белом костюме, брутальный кореец выглянул искомандовал:

— Залезай!

Тон его мне очень не понравился, словно к наилегчайшей категории девушек обратились, поэтому с оглохшим и гордым видом продолжил идти вперед.

— Залезай! — не унимался тот.

Я показал «Мерседесу» фигуру из трех пальцев. И меня втащили в него. Особо сопротивляться не получилось, да и зачем? Там хоть тепло.

Внутри — дорогой салон, обтянутый кожей; машина шестиместная: два водительских сидения и по два друг против друга. S-класс. Оглядевшись, устало спросил, не обращая на заломленное плечо внимания:

— Вы кто такие?

— Друзья. Видим, ты промок. Вот думаем: поможем, довезем домой, — улыбнулась черноволосая девушка, сидевшая напротив корейского брутала. Одного взгляда было достаточно, чтобы не поверить ей: в руке ее был нацеленный на меня пистолет.

— С пистолетом? А пистолет зачем?

— Мы боимся тебя.

— Так может, я того, сойду?! — ответил, потянувшись к дверной ручке.

— Не рыпайся! — прижав сонную артерию сильными натренированными пальцами, кореец теперь держал в них мою жизнь.

Девушка резко взмахнула ладонью, и кореец толкнул меня на нее.

— Все, что имеет начало, имеет и конец, Макс.

Проза. Сюрреализм. Постмодернизм

Захотелось в ответ подколоть, но она уже притянула к себе и поцеловала страстно, как может только настоящая женщина, а затем меня ударили по затылку.

Очнулся в кресле, голова пульсировала болью. Я склонился набок, обхватил рукой затылок. И тут, прямо напротив, раздалось:

— Рад видеть тебя, Макс.

Черноволосый, чернокожий, в красивых круглых очках, мужчина улыбался. Чем-то он напоминал большого кота. Весь из себя в кожанке и черной тройке — вдушал странную смесь уважения и желания соперничать.

— Кого ты мне напоминаешь? — простонал я.

— Все мы кого-то напоминаем. И прежде всего — самих себя. Так что это не важно. Значение имеет только твой выбор.

Он вытягивает руки медленно, как в фильме со спецэффектами. Слово время замедляют, и оно идет, нет, течет капля по капле; разворачивает ладони — в одной красная таблетка, в другой... тоже красная.

— Ну что, так какую?

— Красную или красную?..

— От правды не укрыться, — лицо мужчины расплывается в улыбке.

— Так где я?

— Ты находишься на границе новой жизни. А за ней — всё или ничего... Что ты выберешь?

— Всё — звучит надежней.

— А если всё это и есть ничего? Пустота всего лишь, по сравнению с тем, что видел здесь ты?

Я вздохнул, посмотрел на две красные капсулы.

— Одна — всё, другая — ничего?

— Практически, — еще раз фирменно улыбнулся мужчина, затем кивнул. — И наоборот.

— Если выбора нет? Тогда зачем?

В ответ — молчание. Хоть бы один мускул у него дрогнул, нет, непроницаемая маска — окаменевшая улыбка, казалось, нарисованная. Ужасно захотелось потрогать это фактурное лицо: вдруг холодное, вдруг на глазах рассыплется, развеется мороком или рука пройдет сквозь голограмму? А потом захотелось сказать: «А, будь что будет» или «Авось пронесет, небось не пропадем» — махнуть рукой и выпить залпом. Я переборол и то и другое желание. Глупо думать, что никто ничему не учится.

«Возьму правую, с правой — правда», — шепнуло в глубине. Возможно, интуиция.

Когда я взял капсулу, мужчина заулыбался еще больше, как фокусник перед демонстрацией

псевдочуда. Сбивает? Пил долго, пока стакан, точнее вода в нем, не кончилась.

Странно, жажды нет, а пить хотелось.

— Еще вода есть?

— Весь графин в твоём распоряжении...

Меня шатало. Руки тряслись, дрожали. Поэтому, не наливая больше в стакан, стал пить из горлышка. Вместе с водой в меня вливался холод. Он все сильнее и сильнее овладевал мной. Я отшатнулся, когда по полу прошла волна — словно зеркальный паркет отсвечивал, и от него волнение передалось стенам. Глубокие впадины прошли по ним.

— Ну что, Макс, ты готов к правде?

За спиной мужчины забрезжил тусклый свет. Я закусил губу, сел в кресло. Струйка крови быстро стекала по подбородку на рубашку. Ее тепло расслабляло, подавляло страх. Но по лицу прошла невольная судорога.

— Что не убивает — делает сильнее, — произнес невпопад.

— Мне всегда в тебе эта позиция нравилась...

Наверняка это была искренне радостная улыбка. Дальше послышался треск столь мощный, что показалось, будто в комнату хочет ворваться ураган, даже не из ветра — из электричества. Настолько сильных звуков слышать не доводилось.

Теперь свет за спиной мужчины разгорался. По стенам прошла рябь, и с них с треском сорвали всю шелуху: пыль, обои, штукатурку — все разлетелось. Гвозди с визгом стреляли в потолок. На мгновение время замерло, застыло, вокруг в воздухе повисли осколки, а затем их развело в стороны, словно ангел крылом закрыл меня. Не помню, как оказался на коленях. Из глаз текли слезы, щека дёргалась в тике. В панике прикрыл лицо, а когда убрал руки, ничего не было: даже номера, даже стен и потолка.

Окружающее пространство расширилось. Вокруг струился белый свет — он заполнял все. Честно говоря, возникли ожидания громогласного голоса откуда-то сверху. Вместо него раздалась тихие и все же разносящиеся эхом шаги: «Хлоп-хлоп-хлоп, хлоп-хлоп-хлоп», словно человек не просто шел, но еще и умудрялся пританцовывать.

Откуда-то издалека, то приближаясь, то удаляясь, ко мне двигалась фигура. Когда она оказалась ближе, охватило ощущение, будто меня вместе с реальностью, или хотя бы с полом, пронесло сквозь сотни метров, может даже ки-

лометры, как на крыше скоростного экспресса. Белая туманная поверхность пронеслась подо мной, словно облако, гонимое смерчем, стремительно увлекаемое в неизведанное.

Теперь я и незнакомец стояли рядом. Чем-то он напоминал моего дядю. Приглашающий жест. И мы оба сели в возникшие прямо из пола мягкие пушистые облачные кресла, по ворсинкам которых, струясь, мелькали маленькие вспышки.

Он долго смотрел мне в глаза, затем, расплываясь в улыбке, усмехнулся и наконец захохотал.

— Ох-х, как ты смотришь! Кажется, ты совсем ничего не помнишь.

— А должен?

— Скажи тогда мне, как звать тебя?

— ...А?

— Сколько тебе лет? Ты женат, влюблен? Какого цвета твои глаза?

Я долго в растерянности молчал, а мужчина внимательно смотрел.

— Странно, мне... мне казалось, я знаю...

— Знаешь, чувствуешь, какой ты. Но ни разу твой взор не зацепило отражение в зеркале, ни разу вид молоденькой девушки не воспламенил кровь, ни разу тебе не захотелось петь. Только разговоры с самим собой, немного жалости к людям и эгоизм в самых примитивных проявлениях — попить, поесть... Ты, кстати, как, ешь вообще? Ну, куришь и пьешь, куришь и пьешь... — это видел.

— Почему так?

— Ты и есть этот мир. Ты — это я, а я — это ты. Но чтобы все вспомнить, тебе просто надо посмотреть в зеркало.

Он взмахнул руками и начал медленно, с трудом, вытягивать что-то тяжелое. Пол подернулся туманной дымкой, потом стал прозрачным, и из него поднялось огромное, в ослепительно белоснежной оправе зеркало.

Я заглянул в него.

Матовая поверхность пустовала.

— Там ничего нет.

— Так и есть, даже очертания пропали. Ну так нарисуй их! Вон, волосы длинные, почти на нос свисают!

Я вытянул прядь.

— Шатен.

В зеркале стали проявляться очертания прически.

Мужчина удовлетворенно кивнул и жестом предложил продолжить.

Я провел ладонями по сужающемуся лицу и,

прикоснувшись, почувствовал глубокий шрам на щеке. Боль озарила память. Снег... холод... удар. А еще ощущение полета, как будто тело переворачивает в воздухе, а время застыло — смотрит, как я лечу к небесам.

— И правда забываемо; такой эффект только в центрифуге.

— Машина перевернулась, — тихо и подавленно произнес, не поднимая глаз. В зеркале возникло лицо, которое я не мог не узнать. Темные, слегка вьющиеся волосы, серо-карие глаза, шрам, перечеркивающий щеку. Таких сотни миллионов.

— Его зовут Максим, — указывая в зеркальную гладь ладонью, произнес мой собеседник: — Максим Юрьич Зимин. Собственно, как и тебя. Только не плачь, — грустно улыбнулся он. — Девичьи слезы — облегчение, мужские — словно расплавленное серебро: сжигают тело и часть души. Ты не думай, не погиб ты. Будем знакомы: я твой разум, по-простому — мозг.

Я засмеялся уже сквозь выступившие капли расплавленного серебра.

— Ты — кто? Уф... ты издеваешься?

— А что, надо было подойти, хлопнуть тебя по плечу и заявить: «Дружище, я мозг, ты — сознание, душа и прочее. Мы в коме. Я тут сварганил цепочку нейронов — пора рвать когти!» Ты думаешь, я ищу легких путей?

— Цепочку... Понятно, коматознику снится работа по выводу людей из комы. Защитный механизм, — я закачал головой, потом вдруг прищурился, осознавая. — Парадокс. Причуды защитного механизма (сознания). Все, что я видел до сих пор — игры разума. А какой ты настоящий?

— Мдя. Интересный вопрос... — Его лицо начало стремительно светлеть, а глаза потемнели, и вдруг ослепительная голубизна вспыхнула в зрачках. Темные волосы начали отливать золотом.

— Ну...

— Ты чему-нибудь научился? — неожиданно прозвучал вопрос.

Мужчина молодец, превращаясь в златокудрого юношу.

— Не знаю.

Парень вздохнул. Волосы побелели, стали почти седыми, но с мелированным блеском.

— Да-а, — вместе с его выдохом по лицу прошел глубокий шрам, а цвет глаз из синего стал ослепительно изумрудным. — Три недели ушло, чтобы воссоздать одну нейронную цепочку! Нить

Художник SEN

жизни между тобой и мной. Тебе нужно наверх, в реальность, а то вдруг нас отключат!

Теперь волосы и отросшая аккуратная борода горели огнем.

— Так...

— ... я вечно изменчив. Меня миг назад просто не существует — уже изменился, впитав новые знания, одновременно что-то забыв. Ладно, заговорились мы. — Сбоку от меня возникла светящаяся дверь. Он вздохнул: — Мне тяжело удерживать образ, да и не важно сейчас это: ты все вспомнил, вновь осознал себя. Открой дверь.

Я подошел к ней, встав из облачного кресла, открыл. Внутри пульсировала слепящая бесконечность. Для уверенности напоследок обернувшись, хотел попрощаться и как-то ободриться, но искренние слова, готовые сорваться с губ, куда-то предательски делись. Все, кроме «до свидания», и я по привычке ляпнул:

— Слушай, а классно с девочкой ты придумал! Ты молодец, спасибо! — Не выдержал, захотелось похвалить и одновременно похвалиться — все-таки свой интеллектуальный аппарат.

— С девочкой? Какой девочкой? Нет никакой дев...

Но я уже шагнул, и меня затянуло в вихреворот света, крутящий миг — ослепительный, яркий. Даже как будто вкусный. Я словно пил свет, насыщаясь им, а затем с криком вскочил.

Темно, в окне снег, фонарь горит. Мне тут же захотелось спать. И я не стал с собой бороться. Снов не видел, открыл глаза с первыми лучами солнца. Рыжие волосы на подушке принадлежали моей девушке. Она спала, уткнувшись в мое плечо.

За окном снег все кружил, танцевал.

Мне повезло. В коме я провалялся всего три недели, которых врачам хватило для постановки диагноза — «без шансов».

Как раз и наступил Новый год. Правда, с памятью возникли осложнения, зато я отчетливо помнил обо всем произошедшем во сне, постепенно привыкая к новому миру. Теперь ни за что не сажусь в одну машину с лихачом Андреем, даже силой меня не заставить. Вот так зимой вперегонки гонять. Тридцать первое решили отпраздновать по-особенному — в честь выздоровления. Собрались все жертвы ДТП.

Снег валил с небывалой силой весь день, и под вечер снегопад только лишь усилился. Собрались в большом развлекательном центре, где на втором этаже располагался весьма неплохой «ресторан-кафе», как гласила вывеска. Называлось заведение для офисных символично — «Трамплин». Это было любимое место моих друзей, да и мне в нем нравилось. Так что я сидел в кафе, пил сок, улыбался, принимал поздравления, хотя странное чувство ожидания чего-то не покидало меня весь вечер.

«Мозг явно что-то проанализировал», — мелькнуло в голове. И я направился в соседнее кафе через зал от нашего.

Негромкая музыка. Несколько посетителей молча сидели за столиком, а меня не покидало ощущение недосказанности. Аккуратно убранные столы, некоторые уже зачехлены полиэтиленом. Картина праздничной покинутости и отчуждения добавляла атмосферы.

— Что вам? Мы уже закрываемся, к сожалению, — устало произнес официант.

Я, не отвечая, подошел к распахнутому окну, посмотрел вниз. Сквозь пелену снега не разобрать ничего.

— У вас есть проход к служебной лестнице?

— Конечно.

Я прошел к ней, быстро спустился, затем вышел из здания в заснеженную ночь. Ветер пел, звезды танцевали, а я надрывно смотрел в белую пелену мелькающего снега, закрывшего для обозрения весь видимый горизонт серебристой мельтешащей мглой.

— Дяденька, кого вы ищете? Так простыть можно.

Я обернулся и застыл. Долго смотрел, веря и не веря одновременно. Маленькая девочка. Та самая. Большие глаза, косички-косенки, задорная улыбка. Синеглазка. Почти на выходе из здания, в ореоле света, льющегося из вестибюля. В двух шагах от отчужденности снега, в миге от моей новой жизни.

— Девочка...

— С возвращением! С Новым годом, с новой жизнью!

Обернувшись, она вприпрыжку побежала, и я увидел, как колышутся и, казалось, оживают, летят в такт движениям маленькие ангелы, нарисованные на футболке.

Наверное, она каждый день стоит на краю борьбы за чьи-то души. Маленькая девочка, ребенок внутри каждого из нас. Ангел охраняющий.

Я долго смотрел вослед. Стоял и смотрел. А снег на улице кружил — не падал.

Дёмин Михаил

<https://writercenter.ru/profile/Max7/whois/>

SEN

<https://writercenter.ru/profile/KuraiAkuma/whois/>

Авитаминоз души

Argentum Agata

А промозглый февраль, он никак не отпустит из сети, не растает, чтоб в землю уйти из смешавшихся с грязью снегов. Мой промозглый февраль снова щелкнул растрепанной плетью... Да, загнал наконец, не расправить души... все равно...

Художник Argentum Agata

Долгое время казалось, что ресурсы — неисчерпаемы, стоит лишь захотеть — и сделаю все, что нужно, что должно, что хочется, в конце-концов... Именно — в конце. Не в этом ли жестокая ирония формируемой своим же постоянным выбором судьбы? Когда то, что хочется делать, постоянно откладывается на потом, и его время так и не наступает, искусственно отодвигаемое нами самими, бросающимися удовлетворять то одну, то другую чужую, а подчас еще и чуждую нам прихоть... И мечемся, суетимся, спешим, спотыкаясь и боясь опоздать, не суметь, не угодить; получая в ответ то фальшивые псевдоблагодарности, то претензии, а то и откровенные тычки. И, собственно, со временем эти тычки становятся действительно заслуженными, поскольку творим чужое чуждое со все меньшим азартом, а внутреннее сопротивление возрастает настолько, что, кажется, выбралось бы наружу и так отхлестало — все тычки посторонних показались бы чем-то совершенно ничтожным... чем они, вообще-то, и являются.

Так чего ради постоянно делать выбор не того и не тех? Зачем, изматывая себя, жить на пределе, не умея угодить чуждому, и растрачивая силы и душевные запасы, предназначенные не для лакейских попыток понравиться-поднести-угодить, а для собственно творчества и созидания? Ради куска хлеба, в итоге не лезущего в горло? Ради сомнительного удовольствия быть псевдопринятым в кругу тех, с кем по доброй воле не хотелось бы обменяться и парой слов, случайно оказавшись попутчиками в вагоне поезда? Нет, это не то добро, которое нужно отпускать, совершив; это именно попытка заработать, купить то, что никогда не покупается и не продается — искреннее расположение и созвучность с кем-то. И если сейчас этого в жизни нет, то не стоит и пытаться дослужиться до некой подачки, жалкого эрзаца истинных чувств. А стоит повременить, не спешить, оглянуться вокруг...

...Вот и отошел очередной февраль. Отойти бы и мне, отогрев озябшую и заочковевшую душу, разучившуюся создавать из слов музыку... А может быть, этого никогда и не было, а просто развеялся очередной мираж, и остается только собрать оставшиеся пожитки и уйти отсюда совершенно в ином направлении, снова и снова теряя путь, попутчиков и попутный ветер, давно уже превратившийся в пустынный самум, перемешавший мысли и чувства с сухими и острыми крупницами песка, опустошивший карманы и душу, выедающий глаза, которые так и хочется закрыть навсегда...

Тайна бабы Яги

Карапац Александр

Артем любил играть в компьютерные игры. Казалось бы, ничего необычного, все дети любят в них играть. Но дело в том, что Артем уже не был ребенком. На днях ему исполнилось двадцать семь. Жил он с родителями, женат не был, и все свободное время проводил за компьютером. Пять лет назад он окончил институт, имел специальность программиста и работал в одной небольшой конторе системным администратором. На работе он обычно не играл (начальник не поощрял такого времяпровождения), но когда приходил домой — оторвать его от компьютера было невозможно. Родителям это не нравилось, но что они могли поделать? Артем не гулял, не курил, не пил, зарабатывал неплохо. Казалось бы, какие могут быть претензии?

В этот вечер он, как обычно, сидел у монитора и выискивал, во что бы поиграть. На глаза ему попала новая онлайн-игра под названием «Тайна бабы Яги». На вид простенький квест с незамысловатым сюжетом привлек почему-то внимание Артема, и он, зарегистрировавшись, начал игру. Он оказался в лесу и должен был, как это стало ясно из подсказки, найти дом бабы Яги. Артем собирал грибы-бонусы, нашел клад под деревом, но что делать дальше, было непонятно. Он все шел и шел по лесу, но новых подсказок не появлялось. Наконец, он спас вороненка, выпавшего из гнезда, и получил от мамы-вороны полезный совет.

— Иди за лисой, — сказала ворона.

— Пойду. Куда же мне деваться? — ответил Артем и тут же увидел лису.

Лиса мелькнула перед глазами и быстро побежала в глубь леса. Артем бросился за ней. Лиса то терялась в кустах, то появлялась снова. Артем не отставал. Впрочем, казалось, лиса и сама не хотела отрываться от него. Наконец лиса выбежала на полянку и куда-то пропала. Избушку Артем сначала не заметил. Потом обнаружил замаскированную дверь и в куче валежника разглядел очертания самой избушки на курьих ножках. Дверь легко отворилась, Артем вошел и увидел бабу Ягу. Она ковыряла ухватом в печи. Не оборачиваясь, Яга сказала:

— Ну, наконец-то! Долго же ты до меня добирался!

— Подсказок мало было, — пробормотал Артем, почему-то ощущая себя виноватым.

— Ну, садись, отдохни с дороги, — Яга повернулась, и Артем увидел длинный кривой нос и глядящие на него с уродливого старушечьего лица хитрые глаза. — Давно ко мне никто не заглядывал. Соскучилась я по человеческому духу.

— Спасибо! — Артем присел на лавку. Ощущение было таким, будто он сидит на настоящей скамье в настоящей избушке. И запах дыма из печки, казалось, ощущался явственно.

— За тайной пришел? — прервала его размышления Яга.

— Да нет, я так просто. Мимо проходил.

— Не смущайся! Все сюда за тайной приходят. Но пока никто живым не уходил. Впрочем, мертвым тоже... — засмеялась Яга.

Артем похолодел. Он понимал, что это всего лишь игра, в любой момент можно выйти из нее и оказаться дома. Но почему-то испугался всерьез.

— Ладно, расскажу я тебе о своей тайне. Мне ведь очень хочется кому-нибудь рассказать. Просто неумогу бывает молчать. Потому и жду добрых молодцев, которые мою избушку найдут. А как расскажу, придется молодцев ножиком да по горлышку. — Яга показала длинный кривой нож, торчавший у нее из-за пояса. — Иначе ведь разболтают всем про мою тайну. И она перестанет тайной быть. Так что устраивайся поудобней и слушай.

Артему сделалось еще страшней. Сердце болезненно сжалось. Но отступить от правил игры он не мог, поэтому с деланным равнодушием в голове проговорил:

— Давай, рассказывай, старая. А там посмотрим, кто кого по горлышку.

Яга усмехнулась и продолжала:

— Тайна моя одновременно проста и сложна.

Чтобы рассказать о ней, и пяти минут хватит. А вот чтобы понять то, что я расскажу, может и всей жизни не хватить. Дело в том, что я ...

В этот момент Артем каким-то краем сознания понял, что лучше ему этой тайны не знать. Усилием воли он попытался отключиться от происходящего в избушке и вернуться в реальность. В голове загудело, что-то щелкнуло, как от перенапряжения, и он как будто куда-то провалился.

Очнулся Артем на полу своей комнаты. Было темно. Компьютер, похоже, перезагрузился. Он посмотрел на часы: почти шесть утра. Скоро вставать, собираться на работу. Но, пожалуй, еще часок вздремнуть можно. Артем поставил будильник на семь, перебрался на кровать и тут же заснул.

Ему приснился сон. Опять он шел по лесу, нашел избушку, увидел бабу Ягу. Опять она говорила ему о тайне и о том, что те, кто узнавал эту тайну, умирали. Опять она начинала свой рассказ, и опять Артем понимал, что слушать нельзя...

Арт Белка Елена

Проза. Сказка

Он проснулся от звона будильника именно в тот момент, когда Яга из сна произнесла слова, которые он уже слышал в игре:

— Тайна моя одновременно проста и сложна. Чтобы рассказать о ней — и пяти минут хватит. А вот чтобы понять то, что я расскажу — может и всей жизни не хватить. Дело в том, что я ...

Спасительный звонок заставил Артема подскочить. Страшный сон развеялся. Он быстро собрался и поехал на работу. Но весь день он думал только об этой странной игре.

Надо сказать, что при всех своих игровых умениях Артем был невероятно застенчивым в реальной жизни. Особенно это касалось отношений с противоположным полом. В компании он мог шутить, остроумно отвечать собеседникам, но стоило ему остаться с девушкой наедине — Артем превращался в дебилоида, не умеющего связать двух слов. Конечно, нередко случалось, что ему кто-нибудь нравился, но боязнь реального общения так давила, что он никогда не предпринимал серьезных попыток сблизиться. Иногда, впрочем, девушки сами пробовали навязать ему более тесные отношения, но, наталкиваясь на тупое молчание, быстро отказывались от своих попыток. В этот вечер, как обычно, Артем вышел с работы один. Он хотел уже привычно двинуться к автобусной остановке, но его внимание привлекла незнакомка, шедшая навстречу.

Было в ее лице что-то, заставившее задержать взгляд. Правильные черты или золотистые волосы? Нет — скорее всего, глаза. Она взглянула на Артема, и он прочел в этом взгляде целую поэму. Что она одинока, что ждет своего рыцаря, что он ей понравился и много еще чего. Впрочем, вероятно, он все это сам придумал. Но, придумав, поверил. Девушка и Артем разминулись, она скрылась за углом. Артем остановился. Какая-то непреодолимая сила заставила его двинуться за ней. На тротуарах еще лежал мартовский нерастаивший снег. Девушка была в пальтишке с лисьим воротником. Артем завернул за угол и увидел, что лисий воротник мелькает далеко впереди. Он прибавил шагу.

— Иди за лисой, — вспомнил он слова вороны из игры, и сразу возникло ощущение дежавю. Вот так же шел он ночью за лисой, которая привела его к избушке бабы Яги. Артем почти догнал девушку и шел на небольшом расстоянии, стараясь оставаться незамеченным. Девушка несколько раз останавливалась и, казалось, видя преследование, сама не хотела отрываться от него. Так они прошли

несколько кварталов. Артем уже не узнавал улиц, по которым они шли, так как все его внимание было сосредоточено на плывшем впереди лисьем воротнике. Наконец девушка остановилась у высоких ворот и оглянулась, как бы поджидая Артема.

Ничего не оставалось, как подойти. Девушка заговорила сама:

— Привет! Вижу: ты за мной идешь. Наверное, хотел познакомиться?

— Да. — Артем не знал, куда деваться от смущения. — Меня зовут Артем.

— Алиса, — представилась девушка. И Артему показалось, что это имя он знал давно. Да и могло ли быть другое имя у лисы? — Здесь я живу. Может, зайдешь выпить чаю за знакомство?

— Конечно, — Артем не верил своей удаче. — А то холодно.

Алиса набрала код, и они вошли. Прошли через большой двор, поднялись по ступенькам и попали в прихожую огромного дома.

— Заходи, раздевайся, — командовала Алиса. Они поднялись по лестнице на второй этаж и оказались в огромном холле. Из него в разные стороны вело несколько дверей.

— Направо пойдешь — счастье найдешь, налево пойдешь — коня потеряешь, прямо пойдешь — назад не вернешься, — скороговоркой протараторила Алиса и двинулась прямо. Артем пошел за ней. Ощущение дежавю не только не рассеялось, а еще больше окрепло.

Арт Белка Елена

В комнате, в которую они вошли, казалось, все было специально приготовлено к их встрече. На столе дожидался горячий самовар. Рядом стояли два чайных прибора, и на нескольких тарелках были разложены аппетитные сладости. В углу дышал теплом большой электрический камин, сделанный в форме русской печи. Алиса жестом пригласила Артема за стол, сама устроилась напротив.

— Ну, добрый молодец, рассказывай: дело пытаешь аль от дела лытаешь? — пропела она на старинный манер, как бы продолжая начатую ранее игру.

— Ты бы меня сначала напоила, накормила, а потом и расспрашивала, — поддержал тон Артем. Чуть не добавил «старая», но это слово для двадцатилетней девушки явно не годилось.

Алиса разлила чай по чашкам, пододвинула поближе к Артему тарелку с булочками и заговорила:

— Живу я здесь с родителями. Правда, они часто уезжают, так что чаще одна бываю, как сейчас. Дом большой, прислуги всего два человека. Но они справляются. Мне остается только по интернету с друзьями общаться да добрых молодцев приманивать. — Здесь она весело подмигнула Артему.

Артему вдруг стало страшно. Красивая улыбающаяся Алиса показалась ему уродливой бабой Ягой, которая сегодня ночью говорила ему похожие слова.

— И многих приманила? — шутливо спросил он, хотя ему было уже не до шуток.

— Не считала. Сколько веков прошло! — старческим голосом прошамкала Алиса и весело рассмеялась. — А ты молодец, умеешь ответить! Слушай, Артем, а хочешь, я открою тебе страшную тайну?

Артем вздрогнул: игра становилась реальностью. Но он постарался не подать виду, что испугался, и нарочито равнодушным голосом проговорил:

— Можно и тайну. Надеюсь, она не сильно страшная?

— Это как посмотреть. Мне ведь очень хочется кому-нибудь рассказать. Просто неумоготу бывает молчать. Вот и приманиваю добрых молодцев. — Алиса опять подмигнула. — Тайна моя одновременно проста и сложна. Чтобы рассказать о ней — и пяти минут хватит. А вот чтобы понять то, что я расскажу — может и всей жизни не хватить. Дело в том, что я ...

На этом месте оборвалась игра. На этом же месте прервался сон Артема. Он ждал, что и сей-

час все каким-то образом закончится, но Алиса продолжала:

— Дело в том, что я — единственная женщина на земле, — она сделала паузу.

— Как это? — не понял Артем. — А другие кто же? Не женщины?

— Все другие — это тоже я, — ничуть не смутившись, продолжала Алиса. Я — единое существо, которое живет во всех женских телах. Я чувствую все, что чувствуют они, вижу все, что видят они, и ведут они себя так, как я хочу.

Артем улыбнулся. Все оказалось не так страшно. Просто очередная фантазерка. Он решил поймать Алису на противоречии и спросил:

— Так кто же у вас, женщин, главный? Кто всем диктует, как себя вести? Ты, что ли?

— Я, — просто согласилась Алиса. — Где-то же должен быть центр управления. Как в компьютерной сети. Центр — в этом доме, а я — Главный Администратор, сокращенно — ЯГА.

— Так ты и есть баба Яга? — Артем не мог удержаться от смеха, такой несуразной показалась ему фантазия Алисы. — А сколько тебе лет?

— Ты имеешь в виду — этому биологическому телу? Оно молодое, лет двадцати, но я могу переходить в любое из женских тел. И любое из них могу заставить делать то, что мне хочется.

Артем опять улыбнулся.

— Не веришь? А ты вспомни, как одинаково ведут себя женщины. Когда мужчины с ними знакомятся — они милы и привлекательны. А когда они становятся женами — берут управление в свои руки, и мужчинам остается лишь выполнять их приказы. Женщины всегда все знают. Не догадываешься — откуда? Правильно! Любая женщина обладает знаниями всех остальных. Правда, часто женщины стараются казаться глупее, чтобы мужчины не догадались о нашей тайне. И обычно мы стараемся держаться в тени. Политикой не занимаемся, редко становимся президентами или министрами. Зачем? Женщины и так всем управляют. Вернее, я, потому что я — единственная женщина.

— И давно это у вас? — уже не так уверенно спросил Артем.

— С тех пор, как человек стал разумным. Так сложилось, что все женские организмы объединились в систему с единым центром управления, а мужские — так и остались разобщенными. В старые времена центр управления находился где-нибудь в глухом лесу и был замаскирован под обычную избушку. Она даже передвигаться могла. В сказках ее изображали на курьих ножках, хотя,

Проза. Сказка

конечно, движущее устройство у нее было немного другого вида. Я — Главный Администратор или ЯГА — жила в этой избушке и управляла всеми женскими телами. А сейчас уже нет смысла в лесу избушку держать. Можно просто дом в городе построить. Никто не сунется — частное владение. Защищает лучше всяких сказочных чар. — Алиса засмеялась. — Ну что, поверил теперь?

Артем почувствовал, что начинает верить. Он ведь был программистом и понимал, что в рассказе Алисы или, как она себя называла, Яги, нет противоречий. А раз нет противоречий, все логично — значит, это вполне могло быть правдой. Он попробовал все-таки зацепиться за отдельные неувязки, очень уж не хотелось верить, что все обстоит именно так.

— Так ты сейчас видишь все, что делают другие женщины? Тогда расскажи о ком-нибудь или покажи кого-нибудь из моих знакомых.

— Пожалуйста, — казалось, Алисе стало скучно. — Кого ты хочешь увидеть? Катю хочешь?

Катя была девушкой из конторы Артема, которая ему больше всех нравилась, но к которой он боялся даже подойти. Алиса взмахнула рукой, и зажегся экран телевизора, висевшего на стене. На нем появилась улыбающаяся Катя, которая шла по улице под руку с Олегом, тоже сотрудником их фирмы.

— Хочешь, она сейчас скажет «Я люблю бабу Ягу»? — спросила Алиса. И Катя на экране, действительно, остановилась, повернулась к зрителям и четко произнесла: «Я люблю бабу Ягу».

Артем не знал, что и подумать. Уверенность, что Алиса — простая фантазерка, таяла, зато нарастало ощущение тревоги. Откуда-то вновь выполз недавний страх.

— А пусть она ударит Олега по лицу, — выкрикнул Артем первое, что пришло в голову. Он продолжал цепляться за надежду, что все это — розыгрыш, хотя уже понимал, что Катя выполнит все приказания Алисы. Катя на экране остановилась и со всего размаха врезала Олегу по скуле.

— Ты что? — крикнул Олег на экране.

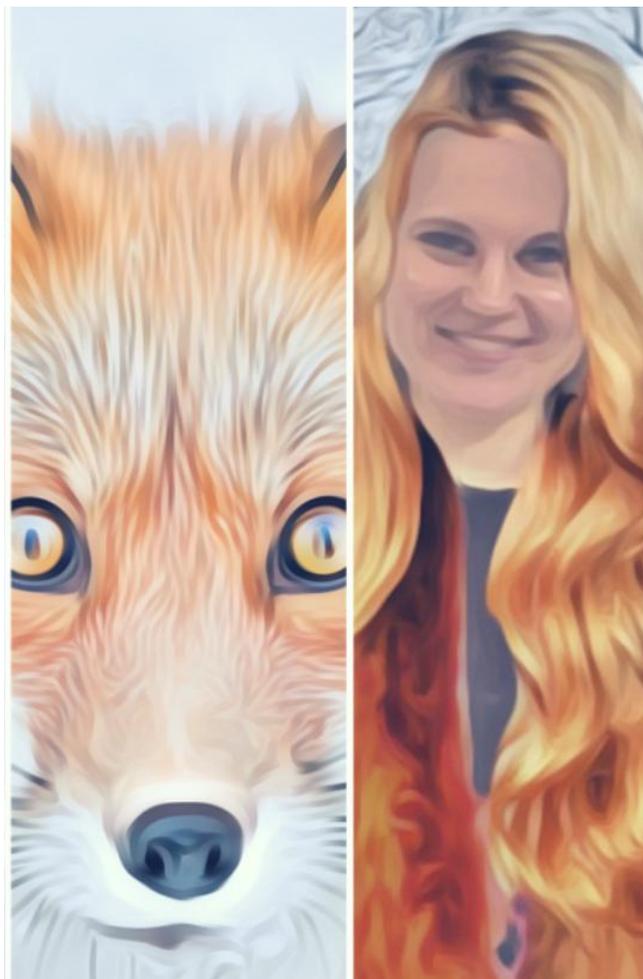
— У тебя муха на щеке сидела, — невозмутимо ответила Катя.

Экран погас. Алиса выжидающе смотрела на Артема.

— И что теперь? — почти прокричал он. — Допустим, я поверю. Что ты со мной сделаешь? Ножиком по горлышку?

Алиса засмеялась.

— Я еще подумаю. Ножиком — это не эстетично.

Арт Белка Елена

Артем смотрел на смеющуюся Алису, и страх все сильнее сжимал его сердце своей ледяной рукой. Он представил, как лежит на полу в луже крови, а Алиса весело хохочет, прыгая туда-сюда через лужу.

— Ножиком не эстетично. Есть и другие методы, — все еще смеясь, продолжала девушка. — Можно, например, превратить тебя в собаку.

Это было уж слишком! Здесь логика не работала, но сейчас Артем мог поверить во что угодно — так он был напуган.

— Зачем же в собаку? Я не хочу... — выдавил он из себя.

— Да шучу я! — Алиса перестала смеяться, но от этого Артему не сделалось легче. — Ты же никому не расскажешь?

— Не знаю. А вдруг расскажу? — Артем не был уверен, как правильно отвечать.

— Тебе все равно никто не поверит. Можешь попробовать.

— Я не скажу. Никому! Теперь можно идти?

— А чай? Я думала, мы с тобой ближе познакомимся. Ведь не каждый день удастся молодца приманить. — Алиса томно потянулась. — Роди-

телей дома нет. Только прислуга. Мы могли бы заняться чем-нибудь интересным.

Она положила свою тонкую красивую руку на руку Артема. Артем вздрогнул, как от удара током.

— Спасибо. Меня мама ждет.

— Да, я знаю. Я все знаю, — Алиса взмахнула рукой, и на экране появилась квартира Артема. Мать Артема обернулась к невидимой камере и проговорила:

— Что-то сына долго нет. Может, наконец, девушку себе нашел? Вот хорошо бы!

Дальше Артем сдерживаться не мог. С диким криком он вскочил и бросился к двери. Зацепился за что-то ногой — но не упал, а, казалось, полетел куда-то. Последним, что он запомнил, перед тем как потерять сознание, был веселый смех Алисы.

Артем очнулся дома в своей постели. Над ним склонилось мамино лицо.

— Ты чего кричал? Приснилось что-то? — ласково спросила мама.

— Да, приснилось, — ответил Артем, все еще не соображая, где сон, а где явь. — Мама, а я когда вчера с работы вернулся?

— Да поздно уже было. Пришел с какой-то девицей. Сказал, что ее Алисой зовут. Неужели ничего не помнишь?

— Не помню, — ответил Артем. И действительно, это завершение вчерашнего дня начисто вылетело у него из головы. — И что потом?

— Как что? Она у нас осталась, — сказала мама. Мамино лицо отодвинулось, и перед глазами Артема появилась Алиса. Она приложила палец к губам, а потом шутливо погрозила им Артему и подмигнула.

— Я знаю. Я все знаю, — как бы говорило ее улыбающееся лицо.

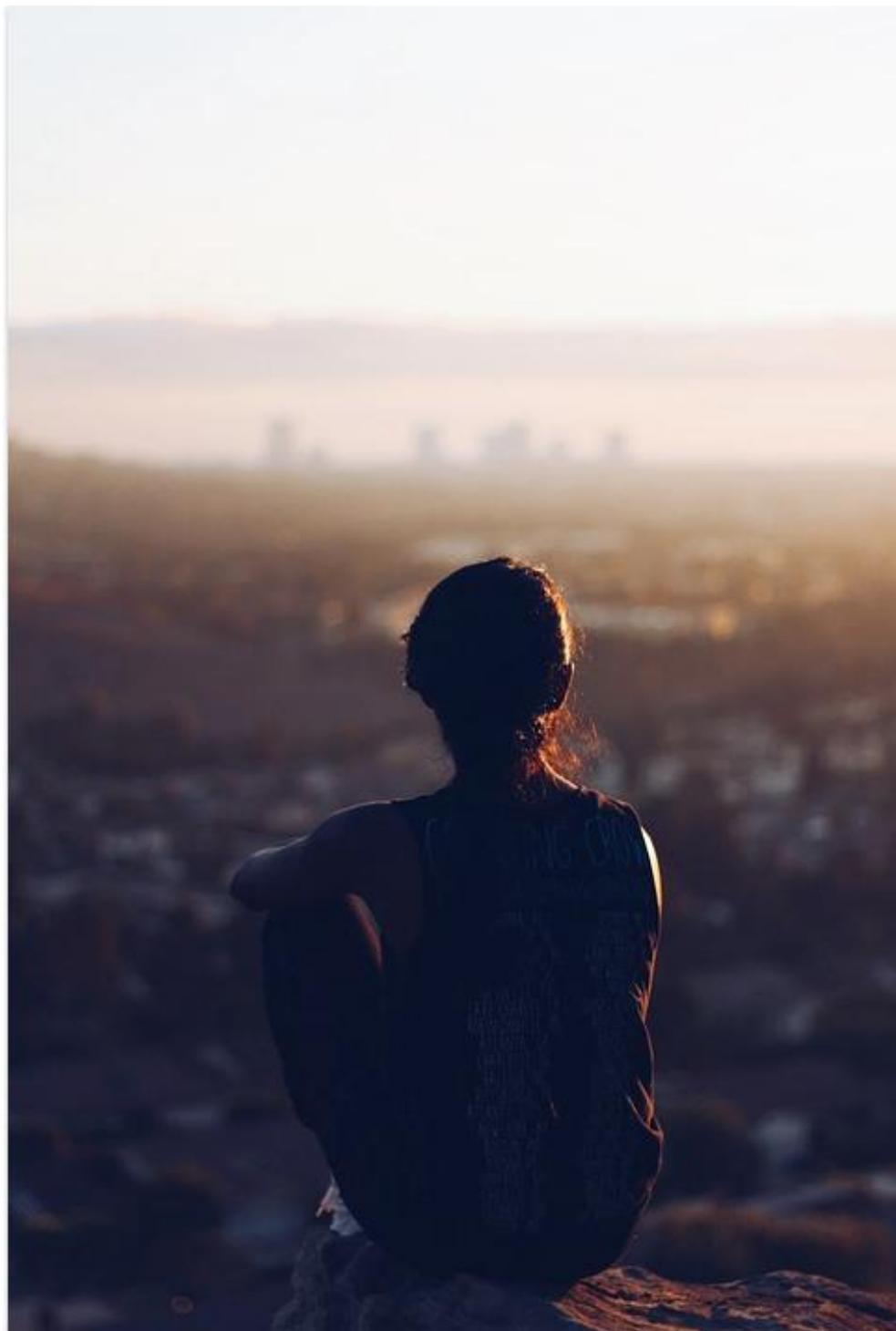
Карапац Александр

<https://writercenter.ru/profile/karalek/whois/>

Арт Белка Елена

<https://writercenter.ru/profile/miracles/whois/>

Пак Анастасия

Я не молюсь

Я не молюсь... Я не умею,
И в церкви тоже редкий гость.
Через порог ступить не смею —
Меж нами не прокинут мост.

И только в час затмений мысли,
Когда душа почти мертва,
Тяну ладони к небу. В выси
Надежда будто бы жива.

И синева пробьет устало
Угрюмость серых облаков
И этого отнюдь не мало,
Ведь храм не ведает основ.

То люди, камни воздвигая,
Себе творят во тьме огонь,
Но так ли надо, умирая,
Ждать отпущения грехов?

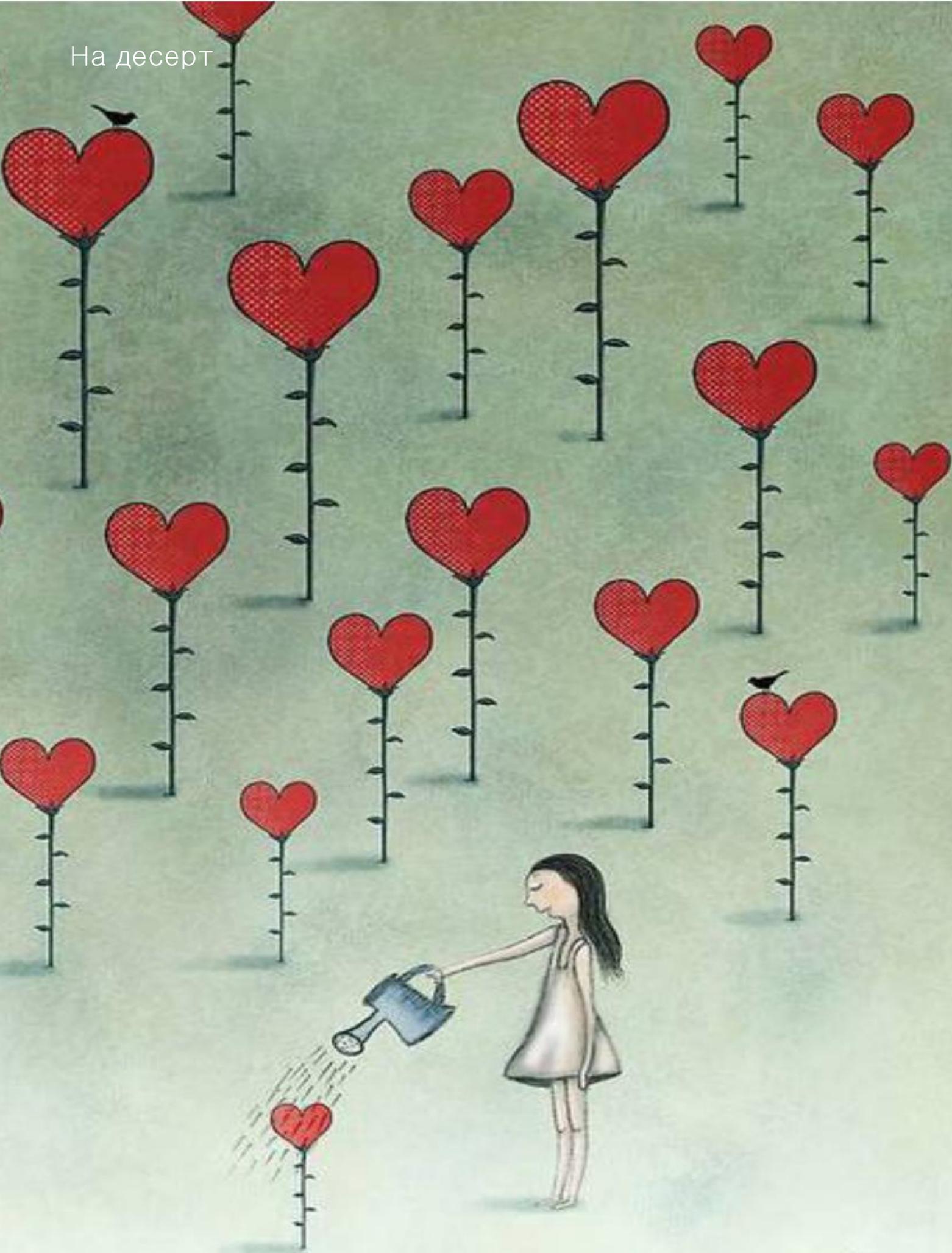
Простит ли Небо? И надежду
Вдохнет ли в сердца пустоту?
Не знаю, вера ведь так смежна
С желанием поймать мечту.

Пак Анастасия

<https://writercenter.ru/profile/ana2662/whois/>

На десерт

AJCass
Amanda Cass

Тайники души

Жеокортекс, Древний Египет, ядерная физика... Да что только не начнешь изучать, только бы не копаться в загадочных глубинах своей души! Там же темно и страшно. Там бабайки живут. Возможно, даже целыми бабайскими колониями. Там же склады того, что не хочешь не то что вспоминать, а даже признавать существование. Я же так никогда не думала, не говорила, не ощущала. Это все было в позапрошлой жизни и скорее всего с соседской собакой!

Но я сильная и смелая. Я принимаю челендж. Так где там потайной сундучок души? Почему не заперт? А... Это ж я вчера винишко открыла! Оно хорошо помогает душу проветривать) Что-то оттуда достала, что-то припрятала и немного перемешала. Люблю, когда все по полочкам и коробочкам.

Начинаю рыться. Так, здесь обиды, уже покрытые пылью и почти забытые. Тут разочарования с отчетливым запахом горечи. Секция с анекдотами пуста — я больше по экспромтам специализируюсь. Раздел с путешествиями самый большой и, похоже, бездонный — сплошные хочухи. А тут что? Ой, котенок, которого я так хотела в детстве. А здесь мой школьный песенник с тщательно выписанными текстами хитов моего детства и приклеенными фотками из журналов. Щас спую...

О, мой школьный альбом. И детские фото. Какая я смешная была! Хотя почему была? А рядом расположились посиделки с друзьями, потанцульки с ними же, а также посмеялки, походилки и поговорилки. А вот и книжки... Я даже не помню, как эту читала и о чем в той написано. Но количество впечатляет! Первый поцелуй нашелся. И выброшенный когда-то холодным осенним вечером на плечи пиджак тут. И аромат Его туалетной воды не перебивается даже запахом голубцов из кухни...

Сколько же здесь всего... невыполненные обещания. Глупые шутки. Умные мысли. Сделанное. Несделанное. Понятое. Неправильно понятое. Мысли ни о чем. Слова невпопад. Мечты о нереальном. Самобман. Наивность. Недоверчивость. Невысказанное. Невыплаканное. Непрощенное. Непрожитое.

А это что? Неужели Любовь к себе? Маленькая такая. Худенькая. Трогательная. Но так внимательно на меня смотрит. С надеждой, что я ее в тайниках своей души не оставлю. Заберу с собой. Выращу...

Ну, что мне такое красивенькое в ресторан надеть? Надо же начинать с чего-то. Любовь-к-себе откармливать развивать!

Меллори Елена ©

В следующем номере:

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Художник Ульяна Колесова

Лирика - Реализм - Мистика - Фэнтези - Фантастика